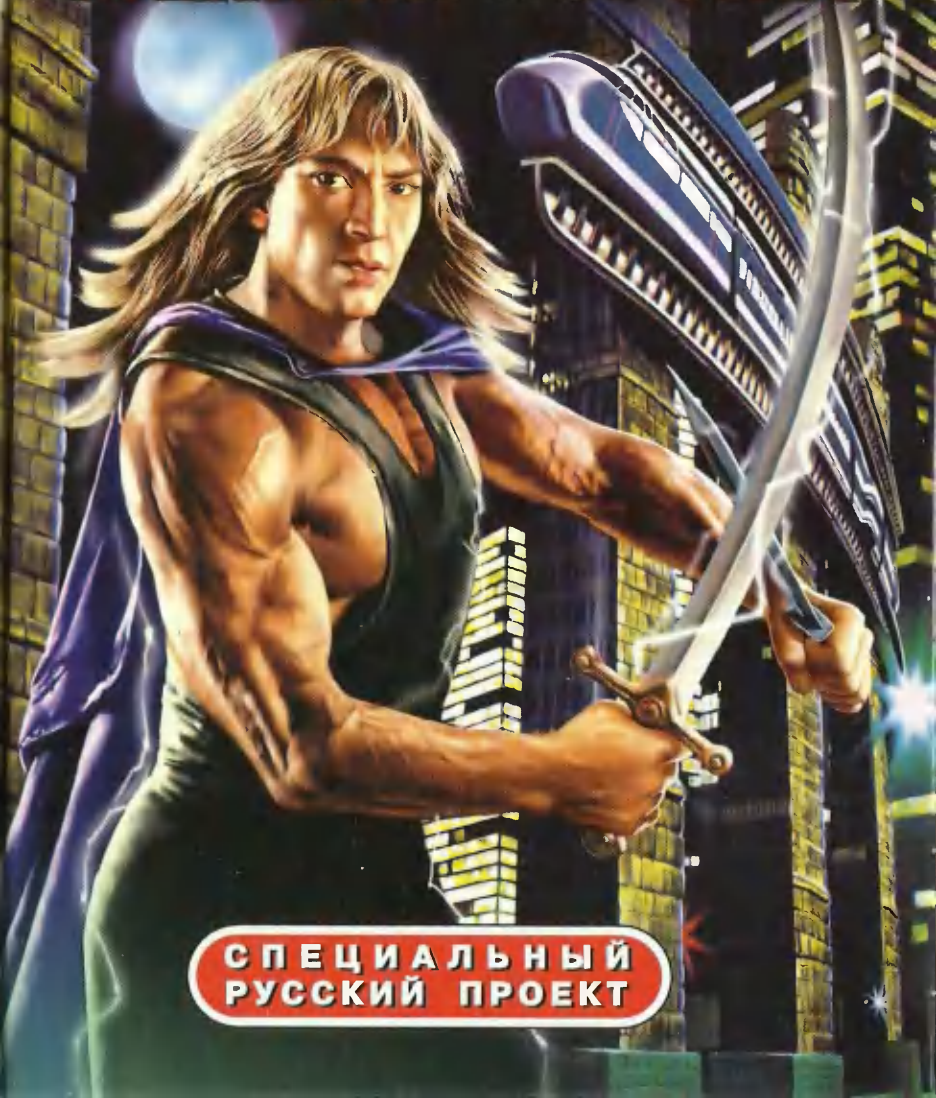

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

СВАРОГ

ПЛЕННИК КОРОНЫ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ
РУССКИЙ ПРОЕКТ

Александр БУШКОВ

СВАРОГ. ПЛЕННИК КОРОНЫ

РОМАН

Санкт-Петербург
Издательский Дом «НЕВА»
2004

ББК 84.(2Рос-Рус)6
Б 90

Авторы стихов, использованных в романе:
Э. Багрицкий, Э. Криге, П.-Ж. Беранже,
Р. Альберти, И. Северянин.

Бушков А. А.

Б 90 Сварог. Пленник Короны: Роман. — СПб.: Издательский
Дом «НЕВА», 2004. — 320 с.
ISBN 5-7654-3499-1

В этом мире нет магии. Во всяком случае, официально. В этом мире нет Сварога — опять же официально. В этом мире правят другие законы, другая логика и порядки — и тоже вполне официально. Но Сварог призван сломать существующий порядок вещей... Однако вот вопрос: кем призван? И поможет ли ему это *призвание* вернуться в привычный мир Талара, или же оно погубит Сварога на полпути к Истине?..

ББК 84. (2Рос-Рус) 6

ISBN 5-7654-3499-1

© А. Бушков, 2004
© Издательский Дом «НЕВА», 2004

...Так что общество должно выбирать, во что ему верить — в науку или же, например, в Аристотеля, Библию, астрологию или магию. В наше время из всех этих альтернатив общество выбрало в большинстве своем науку.

М. Полани, «Логика свободы»

...И как быть с тем меньшинством, которое выбора в пользу науки вообще не сделало?

Д. Антер, «Идеология и недовольство»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
НАВСТРЕЧУ СУДЬБЕ

ГОЛЫЙ ЧЕЛОВЕК НА ДЕВЯТОМ ЭТАЖЕ

Поначалу было отвратительно. Потому как было мокро и холодно. И безлюдно – на тысячи лиг вокруг. Тоскливо и как-то безнадежно было, вот что.

Толковый словарь, созданный одним почтенным жителем далекого мира, слово «дверь» трактует так: «Прорез, отверстие в стене для входа и выхода, а также створ для входа и выхода в это отверстие». Другой обитатель того же мира, но живший чуть позже и в большой истории имени своего, увы, не оставивший, придумал значительно более краткое (но и более хулиганское) определение «двери»: «Фиговина, которая, если с одной стороны, то "туда", а если с другой – то "оттуда"».

Применительно же к данной ситуации, особой разницы между этими двумя толкованиями, откровенно говоря, не было, потому что в данной ситуации ни одно из них не являлось истинным – по крайней мере, для двух людей, которые вошли сквозь нечто, в одном из многочисленных миров имеющее название Дверь, и оказались по *ту* сторону ее, Двери. А ложность сих высказываний заключалась в том, что означенная «дверь-фиговина» оказалась исключительно «входом» (сиречь «оттуда»), и не никаких признаков «выхода» (сиречь «туда») в округе не наблюдалось... Ну что тут поделать, коли сплошь и рядом именно так и происходит с межпространственными лазами – войдешь, бывало, с одной стороны, а дорогу назад можно искать до скончания веков...

Хотя на этот раз, судя по всему, дорогу обратно искать не придется. Потому что они никуда и не ушли.

Но – по порядку.

Некто Сварог, в бытность свою майор ВДВ, позднее – король, император и вседержец многочисленных земель мира под названием Талар, а ныне черт знает кто, и Гор Рошаль, бывший старший охранитель короны княжества Газдаро, позднее старпом на броненосце «Серебряный удар», а ныне черт знает кто не меньший, проникли в Дверь между мирами и...

И ровным счетом ничего с ними не случилось. Не было ни Потоков, ни Древних Дорог, ни всевозможных Троп, не было и той дьявольской стежки, по которой Сварог некогда попал с Земли на Талар («Имя, назови мне свое имя!!!») – ровным счетом ничего интересного с двумя путешественниками не произошло.

И, что характерно, не происходило до сих пор.

После беседы с драконоподобным Старшим Хранителем Зеркальной Оси Времени они сделали шаг сквозь Дверь, шаг в клубящиеся серые облака, смутные тени и призрачное кружение – и тут же, без всяких переходов и спецэффектов почувствовали, что *падают*. А вокруг все так же безмятежно, как и пару часов назад, сиял день, под ними расстился опостылевший океан, на пронзительно голубом небе по-прежнему ни облачка, воздух знакомо чист и солен. Словно некая неведомая сила неведомым манером выдернула обоих из зиккура-та, отнесла на несколько кабелотов в сторонку – и просто-напросто *отпустила*. В свободное падение. С высоты уардов в десять. Так что падать в воду, откровенно говоря, было невысоко, однако ж и малость неожи-

данно – сам Сварог, уже имевший некоторый опыт в путешествиях сквозь пространство и время, готов был к чему угодно, только не к банальному приводнению – признаться, несколько даже унижительному. Для короля-императора, по крайней мере. Тем более, что назначенный король-император имел все основания полагать, будто их непременно должно закрутить в Потоке и, при неудачном раскладе, разметать по измерениям и иным вселенным...

Ничего этого не было. Петля замкнулась. С чего начали, тем и закончили – они вновь были на Димерее.

Удар о холодную водную гладь, и вот двое не самых последних людей – в своих, разумеется, мирах – барахтаются посреди бескрайнего океана, и царит штиль, и лупит с голубых небес яркое солнышко, и вокруг, как уже говорилось, на тысячи лиг никого, кроме воды, солнца и легкого ветерка. Было бы смешно, господа, если б не было так грустно. Особенно если учесть, что один из этих *непоследних* напрочь не умеет плавать, а другой, хоть и наделен способностью дышать под водой, однако... Однако что прикажете делать сему ихтиандру, в какую сторону плыть – направо, налево или, скажем, вниз? И что делать там, внизу, коли магия ларов не спасет от давления водяного столба, явления сугубо природного? Расплющит ведь, как камбалу... Хорошо хоть, Рошаль был в плотно обтягивающей риксе (личное спасибо дамургу Вало), а Сварог – лишь в трусах и майке. Будь они при камзолах, перевязях и прочих плащах с сапогами – утянуло бы под воду за милую душу, только булькнуть и успели бы...

Так что – смешно и грустно, милорды...

Человек с высшим образованием – и абсолютно голый стоит на площадке девятого этажа в центре Москвы. Не совсем так, но весьма в тему было сказано классиками про небезызвестного инженера Щукина. И Сварог ухмыльнулся, имея в виду превратности судьбы и зигзаги удачи.

– Весело вам, мастер граф, как я погляжу, – процедил Гор Рошаль.

– Да бросьте вы, – примирительно сказал Сварог. – Посмотрите на это дело с другой стороны. Знаете, у одного древнего народа под названием «индусы» есть мудрая пословица: «Сегодня мы живы – и в этом наше счастье»... Хотите еще бутербродик?

Рошаль раздраженно отвернулся и принялся созерцать горизонт. Буркнул:

– Надеюсь, акул тут нет...

Сварог пожал плечами и, мановением руки уничтожив остатки трапезы, прикурил.

А и в самом деле, если подумать, то могло быть хуже. Нет, конечно, кошки на душе скребли: подсознательно Сварог всерьез надеялся, что посредством Двери вернется на Талар... ну, в крайнем случае, перенесется в иной мир – любопытство ведь не порок, да и не всякому, знаете ли, выпадает возможность попутешествовать по вселенным... Что ж, на этот раз, выходит, не получилось. Ну так сыграем еще, пока мы кредитоспособны. Магия работает. Сигнализатор опасности молчит. «Третий глаз» проявлений злокозненного колдовства не обнаруживает. Шаур успокаивающе холодит грудь под майкой. Что еще надо простому человеку?... Мистеру Робинзону, к примеру, повезло значительно меньше. А уж о простых жер-

твах кораблекрушений, вынужденных мотаться по морю в утлой шлюпке без еды и питья, и говорить не приходится.

...Минуло часа два с момента их бесславного возвращения, и пока все оставалось по-прежнему: море-акиян, полный штиль, безветрие, солнце и девственно чистый горизонт. Изменились разве что, так сказать, условия жизни пришельцев, и, позвольте заметить, далеко не в худшую сторону. Поддерживая над водой барахтающегося старшего охранителя, Сварог мигом смекнул, что в этой ситуации поможет только одно, и со всей возможной скоростью сотворил плот. Забросил на него тело Рошала, забрался сам. В общем, отдышались, огляделись. Димерея, никаких сомнений... Плот получился не ахти какой – простая деревянная доска метра три на три, даже не ошкуренная – ну да в их положении привередничать не приходилось, держится на воде, и на том спасибо. Засим дрожащие благородные бароны малость обсохли на солнце, перекусили кофе с бутербродами (Гор Рошаль ел с таким апетитом, будто жевал дохлую жабу). Пошарили взглядами по удручающе однообразному окружающему миру в поисках дыры, откуда они сюда вывалились. Разумеется, ничего не обнаружили – путь обратно, в зиккурат, посредством Двери им явно был заказан. Обсудили прочие возможности спасения. Вариантов оказалось такое количество, и один другого настолько гениальнее, что спустя некоторое время Сварог очнулся и решительно дискуссию пресек (под конец он уже открыл было рот, чтобы *всерьез* предложить мастеру охранителю лишить того веса и на магически созданной

веревочке поднять повыше в небо, аки зонд, дабы Рошаль обозрел окрестности на предмет обнаружения зиккурата, или какого-нибудь Острова, или, в лучшем случае, Граматара. Но потом представил себе эту картинку, представил реакцию Рошаля на подобное предложение, прикусил язык и обсуждение прекратил)...

– Значит, мы вытянули пустышку, – негромко сказал старший охранитель, не отвлекаясь от изучения горизонта. – Фокус не удался. Обманули нас рихары...

– Вам обидно, мастер Рошаль?

– Тихо! – Рошаль привстал. – Что это?

Сварог быстро посмотрел в ту сторону, куда указывал охранитель. Солнце слепило глаза, от солнца к плоту бежала яркая мерцающая дорожка, и разглядеть что-нибудь в ее сиянии было решительно невозможно.

– Ничего не вижу, – сказал Сварог. – А что там?

– Не знаю... Показалось, наверное. Похоже было... Вы о Морском Гаде Двакабелота слыхали?

– Не-а. А должен был?

– Очередной миф. Дескать, перед самым наступлением Тьмы поднимаются такие зверюги со дна морского и всей стаей нападают на корабли. Типа водоплавающей змеи, только длины неимоверной, ну и пропорций соответствующих... Так вот, там вроде бы вода забурлила, а потом башка на изогнутой шее как будто бы вынырнула... – Он приставил ладонь козырьком ко лбу, глянул еще раз. – Солнце слепит, не видно... Да нет, показалось.

Сварог мигом вспомнил о Великом Кракене и всмотрелся пристальнее. Ничего. Вода, вода, кругом вода. Детектор опасности молчал по-прежнему, «третий глаз»

злокозненных магических проявлений по-прежнему не выявлял. И он немного расслабился.

– Так вот, о рихарах, – продолжал Рошаль. – Странно. Твари вроде бы могущественные, Олеса с этим оборотнем ведь и в самом деле переправили в прошлое... Или это тоже был розыгрыш? И главное, хотелось бы знать, зачем им это все понадобилось – какие-то Оси Времени, башни в океане... Х-хранители, чтоб их...

– Значит, вам все-таки обидно.

– Унизительно, граф. Столько всего пережили – и ради чего? Оказаться в обетованной степи этого подонка Вало – и то было бы приятнее, чем вот так – примитивно *вернуться*.

Да, весьма похоже, что Рошаль был прав. Воздух, вода, солнце – все такое же... Вот если б стояла ночь, тогда по созвездиям они смогли бы удостовериться окончательно и бесповоротно – обыкновенные ли они возвращенцы или же гордые нелегальные эмигранты в ином мире...

– Верно, – сказал Сварог. – Но не все ж нам побеждать... Хотя, согласитесь, мы и не проиграли – остались, так сказать, при своих. Мы живы, мы не ранены, мои *способности* остались при мне, а вы остались дома. А ведь могло закинуть вообще черте куда... Так что еще побарахтаемся, извините за каламбур. Отыщем дорогу.

– Это вы меня успокаиваете?

– Это я себя успокаиваю.

– Ну-ну... А я вот, например, никак не могу успокоиться оттого, что вы уколошили Вало.

– Это еще почему? – искренне удивился Сварог.

– Я бы с превеликой радостью сам открыл перед ним эту чертову Дверь, да еще пинка дал под зад, чтобы он

поскорее оказался *тут*. И без нас. Пока его орлы там сражаются с другими орлами за право войти в эту проклятую Дверь.

Сварог поразмыслил и задумчиво сказал:

– А знаете, вполне может стать, что мы все же *перенеслись*. Скажем, в один из предыдущих Циклов Димереи. Или последующих. Где слыхом не слыхивали ни о вас, ни обо мне, ни, тем более, о Вало... Или даже оказались в мире-двойнике Димереи – где вообще нет материков, один океан на всю планету...

Мелькнула вдруг сумасшедшая мысль: а вдруг это все ж таки Талар? Вдруг они *вернулись*?

– Это вы так успокаиваетесь? – саркастически спросил Рошаль.

– Просто обрисовываю возможности...

Рошаль посмотрел на него:

– И что толку в этом? Димерея или нет, но надо думать, как выбираться отсюда будем. Куда-нибудь поближе к цивилизованным местам... Ежели такие здесь имеются. Признаться, граф, за последнее время океан мне несколько... – Он брезгливо поджал губы, подыскивая нужное слово: – несколько *надоел*. Вы ведь можете сотворить – или как это у вас называется? – весла там, может быть, уголь, мотор. Поплывем на солнце – так дольше будем находиться в световом дне... Парус, в конце кон...

– А вот обратите-ка внимание, мастер охранитель, – вдруг перебил Сварог и вскинул руку. – Это что такое, по-вашему?

Рошаль резко обернулся.

– Пресветлый Тарос!..

Это перло на них со стороны солнца, темное, матовое, непонятное. Но, никаких сомнений, то был корабль, и корабль военный – изящных акульих форм, с приплюснutoй надстройкой, ошестинившийся длинными тонкими трубками по обоим бортам – несомненно, стволами орудий – и малопонятными металлическими спиралями. Силуэтом он более всего напоминал старый добрый катерок «Метеор», каковые кое-где бороздят прибрежные водные просторы Советского Союза, вот разве что выкрашенный в темный цвет и водоизмещением разиков в пять поболее, – и с некоторой оторопью Сварог, когда темная махина приблизилась к плоту на расстояние полулиги, заметил, что и этот пароход снабжен подводными крыльями, но не было ни шума моторов, ни стрекота винтов, корабль летел на них почти бесшумно, как мираж, лишь свистела и клокотала рассекаемая крыльями вода, да доносилось странное потрескивание, как будто там, на борту, кто-то рвал исполинские листы бумаги...

– Первый раз вижу, – сдавленно пробормотал Рошаль. – Но, по-моему... по-моему, это морское судно... Если только не моррог...

– Представьте, я того же мнения.

– Так какого дьявола вы сидите?! – охранитель вскочил на ноги. Плот заходил ходуном. – Сигнал надо подать, они нас не видят, размажут ведь по волнам!..

Было поздно. Стволы по левому борту «Метеора» окутало белесым дымом, секунду спустя донесся грохот орудийных выстрелов, и тут же стало ясно, что никакой это не мираж и не фата-моргана. Океанская гладь за их спинами вспухла белым пузырем, и на плот обрушился форменный водопад. И в тот же миг корабль резко заложил

на правый борт, огибая парочку на плоту по крутой дуге, вновь жажнул залп, вновь столб поднятой взрывом воды — на этот раз значительно дальше, но все равно волной плот чуть не перевернуло... В глазах старшего охранителя, судорожно цепляющегося за край доски, застыл ужас, и Сварог всерьез полагал, что выражение его собственного лица ничуть не лучше. Черт подери, да что это твориться?! Охваченные праведным гневом либо дамурги, либо варги решили отомстить? Но почему лупят из пушек?! Куда как проще было бы подойти на малой скорости и перещелкать тагортов-предателей из пулеметов, прицельно, как куропаток... Или враг, будучи в курсе, что пули Сварога не берут, решил пустить в ход тяжелую артиллерию? Массой, так сказать, задавить?.. Блин, потом, это все потом, сейчас все-таки главное под снаряд не угодить... Автоматически он выхватил шаур, хотя понимал, что серебряные звездочки такой дуре — как слону дробина, но ничего лучшего под рукой не было. Со скоростью курьерского поезда корабль пронесся уардах в тридцати от них, оглашая воздух сухим треском разрываемой бумаги, Сварог даже успел разглядеть цепочку узких прямоугольных, похожих на амбразуры иллюминаторов вдоль борта, разлапистые подводные крылья, яростно мотыляющийся на ветру флаг над надстройкой, синеватые змейки электрических разрядов, то и дело пробегающие в овальных углублениях на корпусе, тусклые в свете дня, успел даже подумать: откуда ж это у Островитян такая техника? — потом очередная волна, на этот раз поднятая «Метеором», едва не опрокинула плот вторично. Рошала швырнуло на спину, Сварог едва успел сунуть шаур обратно за отворот майки и схватить охранителя за ногу,

в лицо ударил тугой ветер, остро пахнуло озоном. А корабль, не сбавляя хода, начал разворот, опять грохнули пушки... А потом серая продолговатая тень ширкнула совсем неподалеку от плота, уардах в двух под зеленоватой водой, устремляясь навстречу кораблю, и еще одна, и еще, корабль вильнул, заметался, он отдалился уже примерно на лигу, и тут...

И только тут до Сварога дошло, что происходит. Как писали в стародавних романах – будто пелена спала с глаз. Корабль выполнял классический противолодочный маневр...

Нет, ничего не успел додумать Сварог. Слева по борту от «Метеора» с оглушительным шипением взметнулась белопенная колонна воды, секундой позже за ютом выросла вторая, а третья... Третий взрыв случился аккумулятор под правым подводным крылом. Корабль резко клюнул носом, задирая корму к безмятежному небу и носом взрезая океанскую гладь как ножом, его развернуло, едва не опрокинуло, сквозь водяную стену показалось на миг выкрашенное в черный цвет днище... Судя по всему, была еще и четвертая торпеда, самая меткая, однако за ее существование Сварог голову бы на отсечение не дал – мало ли, что там произошло, – но «Метеор», одним словом выражаясь, *взорвался*.

Рвануло так, будто корабль под завязку был напшигован тротилом, нитроглицерином и прочим пластитом. Ослепительный желто-красный шар, пронзаемый белыми ветвящимися молниями, поглотил кораблик, во все стороны полетели обломки и ошметки – Сварог непроизвольно пригнулся, и угольно-черный, жирно-копотный гриб неторопливо потянулся в небо, разбухая и отклоня-

ясь к закату; а там накатила и ударная волна – в лицо пахнуло нестерпимым жаром, барабанные перепонки вдавило в мозг...

Когда Сварог очухался от потрясения и смог связно соображать, все уже кончилось. Лишь грибовидное облако над океаном, да поблескивающее на солнце обширное маслянистое пятно в лиге от них, да звон в голове напоминали о... о... О чем напоминали, черт возьми? Что за хренотень здесь творится?!

Сварог посмотрел на Рошалья, Рошаль посмотрел на Сварога. Некоторое время оба молчали в полном обалдении – все произошло слишком неожиданно и слишком быстро закончилось.

– Ну? – наконец выдал из себя Сварог. – Ваши соображения, мастер охранитель?

– Граф... – сказал Рошаль. Помотал головой, прогоняя звон. – Могу сказать только одно, граф. Таких... таких штуковин на Димерее не было отродясь. Я бы знал, уж можете мне поверить... И вы понимаете, граф, что это означает?

Сварог медленно кивнул, сказал глухо:

– Сие означает, досточтимый мастер охранитель, что мы таки переместились. Без паспортов и подорожных пересекли границу мира и очутились черт знает где. Но если это и Димерея, то уж точно не *вашей* эпохи... С чем вас и поздравляю.

ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ КАБЕЛОТОВ ПОД ВОДОЙ

Лицо Рошаля неуловимо изменилось. В глазах появился незнакомый блеск, ноздри раздулись. Он посмотрел вокруг совершенно другим, каким-то мальчишеским взглядом – и Сварог с удивлением понял, что мастер старший охранитель, оказывается, умеет проявлять некоторые эмоции. Вид у него был, как у ребенка, которого разыграли – сказали, что Новый год отменяется, а потом пустили в комнату, где елка, Дед Мороз и куча подарков...

Впрочем, выражение жадного любопытства быстро исчезло с его лица, лицо вновь стало скучным и непроницаемым. И Сварог прекрасно понимал Рошаля. Ведь единственное, что можно было вынести из этой скоротечной встречи посреди океана, да и то с вероятностью не стопроцентной, – что они вроде бы не на Димерее. Ну и что, собственно? Дальше-то что? Чудесами и диковинами вокруг и не пахло, вокруг простиралась до тошноты знакомая и до зевоты простая, как столешница, водная гладь. Можете спросить, господа: а как же корабль напроць неизвестной конструкции? Отвечаем: и где он, этот корабль? Покажите пальцем. Нету? Так какой прок от затонувшей посудины?..

– Ну все, – решительно заявил Сварог и встал, хрустнул пальцами, приготавливаясь. – Вы правы, нечего торчать на месте, у меня уже голову напекло. Пора убираться отсюда... куда-нибудь подальше.

– Граф...

– Соизвольте-ка отодвинуться малость в сторонку, мастер охранитель, колдовать бу...

Он осекся.

Сначала вокруг плота принялись лопаться редкие стайки пузырьков, поднимающиеся откуда-то из-под воды, потом пузырьков стало больше, еще больше, и вот уже вода буквально побелела, запенилась, зашипела, забурлила – совсем как в закипающей кастрюле... вот только кастрюле размером с футбольное поле. Что-то поднималось с океанского дна, огромное, тяжелое, как кашалот, поднималось прямоком под ними, вот уже видны очертания некоей серой массы, смазанные клочущей водой... Они не успели даже испугаться – метрах в семи от них из морской глубины неторопливо вынырнула голова на изогнутой шее толщиной с телеграфный столб...

– Морской Гад! – крикнул Рошаль.

Сварог поймал себя на том, что стоит с открытым ртом. Поэтому он рот закрыл, моргнул и посмотрел вновь. Ухмыльнулся. И рывкнул, с трудом удерживая равновесие на ходящем ходуном плоте:

– Спокойно! Какие тут, к лешему, Гады...

А шея все лезла и лезла из воды, длиннющая, телескопическая, черно-лоснящаяся. Венчающая ее голова медленно поворачивалась вокруг своей оси на триста шестьдесят градусов, единственный глаз бликовал на солнце... А вот показалось и серое туловище, откуда сия выя росла – габаритами побольше трансформаторной будки, прямоугольное в продольном разрезе, каплевидной обтекаемой формы в разрезе горизонтальном, с изящной

металлической оградкой по верху, с аккуратными рядами выпуклых круглых заклепок в пять рядов... Нет, не само туловище – лишь его верхняя часть, *остальное* скрывалось под водой, но размеры силуэта, смутно угадываемого сквозь водную толщу, потрясали всяческое воображение. Вода с грохотом скатывалась со шкуры чудовища и, бурля водопадами, низвергалась обратно в океан.

– Ф-ф-у-у, – шумно выдохнул за его спиной Рошаль. – Прошу прощения, маскап. Я-то, грешным делом, подумал, что это...

– Пустое, – отмахнулся Сварог и прикурил новую сигарету. – Видели когда-нибудь такие штуки?

– Только читал. В прошлом Цикле такие вроде бы плавали, а у гидернийцев были только опытные образцы, раз в десять поменьше...

– Вот что. Всплыла это хреновина здесь явно неспроста. Поэтому пока соблюдаем спокойствие, а переговоры буду вести я – как более опытный в таких путешествиях...

И он погладил шаур сквозь майку.

Рошаль возразить не успел.

Откуда-то изнутри, из утробы китообразного тулова донесся протяжный вопль, перешедший в надрывный скрежет металла по металлу, потом наверху с оглушительным лязгом откинулся толстенный люк, и на свет божий показалась голова.

Несомненно, человеческая – и на том спасибо. Человек высунулся из люка до пояса и облокотился на невысокое ограждение. Лет шестнадцати, в потрепанной серой робишке на голое тело и черной пиратской бан-

дане он несколько секунд внимательно разглядывал Сварога и Рошалья... И затылок маскапа вдруг зашекотало. По затылку вдруг пробежала и сгинула стайка пугливых мурашек. Сварог чисто интуитивно воспользовался защитным заклинанием, однако «щит» опоздал: покалывание исчезло так же неожиданно, как и появилось. Это было незнакомое Заклятье Ключа, что-то другое, но по сути то же самое: некто, наделенный колдовским знанием, решил проверить, что за мысли бродят в голове чужака. Проверил или нет – непонятно, но одно стало очевидным: колдовство в *этом* мире знают. И применяют. Ага.

– А известно ли благородным господам, – с напускной угрозой в голосе прокричал юный морской волк, глядя на них сверху вниз, – что Высочайшим Указанием Его Императорского Величества нахождение любого плавсредства без опознавательных флагов принадлежности в территориальных водах метрополии приравнивается к пиратству и подлежит смертной казни через растворение?

Оттарабанил, как по писанному. И Сварог отчего-то ничуть уже не удивился, что прекрасно понимает его. В конце концов, и он прекрасно разумел и Великого Меча – домонгольского вождя, и ларов, и димерейцев... Более странным казалось то, что и Рошаль не выглядит озадаченным незнакомой мовой...

– Казни подлежит само плавсредство или же его нахождение в территориальных водах? – вежливо уточнил Сварог. И применил к морячку соответствующее заклинание – в качестве ответного выпада. Сосредоточился, *присмотрелся*. Не очень пристально, почти незаметно...

В *ином* зрении морячок остался морячком, в нечисть стозевную не превратился, однако же имелась, имелась в нем некая колдовская жилка. Не слишком прочная, но кое-что сей покоритель океанов явно умел. Единственное, Сварог не сумел определить – к черной или белой магии относилась та жилка...

Юнец хохотнул и почесал в затылке.

– Смешно! Я как-то об этом не задумывался... И все же позвольте полюбопытствовать: какого дьявола вы тут делаете?

Сварог пожал плечами. Страху не было. И уже ставшее привычным чувство дежа-вю услужливо подсказало: примерно так же Сварог познакомился некогда с капитаном Зо... Опять пираты? Что ж, стало быть, и *здесь* имеются судоходство, метрополии, короли-императоры, благородные лорды... и магия. Скучно, господа. Неужто во всех мирах все одно и то же?..

– Ежели кратко, – громко сказал он, – то в настоящее время мы терпеливо ждем, когда двух бедных жертв кораблекрушения подберет кто-нибудь и доставит в более обитаемые и менее мокрые места.

– На бедных жертв вы не очень-то похожи, – прищурился морской волчонок. – От голода и жажды, по всему видно, не страдаете, сигаретка даже вон дымиться. Да и не было в здешних местах кораблекрушений уже лет пять, уж поверьте мне... Ну, кроме вот... давешнего. Сами-то вы кто будете?

Сварог сказал проникновенно и со значением:

– А ваше плавсредство, насколько я вижу, опознавательными флагами тоже не снабжено...

Моряк улыбнулся.

– Один – один! Тогда начнем сначала. Я Гран-Тай, йорг-капрал* этой посудыны, – он похлопал субмарину по мокрой металлической шкуре. Добавил с оттенком гордости: – Княжеских кровей, между прочим. Правда, княжества лишенный в силу непреодолимых обстоятельств...

«Йорг-капрал? – подумал Сварог. – Это что, звание у них такое?..»

– А посудины зовется «Дархская услада», ни больше, ни меньше, и флага на ней действительно нет – по той простой причине, что она не принадлежит никому, кроме экипажа и моря. Я вас удовлетворил? – и он выжидающе посмотрел на бедных жертв катастрофы.

– Вполне, – позволил себе дружескую улыбку и Сварог. Поколебался мгновение и сказал: – Позвольте представиться и нам: это – мой друг и помощник барон Рощаль (Гор скупно поклонился), а я – Сварог. Просто Сварог. Немного граф, маркиз и князь... и еще кое-кто по мелочи, долго перечислять. Всего понемногу. А посему хотелось бы побеседовать непосредственно с капитаном. Наличается же на вашей *посудине* капитан?

Гран-Тай тихонько присвистнул.

– Прощения просим, благородные *аролы*. Не разглядели-с вашего благородства-с... – И, снявши с головы бандану, отвесил шутовской поклон. По плечам рассыпались черные лохмы.

– Ну так мы долго будем торчать на солнцепеке, уважаемый? – не обращая внимания на явственную издевку, поинтересовался Сварог. – Определяйтесь быстрее, берете вы нас на борт или чешете дальше своим курсом...

* См. Глоссарий.

– Явно не с «Черной молнии», там ведь никого не осталось, мы ведь всех в клочья... – пробормотал Гран-Тай себе под нос, задумчиво глядя на бесформенное черное облако, медленно плывущее на восход. Облако, оставшееся от погибшего «Метеора». – Чудные дела творятся последнее время, право слово... – И решился: – Что ж, раз такое дело... Никуда не уходите, я быстро.

– Так что, это все-таки и есть ваш *иной мир*? – вполголоса спросил Рошаль, когда морячок ненадолго скрылся в недрах подлодки. – *Так* все это и выглядит?

Сварог развел руками. Самому бы понять – *как* это выглядит... Но если не считать боевого корабля на подводных крыльях и подлодки размером с гору, пока это выглядело обыкновенно.

– Разочарованы? – спросил он.

– Ничуть. Напротив – весьма интересно... Но сейчас, меня, мастер капитан, более беспокоит другой вопрос.

– А именно?

– Как так получилось, что мы оказались именно в том месте и именно в тот момент, когда этот подводный корабль напал на тот, другой корабль? Вы понимаете, о чем я?

Еще бы Сварог не понимал! Это странное ощущение, будто кто *ведет* его, кто-то переставляет его с места на место по клеткам шахматной доски, не исчезало уже давно. Вспомнить хотя бы всю ту же встречу с капитаном Зо, по всему – случайную, но оказавшуюся без преувеличения судьбоносной. Или же его первые шаги на Димерее... Ладно, Серый Ферзь Серым Ферзем, но как-то это, знаете ли, унижительно – чувствовать себя барашком на веревочке...

– Отлично вас понимаю, масграм, – вздохнул он. – И ничего ответить не могу.

– Однако вы полагаете, что нам следует лезть в этот плавающий уют? После того, как эти пираты расстреляли корабль?

– Ну, еще неизвестно, кто кого расстреливал... А вы что предлагаете – остаться здесь, на плоту, посреди океана? И ждать следующее судно?

– Нужно добраться до обитаемых мест, – нехотя сказал Рошаль. – И там, на месте, разобраться, где мы оказались. Провести рекогносцировку...

– А о чем я толкую?

– Хотя, признаться, на все, что плавает по воде, я уже смотреть не могу.

На мостике вновь появился Гран-Тай.

– Эй, жертвы! Командование дало добро на подобрать вас. Полезайте-ка. Поговорим, а там посмотрим, что с вами делать... Ловите!

Мелькнула в воздухе веревочная лестница с деревянными скользкими ступеньками, звучно шлепнулась в полуuarде от плота. Сварог выловил конец, вспомнил фильмы про пиратов, виденные им в детстве, – как те ловко ползали по вантам и мачтам, примерился. За все его странствования сквозь миры и Вселенные по веревочным лестницам ползать ему приходилось от силы разика два, даже в окна к очаровательным барышням ни разу не довелось, поди ж ты...

– Учитесь, масграм, – шепнул он. Гран-Тай, гаденыш, с интересом наблюдал за ними.

Масграм в ответ тихо застонал.

Мысленно перекрестившись и мысленно же поплевав на руки, капитан броненосца «Серебряный удар» взялся за шершавый канат и ступил на нижнюю пере-

кладину. Грамотно, в общем, ступил, и взялся грамотно: не как дачник, ползущий на крышу фазенды, – а так, чтобы веревка (ну ладно, ладно, трос, линь, конец – да провалитесь вы с вашими морскими словечками!)... короче, перпендикулярно к лестнице занял позицию. И бодренько полез вверх, изредка касаясь боком теплого и гладкого корпуса лодки.

Гран-Тай протянул ему руку, рывком помог подняться на мостик. Спросил почти утвердительно, понимая:

– Доводилось плавать?

– Да так как-то... – скромно сказал Сварог и глянул вниз.

Рошаль смотрел на них в высшей степени неодобрительно и с места не двигался.

– Давайте, барон, не задерживайте отплытие! – крикнул Сварог. – Ждут же...

Рошаль что-то произнес в пространство и ухватился за лестницу.

– Оружие сдать придется, – морячок протянул руку в сторону Сварога, когда охранитель, пытаясь, добрался до них.

– Оружие? – притворно удивился Сварог.

– Да ладно вам. Вон маечка на брюхе оттопыривается оч-чень недвусмысленно...

Поразмыслив и придя к выводу, что сие логично и неизбежно, Сварог вытянул из-за пазухи шаур и протянул Гран-Таю рукоятью вперед. Предупредил миролюбиво:

– Только далеко от меня эту игрушку не относите, душевно вас прошу. Не больше, чем на пять шагов.

– А то что?

– А то рванет так, что давешний взрыв детским пуком покажется, – преспокойно сказал Сварог и кивнул в сторону облака черного дыма.

– Шутите?

– Какие уж тут шутки... Гарантия безопасности, слышали о такой?

Парнишка недоверчиво хмыкнул, повертел незнакомое оружие в руках, но в карман робы спрятал бережно. Может, и не поверил, но решил не рисковать на всякий случай.

А что нам скажет чувство опасности? Чувство опасности молчало. Пока.

...Вниз, в нутро железной рыбы, пахнущее металлом и машинным маслом, вели крутые дырчатые ступени. Спустились. Металл, металл, опять металл, местами вытертый до блеска множеством ног, местами потускневший. Приглушенное «бух, бух, бух» откуда-то из недр лодки – аж в пятки отдает, явно работает какой-то исполинский механизм. Тусклые лампы, через равные промежутки укрепленные на стенах коридора – несомненно электрические. Тут же вспомнилось подземелье, охраняемое безумным, но охочим до карточных игр компьютером, и Сварог, как бы между прочим, спросил у впереди идущего Грана-Тая:

– А скажите-ка, такое слово – «Димерея», вам известно?

– Димерея? Первый раз слышу. Что это?

– А, скажем, «Талар»?..

– Тоже как будто нет... Впрочем, обо всем вам лучше всего будет спросить у капитана, я-то человек маленький, необразованный...

Сварог и Рошаль переглянулись.

Коридоры, отсеки, переборки в крупных заклепках, вентиляционные камеры, эти... как их... порожки перед люками – комингсы, во как, по-пчелиному жужжащие непонятные ящики на стенах. Ранее Сварогу на подлодках бывать не приходилось, но эта очевидно отличалась от всего того, что майор ВДВ видел в кино или о чем читал – и отличалась... не то что в лучшую, но несомненно в *другую* сторону. Не боевой корабль, а прогулочное корыто предпенсионного возраста, ей-богу. Медные ручки, бронзовая окантовка дверей, лампочки под некогда изящными, а ныне покрытые зеленью абажурчиками, коридоры не в пример просторнее (хотя попадающимся навстречу спешащим матросам, в таких же, как у их провожатого, робах, все же приходилось вжиматься в переборки, чтобы пропустить гостей. Взгляды подводников были заинтересованные, но не более, из чего Сварог сделал вывод, что и не таких *гостей* встречали обитатели этого «Наутилуса»...)

Озарило вдруг: бляха-муха, так ведь это и есть «Наутилус», вот что! А точнее говоря – подводная лодка, какой ее представляли себе мсье Верн, мистер Уэллс и иные ранние певчие птички научно-технического прогресса. Ну да, ну да – все эти ненужные фонарики, неуставные драпировочки на стенах, нефункционально высокие потолки, чуть ли не ковровые дорожки под ногами... Вот разве что иллюминаторов во всю стену наблюдалось, и на том спасибо, а то ведь полопаются к чертовой бабушке – при давлении-то... И тут же в мозгу возникло видение огромного парового котла в центре корабля, полуголых потных кочегаров, закидываю-

щих уголь в раззявленную топку, скрипуче вращающихся шестерней в рост человека и могучих поршней, ходящих туда-сюда и истекающих маслом... Бред, в общем.

Они шли и шли, спускались и поднимались по гулким винтовым лестницам, проходили мимо запертых дверей кают, сворачивали на пересечениях коридоров, и спустя какое-то время Сварог окончательно перестал ориентироваться. Ясно было, что глубоко к сердцу подводного корабля они не торопятся – стараются держаться верхних палуб. Субмарина оказалась здоровущей, прямо-таки неправдоподобно огромной, завидев которую любая атомная подлодка стратегического назначения Земли должна была немедля утопиться от зависти и осознания собственной ничтожности. Да-с, братцы, вот торжество прогресса во плоти... то бишь в металле. Так что тут у них, война идет, что ли? Если идет, то весьма и весьма давно – лодочка эта, судя по всему, находится в строю без капремонта лет эдак с десятков...

Где-то вдалеке вдруг отрывисто затявкали какой-то сигнал, последовал несильный толчок и палуба слегка накренилась (дала дифференциал на нос, если уж быть точным).

– Уходим на перископную глубину, – услужливо пояснил морячок княжеских кровей. – Проверим напряжение в сети – и вперед...

Сварог покосился на Рошаля. Чем дальше, тем все больше мрачнел мастер старший охранитель. То ли клаустрофобия мучила гения контрразведки, то ли в самом деле надоело до чертиков пребывание на боевых кораблях... Или же, привыкший видеть вокруг исключительно

интриги и козни, не любил он оказываться в запертом помещении, в окружении незнакомых людей... Тем более, в незнакомой Вселенной.

– Ничего, масграм, – ободряюще шепнул Сварог. – На дирижабле полетали, по океану поплавали, теперь можно и под водой...

Пришли, наконец, поднявшись по узкому трапу к полукруглой двери с яркими лампами по обе стороны, снабженной мощной проворачивающейся крестовиной – для герметичного закрытия, не иначе.

Гран-Тай остановился, трижды постучал. Потом с сомнением оглядел гостей, пробормотал что-то вроде: «Приодеть бы вас надо было, нехорошо перед дамой в таком виде...» и, не успев Сварог удивиться насчет «дамы», с натугой открыл дверь.

За дверью находились двое. Один, высокий статный старик с зачесанными назад седыми, как снег, волосами, стоял в сторонке, и, скрестив руки на груди, хмуро смотрел на вошедших, другой, росточком поменьше, оборотившись к двери спиной и положив руки на бронзовые рукояти, принял лицом к окулярам толстенной трубы перископа. Помимо них здесь имели место: несколько стульев с высокими спинками, штурманский стол, какие-то заковыристые приборы с блестящими ручками и рычажками, обилие карт, диаграмм и схем на стенах и стеллажах; и из всего этого, а также из факта куполообразного потолка над головой капитан Сварог сделал мудрый вывод, что находятся они в рубке. Или как это называется – капитанский мостик? Наблюдательный пункт? Черт, уже и забывать стал, ай-ай-ай, а ведь совсем недавно полпланеты переплыл...

– Резерв-победитель, штабен-йор* , разрешите доложить: подобранные в море доставлены! – отчеканил Гран-Тай.

– Трофей, – фыркнул старец. – В количестве двух штук.

– И, судя по выправке, отнюдь не гражданского пошиба, – добавил второй. И отлип от перископа, повернулся.

Нельзя сказать, чтобы Сварог был изумлен – за время скитаний по мирам и весям он насмотрелся и не на такое. В том числе и на *такое* тоже. Второй обитатель рубки оказался женщиной – с коротко подстриженными темными волосами и обжигающим взглядом огромных черных глаз. Симпатичной, промежду прочим... Вот разве что окружающая сие знакомство обстановка существенно отличалась от всех предыдущих встреч с резвыми воительницами...

Одеты оба были презабавно – в одинаковые темно-синие облегающие трико с красной полосой на груди и короткие плащики-накидки, скрепленные у горла. Им бы еще шелковые полумаски на лица – и вылитые Супермены получились бы... Или астролетчики из трофейных фантастических фильмов. Ни знаков различия, ни орденов, ни прочих украшений – если не считать поясов с широченной вычурной пряжкой, подозрительно напоминающих те, что почетно вручаются чемпионам мира по боксу и всяким там рестлингам.

В магическом зрении ничего не изменилось, люди как люди, костюмы как в оперетте.

* См. Глоссарий.

– Горизонт чист... – сказала черноволосая. – Что ж, удачный рейс выдался, клянусь богом. И Каскаду зуб ядовитый выдернули... да еще и пленных взяли. Гран, что там с ремонтом?

На «трофей» она не обращала ровным счетом никакого внимания, и Сварог почувствовал легкое раздражение. Баба, а все туда же – в войну поиграть. По попе бы тебя ремешком, и всего делов... Кто она седому – дочурка?

– Работа аккумуляторного зала восстановлена, – браво доложил Гран-Тай, – пробоина на третьей палубе заделана. Воду откачиваем. Через полстражи можно командовать отплытие.

– Добро, – кивнул старик. – Вы свободны, йорг-капрал.

– Момент, – быстро сказал Сварог. – Если позволите, я бы хотел вернуть оружие.

– Ого! – черноглазка наконец-таки соизволила посмотреть на него, и даже с некоторым интересом. – А трофей-то строптивый попался... Увы, дорогой мой, никто не имеет права *здесь* находиться при оружии. Да и не понадобится оно вам, оружие-то.

– Я же не прошу давать мне его в руки, – сказал Сварог, проглотив «дорогого» и обращаясь исключительно к седому. Мальчишество, конечно, но уж больно хотелось поставить нахалку на место. – Возьмите оружие вы. Просто далеко от меня не уносите. Вот он, – граф кивнул на Гран-Тая, – в курсе...

Йорг-капрал достал шаур, отдал женщине и что-то негромко сообщил ей, Сварог уловил лишь слово «иной», но произнесенное столь многозначительно, если так мож-

но выразиться – с заглавной буквы произнесенное, что он поневоле наострил уши.

– Магия здесь присутствует? – быстро, одними губами спросил Рошаль.

– Не-а. Чисто, – шепнул Сварог. И почувствовал, что охранитель расслабился. Не понял только – почему. Как будто Рошаль почувствовал себя в родной стихии...

– Ишь ты, – сказала черноволосая, разглядывая шаур, как безделушку в отделе бижутерии. – И где же это такие штучки делать научились? Ни аккумулятора, ни батареек, ни проводов... Неужели на Сиреновой Гряде?

– Не знаю, может, и там, – осторожно ответил Сварог. – Я, видите ли, как-то не поинтересовался, кто их изготавливает...

Она передала шаур старику и повернулась к Гран-Таю:

– Йорг-капрал, вы приказа не слышали?

– Виноват! – развесивший было уши Гран-Тай повернулся и споро убрался из рубки.

И едва за ним закрылась дверь, температура в замкнутом помещении скачком упала до нулевой отметки.

– А теперь наступает очередь вопросов и ответов, – произнес седой, обращаясь к Сварогу с той доброжелательностью в голосе, которая развязывает языки некоторым неподготовленным побыстрее резиновой дубинки по почкам и прочим инструментам получения информации. – Начнем с аксиом. Вы – Иной. Но работаете на Каскад, да? Не знаю, каким пряником они вас переманили, но факт остается фактом... Дальше. Вы находились на борту «Черной молнии», каким-то образом уцелели после нашей атаки и вот оказались здесь... Правильно? Тогда вопросы. Первое. Имя? Звание? Должность?

«Ага, нас принимают за врагов. Великолепно, ничего не скажешь...»

– А у вас разве не принято, чтобы хозяева представлялись первыми? – невинно поинтересовался Сварог.

Седой и девка переглянулись.

– Извольте, – холодно сказал дед. – Резерв-победитель Мина-Лу (кивок в сторону черновласки), и штабейор Дако-Райми (легкий поклон). Довольны? Итак?

– А пригласить присесть у вас тоже не принято?

Дешевый, конечно, приемчик – наглостью тянуть время, но ничего другого пока в голову не шло. И пока время тянулось, Сварог скоренько прикидывал, как ответить. Во все предыдущие *разы*, когда он попадал в аналогичную ситуацию – будь то капитан Зо или отец Клади на Димерее – он говорил правду, только правду и ничего кроме правды, и именно это его и спасало. Теперь же... Теперь же он сильно сомневался, что история его приключений произведет должное впечатление на слушателей... То есть, впечатление, быть может, и произведет, вот только вряд ли найдет отклик и понимание в сердцах этих хреновых детей капитана Немо... Не к месту вспомнился стародавний фильм – там нашего бойца случайно подобрала гитлеровская подлодка, и он вынужден был выдавать себя не то за немца, не то за ихнего союзника, чтоб не грохнули. Но боец-то, по крайней мере, знал историю своего мира, а здесь же даже не соврать ничего правдоподобно...

И тут Гор Рошаль, громко сказавши: «И в самом-то деле!» и небрежно задев Сварога плечом, прошествовал через рубку, подцепил со штурманского стола скатанную в трубочку карту, вольготно уселся на стуле. Развернул

карту, мельком глянул на нее и сказал *ласково*, ни на кого конкретно не глядя:

— А вы что же стоите, разлюбезные мои? Садитесь, садитесь. Поиграть в вопросы и ответы хотите? Ладно, будут вам и мои вопросы, и ваши ответы. И от ваших ответов, скрывать не стану, зависит ваша же судьба.

Чем-чем, а голосом он владел превосходно, не в пример старику Дако-Райми, даже у Сварога от такой *ласковости* по спине мурашки побежали — что уж говорить об остальных... Остальные обратились в соляные столбы, да и Сварог, признаться, на миг растерялся, соображая, что задумал мастер Рошаль. Либо ожидает, что Сварог, пока те пребывают в ступоре, начнет *действовать*, завладеет шауром и... И что, собственно, прикажете делать дальше? Или же таким нехитрым макарон Рошаль пытается завладеть инициативой? Но опять-таки: дальше-то что?

— Послушайте, вы!.. — голос старика сорвался.

— Ай, да бросьте, — поморщился Гор Рошаль и бросил карту на пол.

Глубоко вздохнул, заговорил четко и веско, точно гвозди заколачивал:

— Во-первых. На борт мы поднялись без кандалов и наручников, без вооруженного эскорта, в компании одного лишь безусого юнца. Во-вторых. Нас препроводили непосредственно в рубку и оставили, опять же, без охраны, наедине с двумя высшими, насколько я понимаю, офицерами корабля. Амбразур в стенах не наблюдается, скрытых ловушек и прочих сюрпризов — включая магические — для лиц, ведущих себя здесь *неадекватно*, я тоже что-то не вижу. В-третьих. Вы позволили

пронести сюда оружие – причем оружие вам явно неизвестное, но обладающее огромной взрывной силой. Лодка сейчас под водой, дверь не заперта, и если рванет, то проблем с пропитанием у здешних рыб не будет очень долгое время. В-четвертых... Впрочем, достаточно и этого. Следовательно что? Следовательно, никакие мы не враги и на противника отнюдь не работаем, так что все эти ваши эскапады и угрозы – лишь дешевый трюк... Теперь посмотрим с другой стороны. Совершенно незнакомых вооруженных людей вы тоже сходу не пустили бы в рубку без должных предосторожностей – учитывая, в частности, отсутствие флага на вашем корабле. Вывод: вы знаете, кто мы. Вопрос: откуда у вас такая информация?

Соляные столбы обратились в лед, и повисла долгая пауза. А Сварог, изо всех сил сохраняя каменное выражение лица, пересек рубку, сел на соседний стул и устремил на ледяные фигуры взгляд а-ля «Сдавайтесь, мистер Джонс, нам все известно». Разумеется, благородному лару, королю и прочая, прочая, прочая не пресекло сидеть в присутствии дамы, однако ж нужно было добить парочку до конца. Мысленно же он аплодировал Рошалу. Ай да охранитель, ай да сукин сын, как быстро вошел в ситуацию!..

– Вот ч-черт... – наконец смущенно выдавил из себя седовласый Дако-Райми и шумно почесал бугристый лоб. Вопросительно глянул на Мину. – Ладно, ваша взяла... Прошу прощения за эту маленькую проверку, но просто обстоятельства столь необычны, что...

– Садитесь, господа, после будем оправдываться, – мрачно процедил Сварог, стараясь попадать в тон Ро-

шало. – Дело слишком серьезное, так что и разговор пойдет серьезный. И не вздумайте лгать, у меня, знаете ли, есть маленькая такая способность – отделять правду ото лжи.

Женщина горделиво вскинула на него мечущие черные искры глаза.

– А по какому, собственно, праву мы должны отчитываться перед вами?! Скажите спасибо, что мы вообще вас подобрал!

– Спасибо, – ничуть не лукавя, ответил Сварог, а вместо ответа на вопрос номер один применил уже не единожды испытанный способ – достал из воздуха сигарету и неторопливо прикурил от пальца, глубоко начихав, разрешает корабельный устав курение в отсеках или нет.

И, надо сказать, это произвело впечатление – по крайней мере, на Дако. Чертовка же, хоть и была фокусом напугана изрядно, но нашла в себе силы страха не показать. И даже отчеканила еще более горделиво:

– Пока я командир «Дархской улады», порядки на борту устанавливаю я. И я не позволю, чтобы всякие... всякое...

Оп-па! И ведь она не врет! Женщина – командир торпедной субмарины? Однако...

– А вы слышали поговорку насчет женщины на корабле? – вкрадчиво спросил Сварог.

– Не надо, Мина, – быстро встал между ними Дако. – Вы же видите, что это действительно Иные, и не самого мелкого калибра...

«Иные? – мысленно встрепенулся Сварог. – Это в каком, простите, смысле?...» И, держа лицо, многозначительно добавил:

– Речь идет о судьбе не только вашей лоханки. Но и о судьбах мира. Так что давайте будем взаимно откровенны.

Дав еще несколько залпов черными молниями из-под длиннющих ресниц, резерв-победитель Мина-Лу шумно вздохнула и уселась на стул – с видом королевы, которой до тошноты обрыдли приемы и посольства, но что поделывать – работа такая.

Уселись все, наконец, и Дако, дождавшись раздраженного кивка командирши, сказал негромко:

– Вы абсолютно правы. Мы ждали вас. Просто нас немного сбило с толку, что вместо одного Иного к месту встречи прибыли двое. А тут еще скоростник Каскада... Мы должны были подстраховаться, убедиться, что вы именно тот, кого мы встречаем: Иной по имени Сварог. Именно так вы и представились, не правда ли?

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Сварогу пришлось сделать над собой изрядное усилие, чтобы сохранять на лице печать глубочайшей осведомленности и проистекающей из нее непосильной ответственности за «судьбы мира». Да, что и говорить, это было неожиданно. Их, видите ли, *встречают!* Стало быть, кто-то заранее знал, что двое пришельцев из другого мира окажутся именно в это время и именно в этой точке океана, и подготовил торжественную встречу?! Дела-а...

– Так, стоп, – он поднял руку. – Давайте-ка по порядку и с самого начала...

– Позвольте мне, граф, – с виду мягко, а на деле азартно перебил Рошаль, ясно было, что ситуация и его заинтриговала донельзя...

И Сварог вынужден был прикусить язык. Он великолепно управлялся с холодным и огнестрельным оружием, неплохо разбирался в тонкой науке дворцовых интриг, умел дышать под водой и лишать предметы веса, отводить глаза и менять обличье, умел распознавать проявления черной магии и наличие яда в еде и питье, умел видеть в темноте, даже павших лошадок оживлять умел... Но по сравнению с Рошалем он был не более, чем сопливым мальчишкой – в деле извлечения информации.

– Сделаем проще, – твердо сказал охранитель. – Поэтому что у нас мало времени, а узнать мы должны многое. Я буду задавать вопросы – вы будете на них отве-

чать. Если я спрошу о чем-нибудь, что касается каких-либо ваших личных тайн, так и скажите, вопрос снимется. Если я спрошу какую-нибудь глупость – например, какой сейчас год или как называется этот... это *водное пространство*, в котором плавает ваша лодка, отвечать надо четко и без запинки. Проверим, насколько вы правдивы даже в мелочах... Договорились?

– Нет, не договорились! – опять встрепенулась Мина.

– Капитан... – начал было Дако.

– Между прочим, – язвительно перебила Мина и порывисто вскочила с места, – я подрядилась всего лишь подобрать в море и доставить на материк одного Иного. И что в результате? Вместо одного оказываются двое, ни с того ни с сего на нас нападает «Черная молния», а потом меня же еще и подвергают какому-то идиотскому допросу! Увольте, господа, сами играйте в свои игры в подполье и заговорщиков. У меня, к вашему сведению, есть дела поважнее. Если Каскад засек взрыв «Молнии», здесь скоро будет не протолкнуться от кораблей и абагонов. Мы должны уходить на глубину, так что я буду на марсе... Желаю приятно провести время, ваффен-йор.

После чего, не удостоив собравшихся боле ни словом, ни взглядом, ровно держа спину, гордая юная девица, как говаривал один шкодливый толстяк с пропеллером на спине, улетела далеко-далеко. Сиречь – покинула рубку.

– Прошу извинить, – сказал Дако-Райми, когда за ней закрылась дверь люка. – Мина совершенно не разбирается в большой политике... Хотя в некоторых *других* об-

ластях ей нет равных. Итак, господа, я внимательно слушаю вас и постараюсь честно ответить на все ваши вопросы.

Рошаль бросил на Сварога победоносный взгляд. Сварог ответил взглядом «снимаю шляпу».

И понеслось!

Никогда еще Сварог не получал такого удовольствия от допроса. Да и допросом происходящее назвать было трудно, скорее уж – беседой двух благородных донов, один из которых, из дальних странствий возвратясь, расспрашивает другого насчет что новенького в мире и в свете. Филигранная работа полутонами, танец полунамеков, пестрая мозаика туманных уточнений и тонких вопросов, казалось бы, к делу не относящихся, мастерская игра на человеческой психологии – вот что это было. И бедный Дако-Райми ни разу – заметьте, ни разу! – не заподозрил гостей в полной их неосведомленности. Сварог наслаждался игрой Рошала, мотал на ус и выстраивал в уме картину происходящего.

А происходило вот что.

«Дархская услада» не была пиратской лодкой – она была лодкой контрабандистов. Откуда появилась эта субмарина, каким образом за несколько лет сумела заслужить как лютую ненависть у власть предержащих, так и уважение у не менее *вольных* мореплавателей – сие Дако было неведомо. Когда он, вынужденный бежать с имперского флота за кое-какие делишки (которые суть совсем другая история), попал на «Дархскую усладу» в качестве первого помощника, лодкой уже командовала Мина. Капитанша не гнушалась ничем – перевозила из протекторатов и колоний в метрополию нелегальных эмигрантов,

золото и алмазы с частных рудников, из метрополии в протектораты и колонии доставляла оружие, механизмы и беглых преступников... Разумеется, не одна Мина занималась этим насквозь нелегальным промыслом – бизнес контрабандистов был поставлен с размахом, был весьма разветвленным и многоступенчатым, со своими секретными базами, перевалочными пунктами и богатыми клиентами на всех континентах, однако имперская служба безопасности под названием Каскад, давно и косо смотрящая на безобразия, что царят в море, на этот раз отчего-то закусила удила. То ли просто решила найти козла отпущения – чтоб другим впредь неповадно было, то ли действительно Мина сильно наступила Каскаду на хвост, то ли по какой-то другой причине, но на «Дархскую усладу» была объявлена охота. Мине же, по большому счету, на охоту было плевать, даже наоборот – так интереснее было.

Четыре дня назад Мина получила весьма выгодный заказ. Она как раз собиралась возвращаться из одной провинции – давайте обойдемся без названий, – причем порожняком, и сей факт ее деловую жилку терзал немилосердно. Вот ей и предложили за плату, от которой отказаться было трудновато, подобрать в точке с такими-то координатами и доставить в имперскую столицу некоего Иного. По большому счету, Мине все равно кого перевозить, хоть Иного, хоть государственного преступника, лишь бы очередную палку в колесо метрополии вставить – тем более, что курс «Дархской услады» проходил как раз неподалеку от этой точки. От кого поступил заказ, Дако не знал и весьма сомневался, что и сама Мина знает. Видите ли, господа, контрабан-

да в наши дни — дело довольно-таки щекотливое, попадает казнь через растворение, и большинство клиентов предпочитают оставаться в тени... Собственно, вот и все. Мы прибыли в указанное место, и тут откуда ни возьмись появляется «Черная молния», один из самых быстроходных боевых кораблей Каскада. Так что пришлось принять бой, и, как вы изволили наблюдать, выйти из него победителем. Но как Каскад вычислил нас — ума не приложу...

Штабен-йор Дако-Райми еще раз принес свои извинения за несколько прохладное начало их знакомства: двое Иных вместо одного, нападение «Черной молнии» — все вкупе, согласитесь, не могло не вызвать вполне закономерных подозрений: уж не Каскада ли это ловушка. Однако теперь, успокоившись и сопоставив некоторые факты, он, Дако-Райми, нисколько не сомневается, что гости именно те, за кого себя выдают — истинные борцы за свободу против имперского ига... И даже готов вернуть оружие. Рошаль с непроницаемым лицом благосклонно извинения принял и поинтересовался, не является ли и сам уважаемый Дако борцом за светлое завтра и радетелем грядущих преобразований. Скорее сочувствующим, скромно ответил штабен-йор. Ненавидеть империю — это одно, а вставать на борьбу с оружием в руках — это совсем другое. Возраст, знаете ли...

...И все-таки это была не Димерея. *Этот* мир назывался Гаранд, а пресловутая метрополия, целиком занимающая самый крупный материк, именовалась простенько и скромно, как, собственно, и сам континент: Корона.

Со столицей в мегалополисе Вардрон. Всего же континентов на планете имелось четыре штуки – совсем небольшой, почти остров, приполярный укрытый льдами Эшт, два экваториальных, покрупнее – Гвидор, насчитывающий порядка сотни мелких государств и почти необитаемая Ханнра – и собственно Корона.

В корабельной библиотеке (какой же «Наутилус» без библиотеки!), куда гостей любезно проводил Дако по их собственной просьбе после легкого ужина (копченое мясо, хлеб, сыр, вино – все как у людей), – так вот в библиотеке книг по мировой истории, к сожалению, не оказалось, книги были по большей части на морскую тематику, так что Сварогу и Рошалою информацию приходилось собирать буквально по крупицам. И все же кое-что они откопали и сумели скомпилировать – благодаря, главным образом, неведь как затесавшимся на книжных полках популярным журнальчикам для подростков.

Главное, что уяснил Сварог, – этот мир, пусть и имел многочисленные общие черты с Таларом и Димерей (и, как он подозревал, еще с целой кучей миров), но все же отличался от них разительно.

Цивилизация Гаранда развивалась исключительно по технологическому пути. О колдовстве и магии здесь помнили лишь старики в глухих деревушках, – да и те в такую ерунду уже не верили. Все верили в науку и технику.

А получилось все так.

Примерно триста пятьдесят лет назад Корона была маленьким, но гордым королевством, расположенным на самом берегу океана. И прозябать бы ей в тени более могущественных и богатых соседей долгие века, если б

не некие ученые мужи из королевской академии наук. То ли случайно, то ли путем кропотливых экспериментов, они изобрели *электричество*. Ну, не изобрели, конечно, а открыли, однако, что важно, достаточно быстро сумели найти ему практическое применение. К чести тогдашнего монарха, научные изыскания среди подданных не только не притеснялись, но всемерно поддерживались и поощрялись. Более того: углядев в открытии широчайшие для государства перспективы, король немедленно приказал арестовать всех к оному открытию причастных, согнал до кучи еще пару сотен высоколобых, профинансировал создание жутко секретного института и под страхом усекновения повелел изыскания продолжить.

Каким конкретно образом, Сварогу из журналов и книг понять не удалось, но именно благодаря использованию электрического тока королевство за какие-то полсотни лет превратилось в одно из самых сильных и богатых на континенте. И, естественно, стало поглядывать по сторонам...

В течение следующего столетия постепенно и неумолимо оно расширяло свои границы, грамотно и легко подавляя сопротивление отсталых соседей загадочными чудо-пушками, используя механические повозки на электротяге взамен конной и аэропланы взамен воздушных шаров...

Электричество. Дешевая энергия, вот что помогло королевству превратиться в сильную и развитую Корону, со временем покорившую всю планету. Ветряки, плотины, приливные станции, кислотные батареи. Может быть даже, батареи солнечные... Расстояния перестали играть существенную роль в политике: о готовящемся в даль-

ней провинции восстании наместник узнавал тут же, по проводному телеграфу, и успевал принять меры, — а бодрые солдатики, для подавления мятежа доставленные аэропланами, это, согласитесь, совсем не то, что увешанная оружием и измученная многокилометровым переходом пехота. Указы и распоряжения правительства доходили до самых до окраин в мгновение ока, равно как и отчеты об их, указов, исполнении, королевский двор перестал быть для глубинки чем-то недостижимым, а следовательно, в почтении и страхе не больно-то нуждающемся. Нет рабов, потому что электроэнергия есть-спать не просит и не думает о побеге. Нет серьезных войн, потому что уже не с кем воевать... Словом, народ прямо-таки цветет и пахнет под сенью строгого, но справедливого императора. Недовольные, конечно, имеются, куда ж без недовольных-то, но Каскад успешно вылавливает, пресекает, карает и занимается профилактикой политических преступлений. Лепота, одним словом. Любой земной утопист прошлых веков прослезился бы от умиления, завидев такую идиллию.

Такова была история Гаранда в представлении коронских детских авторов.

Правда вот, технический прогресс ломанул вперед стремительным аллюром, а прогресс культурный и этический, как всегда, отставал. Обычно так и бывает — наука бодро шагает впереди, а человек подтягивается значительно позже... Однако в случае с Короной дела обстояли по-другому. Насколько уразумел Сварог, дармовая энергия свела почти на нет социальные неравенства, а где нет противоречий, там нет и необходимости в переменах. Ну не нужны коронцам ни парламенты, ни под-

линно демократические выборы народных депутатов – не нужны и все... Вот и катаются бароны на электромо-
билях, князья смотрят сериалы по электродальновизору,
а графья на электропланах покоряют воздушный океан.
Смещение исторических эпох. О новых источниках энер-
гии никто и не думает – электрической пока хватает на
всех, поскольку запросы сравнительно молодой цивили-
зации не очень-то большие...

Сварог с треском захлопнул очередную книгу и по-
ставил на полку. Потянулся всем телом. Удивляться и по-
ражаться силенок не осталось. Действие адреналина,
выбрасываемого в кровушку во время приключений на
Граматаре, во время боя в зиккурате и впоследствии
перемещения закончилось, начался откат. Организм капризно требовал положить себя горизонтально, сунуть под голову подушку и, в идеале, укрыть одеялом. И чтоб никто не мешал минут эдак шестьсот.

– Что ж, – сказал Гор Рошаль, отрываясь от изучения при тусклой лампе огромной карты мира, – по край-
ней мере, теперь мы хотя бы в общих чертах знаем, где ока-
зались и что вокруг происходит...

– Ну, и каковы ощущения?

Рошаль неопределенно передернул плечами и бес-
страстно ответил, так что неясно было, то ли всерьез го-
ворит, то ли нет:

– Интересно. Чертовски интересно. Хотя... и очень мало *полезной* информации...

– А то. Ни единого упоминания о Дверях, что за без-
образие...

Рошаль поднял голову.

– Вы намерены покинуть этот мир, граф?

Сварог поразмыслил, ответил осторожно:

– Знаете, масграм, я уже нашел *свой* мир. Мир, где мне вольготно, мир, который называется Талар. Я свой дом нашел, понимаете? А здесь... Я пока ничего здесь не видел, кроме воды и этих стен, но мне уже здесь не нравится. Заранее. И очень не хочется здесь оставаться.

– И вы уверены, что Дверь, если таковая отыщется, вернет вас домой, а не перебросит куда-нибудь еще?

Сварог ничего не ответил, и Гор Рошаль сказал еле слышно:

– Завидую я вам, граф...

Уже несколько часов «Дархская услада» браво рассекла глубины океана, неся пассажиров в сторону таинственной метрополии. Надо было поинтересоваться у Дако, когда здесь темнеет, – судя по ощущениям, там, снаружи, уже глубокая ночь...

– Ну, по крайней мере, радует хотя бы то, что нет ни одного упоминания и о приближающейся всемирной катастрофе, – сказал Сварог. – Так что, будем надеяться, с этой стороны нам опасность не грозит.

– На Димерее тоже старались не писать и не говорить о Шторме, пока не грянуло, – возразил Рошаль.

– Оптимист вы, как я погляжу...

– Я реалист, господин *Иной*, – с неожиданной резкостью бросил старший охранитель. – Потому и жив еще. И вы, между прочим, тоже.

– Да ладно, что вы, право слово... Кстати, об *Иных* так же ни одного упоминания – а уж эти ребята, похоже, многим поперек горла стоят...

Рошаль задумчиво прищурился.

– Согласен. Но. Книги тут преимущественно старые, а Иные, вполне вероятно, появились совсем недавно. Или просто-напросто здесь нет материалов на эту тему – как наверняка нет на множество других тем... Либо, в конце концов, упоминания об Иных в официальной печати запрещены.

«Компьютер какой-то, а не человек», – подумал Сварог. И пробормотал:

– Иные, Иные... Очень, знаете ли, похоже на «иноземцы». Или на «иномирцы», а?

– Полагаете, тут знают о существовании других миров? И не только знают, но и общаются с выходцами *оттуда*?

– Почему бы и нет? – Сварог поднялся с кипы толстенных фолиантов, которую использовал в качестве стула, зевнул во весь рот.

– Да это вы оптимист, граф, а не я... – криво усмехнулся Рошаль. – Знаете, не люблю гадать. Вот доберемся до метрополии, там и разбираться будем... Сейчас меня больше интересует заказчик. Тот, кто нанял этот корабль, чтобы подобрать нас в море...

– Не нас, – поправил Сварог. – *Одного* из нас.

– Несущественно. Главное, кому-то точно известно о нашем существовании. Плюс – внезапное появление «Черной молнии»... Не нравится мне это. Очень не нравится, граф...

ЕЩЕ БОЛЬШЕ ВОПРОСОВ И ОТВЕТОВ

Гостям «Дархской улады» выделили аж отдельные, по какой-то причине пустующие каюты, расположенные по соседству, и каюты отнюдь не для рядового состава – шагов семь в длину, три в ширину, не с гамаком или койкой, а с настоящей пружинной кроватью – что даже для фантастического «Наутилуса» было прямо-таки роскошью. Интересно, как же тогда выглядит каюта юной чертовки... Наличествовали также прикроватная тумбочка (пустая), две привинченные к полу табуретки, крошечный клозет и даже миниатюрный душ – Сварог и представить себе не мог, что тонюсенькая струйка едва теплой, мутноватой водицы из крана может доставить такое наслаждение. Где-то с полчаса он яростно отдраивал тело, изведя весь скромный кусок мыла и нимало не заботясь о том, что запас пресной воды на борту, должно быть, ограничен. Плевать, вокруг воды полно. Вытерся небольшим полотенцем и переоблачился в выданный Дако костюмчик Супермена, разве что без пояса, – это, оказывается, была не военная форма, в таких, с позволения сказать, нарядах щеголяла половина населения Короны, штатского и служивого. Мода, вишь ты... С неудовольствием оглядел свое отражение в миниатюрном квадратном зеркале над кроватью. Ну чистый мистер Икс, блин...

– По рыбам, по звездам проносит шаланду, –
Три грека в Одессу везут контрабанду...

– продекламировал он. Что ж, добро пожаловать в гильдию контрабандистов, граф. Хотя бы в качестве контрабанды...

И как был в непривычной одежде, завалился на постель.

Он лежал на спине, смотрел в темноту, слушал мерный, усыпляющий шум корабельных механизмов, слышал приглушенные голоса, доносящиеся из кубрика – контрабандисты праздновали победу над «Черной молнией», чувствовал убаюкивающее покачивание субмарины... а уснуть не мог. Не мог, и все, хотя и чувствовал, что вымотан до предела. Так бывает иногда: кажется, стоит только добраться до постели – и отрубиться в момент, а доберешься – и не уснуть, хоть ты тресни. Переволновались вы, ваше величество, перенервничали. Не бережете себя...

Ну так и что же нам теперича делать, а, милорд? Ответ, собственно, один: да, действительно, опять пускаться на поиски проклятой Двери – или как она зовется в этом мире... А что в этом мире Дверь, хотя бы одна, но существует, Сварог отчего-то не сомневался. Иначе не интересно. Иначе я так не играю... Так что, как это ни прискорбно, отыскание заветного входа в кроличью нору, становится, похоже, доброй традицией путешественника по Вселенным. У Уэллса, кажется, есть такой рассказ: «Поиска квартиры как вид спорта». А у нас, извольте видеть, ролевая игра «Поиски Двери как способ вернуться домой». Открой правильную дверцу – и ты выиграл. Открой неправильную – и милости просим в начало игры. Только с другими фигурами. А именно: метрополия, Иные, таинственный заказчик, Гран-Тай, который явно

наделен некоторыми колдовскими способностями, кои, как утверждается официально, суть выдумки и чистой воды суеверие. И не будем забывать, господа, о...

Оглушительно запиликало чувство опасности, Сварог рывком сел. Покрутил головой, выискивая ее источник...

Чудовищный удар! Кровать брыкнулась и как взбесившаяся лошадь швырнула его на пол, сверху упало одеяло. Субмарина резко накренилась на правый борт и выпрямилась, где-то вдалеке по-бабьи заголосила сирена, ее вопль подхватила другая, значительно ближе, и еще одна, и еще, и вот уже целый сводный хор мартовских котиков надрывает глотки, заполняет жутким воем каждый уголок «Дархской улады».

Сварог сам не понял, как очутился в коридоре – рефлексы сработали быстрее разума. Секунду назад он еще путался в чертовом одеяле, и вот он уже снаружи, сжимая в руке шаур. Кто-то хрипло выкрикивает какие-то команды, туда-сюда, бестолково на первый взгляд, снует матросня... Сварог поймал за рукав пробегающего мимо Гран-Тая, заорал, перекрикивая надрывный ор сирен:

– Что случилось?!

– Не знаю! – в глазах морского волчонка плескался неподдельный ужас. – Каскад!

«А, проклятье...»

– Где Дако и капитан?

– Должны быть на марсовой площадке! – и юный йорк-капрал всхлипнул. – Не знаю!

– Какая еще марсовая площадка, – рывкнул Сварог, – это же подлодка!..

Распахнулась дверь слева, и рядом очутился Рошаль – тоже одетый, сна ни в одном глазу. Выкрикнул:

– Нападение? Авария? Что делаем, маскап?

Еще один удар сокрушил субмарину, кто-то заорал, повалил серый, воняющий горелой изоляцией дым. Сварог обернулся к посеревшему лицом Грану:

– Туда, к капитану, живо!

– А?..

– Живо, сопляк, кому говорят!!! – и встряхнул так, что у того лязгнули зубы.

Взгляд Гран-Тая на мгновение прояснился, он судорожно кивнул и зайцем рванул вперед...

Сварог и сам не понимал, какого лешего ему понадобилось куда-то бежать. Просто будто толкнуло что-то в спину – надо быть там, где капитан, и все.

И опять – коридоры, коридоры, трапы, не споткнуться о комингс, не поскользнуться, не столкнуться с кем-нибудь из экипажа, направо, вверх, люки, коридоры, коридоры... На «марсовую площадку» они вбежали аккуратно к тому моменту, когда «Дархская услада» нанесла ответный удар по неведомому противнику – произвела залп четырьмя торпедами. Нереальное, фантастическое, но, что ни говори, чертовски красивое это было зрелище – торпедная атака *такой* подводной лодки. Ярчайшие конусовидные лучи двух прожекторов лупили откуда-то снизу, из-под днища «Дархской услады», разгоняли глубинную тьму и окрашивали мутную воду в фосфоресцирующе-зеленый цвет. И в этом свете стремительно уходили вдаль четыре пенные струи, прямые, как стрела, мерцающие серебром, сходящиеся в одну точку где-то на расстоянии лиги от корабля. Торпеды. Нацеленные на нечто, затаившееся там, в вечном подводном мраке, разогнать который прожекторам не хватало мощности...

На все на это Сварог смотрел через иллюминатор – был, оказывается, на «Дархской усладе» иллюминатор, выпуклый, огромный, в полтора человеческих роста. (Вот, значит, что местные подводники называют марсовой площадкой: полукруглый обзорный отсек где-то в носовой части субмарины!) Оба старых знакомых – Мина-Лу и Дако-Райми – находились тут же и на появление незваных гостей не отреагировали: не до того было. Мина отдавала быстрые, отрывистые распоряжения в голосоотвод, выслушивала многоголосицу ответов и вновь приказывала, растрепанный Дако возбужденно считал вслух, сжав кулаки и не отрывая напряженного взгляда от иллюминатора: «Семь... шесть... пять...» Торпеды давно ушли из поля зрения, будто растворились в крошечной тьме, и несколько ударов сердца ничего не происходило; напряжение в отсеке ощущалось почти физически.

– Два... один... ноль!

В иссиня-черной глубине океана за иллюминатором вспыхнула ослепительная белая точка, разрослась до размеров теннисного мяча, быстро налилась пурпуром, потемнела... и погасла.

– Попадание! – вырвалось у Гран-Тая.

– Неизвестно, – хрипло сказал Дако, – мы уже дважды стреляли – и *ничего*...

Мина скомандовала в трубку:

– Еще залп!!!

Палуба ощутимо дрогнула под ногами, и еще четыре торпеды, оставляя за собой пенный след, рванулись в темноту.

Дако-Райми резко повернулся к Сварогу и Рошало, лицо его было мертвым.

– Нападение, – сдавленным голосом сообщил он. – *Не* Каскад. Что-то... что-то другое... На приборах ничего нет. Но кто-то по нам стреляет, – и вновь обернулся к иллюминатору. Гаркнул: – Мина, пора!..

– Лево руля, курс сорок пять, быстро, мать вашу! – крикнула Мина в голосоотвод. – Погружение на двадцать, дифферент минус двадцать! Полный!

– Четыре... три... – вновь начал отсчет первый помощник.

Субмарина клюнула носом и накренилась на левый борт, где-то в глубине ее чрева приглушенно затарахтели, зачастили какие-то механизмы – очевидно, отвечающие за обороты гребных винтов, потому как «Дархская услада» явно набирала скорость, уходя вниз и влево.

И вовремя.

– Великий Тарос, смотрите! – Рошаль выбросил руку в сторону иллюминатора.

Появился и пропал еще один теннисный мячик разрыва, и тут...

– Вот, опять! – схватился за голову Дако-Райми. – Значит, опять промахнулись!

– Погружение на тридцать!..

Из беспросветной мглы, из той точки, где взорвались торпеды, на «Дархскую усладу», быстро, невообразимо быстро наплывала, расширяясь и раздуваясь, светящаяся фиолетовая масса, алчно шевеля мириадами то удлиняющихся, то укорачивающихся щупалец. Однако маневр Мини по уходу с линии огня дал результат: на этот раз неведомый противник промахнулся, и фиолетовый «осьминог» размером с девятиэтажный дом пронесся выше и правее подлодки, едва не задев щупальцами борт.

Разумеется, это был не Каскад. И, разумеется, это не было порождением науки, уж Сварог-то научился разбираться в таких штуках. А более всего это напоминало обстрел зелеными соплями, под который Сварог угодил во время бегства с Атара на броненосце...

Он скоренько задействовал «третий глаз»... и стены субмарины стали прозрачными, будто сделанными из стекла. Сквозь бесплотное тело Дако он заметил, как стайка мелких рыбешек попала в световой конус, на миг вспыхнула россыпью бриллиантов и поспешила убратся подальше от железного чудовища. Откуда-то из пустоты, как сквозь вату, доносились призрачные голоса: «Разворачиваемся, Мина, уходим! Торпеды на исходе!», «Что это такое, а? Что это?!», «Залп! Право руля, всплытие на десять!...» А потом он *увидел*.

Четыре светлые точки метнулись к далекому и какому-то несерьезному фиолетовому облачку, проявившемуся в центре иллюминатора. Это не было проявлением Зла, это не было проявлением Белой магии – это вообще ничем не было, так, пустышка, обманка... На самом подлете торпед облачко превратилось в бублик, снаряды пролетели сквозь дырку и детонировали, не причинив тому ни малейшего вреда. Потом облачко сжалось, затянуло отверстие фиолетовым сиянием и выплонуло в ответ очередную осьминожку... А вот от этого облака вниз, на невообразимую морскую глубину, тянулась тонюсенькая багряная ниточка, колеблющаяся, пульсирующая. Облако висело на ней, слегка покачиваясь, точно воздушный шарик в ручонке малыша... Вот только вместо малыша другой конец нити держал... В человеческом языке нет слов, чтобы описать *это*. Более всего оно напоминало

огромный бесформенный сгусток черноты – еще более темной, если такое возможно, нежели окружающая подводная темень, черноты клубящейся, переливающейся, беспрестанно текущей куда-то и при этом остающейся на месте, но при одном взгляде на нее Сварога прошиб пот. Ничего более омерзительного он в жизни не видел, хотя и не смог бы объяснить, что же такого отталкивающего и жуткого в этом клубке тьмы. То ли полная, абсолютная его *чуждость* чему бы то ни было живому, то ли ощущение, что сгусток *смотрит* на него, глаз не имея напрочь...

Он вынырнул в реальность, жадно хватая ртом воздух, чувствуя, что его колотит, как в лихорадке... Вынырнул в то мгновенье, когда Мина в очередной раз скомандовала залп.

– Нет! – крикнул Сварог и тут же закашлялся – в горле будто наждаком прошлись. – Оно... оно не там... ниже...

Мина бросила на него гневный взгляд, секунду поколебалась, но все же приказала в голосоотвод:

– Отставить! – после чего повернулась к Сварогу всем телом, прикрыла раструб ладонью. – Ну?! Кто не там? Что ты придумал, *Иной*?!

– Дайте дифферент на нос, капитан, – сказал он. – Наклоняйте лодку, пока я не скажу стоп... Да быстрее вы, черт бы вас побрал, подобьют же!..

Мина-Лу колебалась недолго. Пронзив Сварога насквозь двумя лазерными лучами чернущих глаз, она вновь метнулась к голосоотводу...

Палуба накренилась, пришлось хвататься за что ни попадя, дабы не упасть. Мысленно содрогнувшись, он вновь

включил «третий глаз». Вот ниточка, а вот и сгусток черноты – медленно перемещается по иллюминатору, окантованному ставшим прозрачным металлом. С трудом сдерживая тошноту, Сварог ждал, и когда омерзительная масса достигла центра иллюминатора, командовал:

– Стоп-машина, залп!

И Мина тут же продублировала приказ.

...Слишком поздно порождение Зла – именно Зла, чего же еще?! – сообразило, что ему грозит. И попыталось убраться. Но не успело.

Торпеды сошлись в точке, знакомо вспыхнул белый шарик... И вслед за тем раздался беззвучный вопль – оглушительный, проникающий сквозь броню и переборки, ввинчивающийся в уши. Этот неслышный крик, в котором смешались боль, гнев, отчаянье, рождался, казалось, в самом мозгу, Гран-Тай аж присел, широко разинув рот и заткнув уши руками... А потом вопль прекратился, будто звук выключили, повисла напряженная тишина. В магическом зрении было видно, как медленно разлетаются в стороны ошметки черноты, скручивается спиралью лишенная привязи красная ниточка, гаснет фиолетовое облако...

Прошла минута, вторая. Атака не возобновлялась.

– Все? – нерешительно спросил Дако в пространство.

– Ага, – сказал Сварог. И оттер пот со лба.

– Что... – в неожиданной тишине голос Мины прозвучал как-то особенно громко. – Что это было? – Она в упор смотрела на Сварога. – Новое оружие Каскада?

– Ни малейшего понятия не имею, – искренне ответил он. – Вам должно быть виднее, кто из нас бороздит

просторы мирового океана?.. Как бы то ни было, *оно* сгнуло. Расстреляно. Взорвано. Уничтожено... У вас торпеды, часом, не серебром начинены?

— Почему серебром?..

— Ну, обычно такие *хреновины* можно уничтожить только серебром... Ладно, после, долго объяснять... Что ж, поздравляю вас, резерв-победитель. Стрельбы прошли успешно, цель поражена.

— Спасибо за помощь, — холодно сказала Мина. — Через полчаса жду вас в капитанской каюте. Поговорим.

Он закрыл глаза. Больше всего на свете ему сейчас хотелось присесть, закрыть глаза и ни о чем не думать. Чем бы этот мир ни отличался от Талара и Димереи и в чем бы ни был похож, прежние *проблемы*, как видно, будут преследовать его и здесь.

— ...Значит, вы уверены, что все ваши неприятности связаны с нами? — лениво спросил Сварог. С закрытыми глазами он сидел в кресле и ни о чем не думал.

— А вы полагаете иначе? — фыркнула Мина.

Не поднимая век, он пожал плечами. На эту тему думать не хотелось. Вообще не хотелось думать. Вино вызывало приятную томность во всем теле.

— Никогда раньше кораблю Каскада, даже самому быстроходному, не удавалось подойти к моей лодке на расстояние орудийного выстрела. Никогда я не встречала в море ничего подобного этой... твари. Даже не читала о ней. И не слышала ни от кого из моряков. А тут, в течение одного дня... Причем, заметьте, все случилось непосредственно после того, как мы вас подобрали... Черт возьми, что б я еще раз согласилась на по-

добную работу! Да пропади они пропадом, такие заказы. Своя шкура дороже...

Конечно, вполне могло стать, что прихвостни Великого Мастера отыскиали Сварога и здесь. И теперь, в меру своих силенок, вновь пытаются его укокошить – с усердием, достойным лучшего применения. Но... Как-то, знаете ли, мелко это, даже для самого занюханного прихвостня – лупить со всей дури по субмарине какими-то каракатицами. Примитивненько, знаете ли. Неужели в адском арсенале не найдется ничего посерьезнее? Или у Мастера настолько плохо с толковыми кадрами?..

– Эй, граф, вы там не уснули?

– И в мыслях не было, – Сварог встрепенулся с трудом разлепил веки.

На удивление, обстановка в каюте резерв-победителя Мины-Лу мало чем отличалась от обстановки в каюте Сварога – та же пружинная кровать, душ в неглубокой нише, зеркало... Не было ни картин на стенах, ни положенного любой женщине шкафа с нарядами, даже положенного любому капитану сейфа и стола, заваленного картами и рейсфедерами, не было. Разве что зеркало было размером побольше, да вместо табуреток кресла, в которых и расположились Иной по имени Сварог и капитан подводной лодки по имени Мина. Спартанский образ жизни морских волков и волчиц, понимаешь...

– Поймите, граф, – настойчиво продолжала она, – самое главное для меня – безопасность «Дархской услады». И я хочу, чтобы вы мне помогли. Сначала нападение «Черной молнии», потом нападение этой твари... Что бы вы подумали на моем месте?

– На вашем месте, – совершенно серьезно сказал Сварог, – я бы подумал, что столь нелюбимый вами Каскад разработал хитроумный план по проникновению на лодку двух агентов, и приказал бы немедленно подозреваемых схватить. И обыскать на предмет нахождения «маячков». Знаете, что такое «маячок»?

Мина кивнула, секунду поразмышляла, потом решительно помотала головой.

– Нет. Не может быть. Признаться, поначалу у меня были сомнения на сей счет, однако... Видите ли, тот, кто оплатил вашу доставку в Корону... Это *слишком* известный человек, граф. И никаким боком с Каскадом не связанный. Даже наоборот. И никто не мог прикрыться его именем, чтобы заманить меня в ловушку...

Сварог сел ровнее.

– Значит, вам известно, кто он?

– Разумеется. Иначе я бы не согласилась подбирать в море неизвестно кого... Плесните-ка мне еще вина.

Сварог дотянулся до тумбочки, взял бутылку с высоким горлышком, налил ей в бокал, налил себе. Красное сухое вино оказалось недурственным – так что и в этом мире есть свои приятные стороны, милостивые государи, если, конечно, не обращать внимания на стороны насквозь неприятные... Едва они остались наедине, как маска гордой и неприступной командирши боевой субмарины куда-то делась, и теперь перед Сварогом сидела просто красивая женщина – испуганная и ищущая поддержки.

Она сделала глоток, наклонилась к самому лицу Сварога (он ощутил едва уловимый аромат какого-то парфюма) и, понизив голос до многозначительного шепота, сообщила:

– Граф, заказчиком является лично Визари... Слышите? *Лично*.

Эх, нет здесь мастера охранителя...

– Ого, – осторожно сказал Сварог. – Неужто *сам* Визари?

Мина уверенно кивнула.

– Зачем-то вы нужны ему. Он все очень точно описал: некто, называющий себя Сварогом, графом Гэйром, высокий... привлекательный. (Сварог усмехнулся одними уголками рта.) Как вы оказались на том плоту, кто вы вообще такие и почему Визари вас ищет – это не мое дело, я не сую нос в чужие игры... Однако, граф, повторюсь, безопасность лодки для меня превыше всего. Повреждения, к счастью, незначительные, ремонт закончится к утру, и спустя сутки мы должны быть на базе, оттуда вас переправят в Корону... но я должна знать, что происходит. Что нас еще ждет впереди и к чему я должна быть готовой. Так что подумайте и скажите: кто за вами охотится и почему?

– Можете мне не верить, – вздохнул Сварог, – но клянусь: я сам теряюсь в догадках...

А, да пропади все пропадом! Сколько можно в шпионов-то играть! И он продолжал:

– Скажу больше, Мина, и, опять же, можете не верить: я представления не имею, кто такой Визари и кто такие Иные... А самое главное – я абсолютно без понятия, откуда этот самый Визари узнал, что мы с уважаемым Рошалем окажемся в то время и в том месте посреди океана... тем более – узнал за четыре дня до нашего там появления. Потому что, милый вы мой капитан, мы и сами не подозревали, *где* окажемся... – Он наклонился вперед. – Кто они – эти Иные, Мина?

Вот сейчас она скажет: «Пришельцы из параллельных миров, попадающие к нам через Двери»... Ну, пусть не Двери, пусть Ворота, Лазы, Дыры и всякие там Прорехи, – только пусть скажет, Господи, пусть...

Некоторое время Мина молчала и, прищурившись, смотрела на Сварога сквозь бокал. Потом сказала:

– Жаль, граф. Я думала, что вы сумеете мне помочь. В конце концов, мы с вами на одном корабле и, если что, погибать будем вместе... Жаль. Спокойной ночи.

Она встала. Сварог порывисто схватил ее за руку, силой заставил сесть обратно в кресло.

– Да послушайте, вы! Ну чем вам поклясться?! Ну считайте, что мы жили в самой глухой деревне на самом далеком острове и ни сном ни духом о том, что творилось в Короне последние сто лет. Или у нас приключилась спонтанная потеря памяти... Не верьте, подозревайте, думайте что угодно – но можете вы ответить на несколько простых вопросов?

– О Визари знает каждый второй на Гаранде...

– Значит, я из тех, кто каждый первый! – рассердился Сварог. – Я вот – не знаю! И очень хочу узнать, за каким чертом мы ему понадобились! Может быть, тогда я пойму, какие еще сюрпризы нас ожидают. Ну?

– Похоже, не врете... – нерешительно сказала Мина.

– Да зачем мне врать? А даже если и вру, то какая разница? От вас не убудет, если вы прочитаете маленькую лекцию...

Поколебавшись, Мина села обратно в кресло.

– Вы очень странный человек, граф. Станный и... Ну хорошо. Что конкретно вас интересует?

– Конкретно – все. А в частности – кто такие Иные и кто такой Визари.

Сама Мина знала немного, поскольку политической ситуацией в Короне не интересовалась совершенно. Однако и ее рассказа хватало, чтобы *понять*.

Увы, Иные не были выходцами из других Вселенных – они были коренными жителями Гаранда.

Как уже говорилось, Гаранд, подобно Земле, был миром исключительно технологическим, научным, рационалистическим и, так сказать, модернистским. Все началось лет пятьдесят назад, когда в обществе возникла дурацкая идея о возможности альтернативного прогресса, в основе которого лежат колдовство и магия. Нет, всякие там безобидные астрологи, хироманты, целители и ворожеи существовали, разумеется, в любые эпохи – но лишь как невинная забава для обывателей и средство для облегчения кошельков доверчивых граждан, однако в последнее время начала проявляться странная, настораживающая власти тенденция: все громче поговаривали о том, что наука, дескать, пошла по неверному пути и завела мир в тупик; что наука себя исчерпала; что необходимо вернуться к истокам и вспомнить о существовании волшебства; вообще, что картина мира совершенно не такова, какую нам навязывают, и так далее, и тому подобное... Метрополия поначалу смотрела на брожение в умах со снисходительностью многомудрого отца семейства, наблюдающего за возней своих чад, а когда спохватилась, едва не стало поздно. В основном, новоявленные чародеи, как водится, были обыкновеннейшими шарлатанами, фокусниками и гипноти-

зерами, однако и среди них попадались личности, чьи способности невозможно было объяснить в рамках традиционной науки. И пока власти решали и совещались, как быть с носителями сих способностей, число магов росло в геометрической прогрессии. Открывались кафедры колдовства при весьма уважаемых университетах и даже целые институты, всерьез занимающиеся проблемами альтернативного пути развития. Все больше ученых с мировым именем, из разных областей, совершенно открыто, не таясь, переходили на сторону паранауки, обыватель перестал обращаться к официальным врачам, передоверив свое драгоценное здоровье целителям всевозможных мастей и предсказателям. Промышленность, в особенности легкую, засбоило – не подтвержденная практикой идея о том, что куда проще добывать продукцию прямо из воздуха, путем заклинаний, нежели корячиться с ее производством, захватила умы, по Короне прокатилась волна забастовок и саботажей... Но лишь когда чародеи, кстати, называющие себя Иными, попытались выйти на политическую арену, империя сказала свое веское слово.

Колдовство и волшебство были запрещены разом и повсеместно, ордены, сообщества и секты принудительно распущены Каскадом. Началась форменная охота на ведьм – в буквальном смысле слова. И шарлатанов, и настоящих магов ловили без разбора, сажали, пытали, казнили... Но всех адептов «нового» прогресса истребить оказалось уже невозможно – расплодившиеся Иные ушли в подполье, как пожар на торфяниках уходит под почву. И чем больше усердствовал Каскад, тем крепче становилось сопротивление...

А десять лет назад у Иных появился лидер. И какой! По слухам, Визари был самым сильным колдуном за всю историю Гаранда, он сумел сплотить разрозненные группы сподвижников в монолитную организацию. Никто не видел его в лицо. Никто не знал, где он скрывается. Официально считалось, что Визари не существует, что это миф, очередная легенда о мессии, который якобы приведет мир к Золотому веку посредством свержения технократического ига. Но то – официально. В народе свято верили, что Визари так же реален, как земля, вода и магия. И, очевидно, народ был прав: это был если не один человек, так уж несомненно группа единомышленников, потому что в организации Иных несомненно существовало некое ядро, центр, революционный штаб – называйте как хотите, но уж больно слаженно и целеустремленно действовали ее отделения во всех уголках Короны...

Шантажом, подкупом, убеждениями и запугиванием Каскад пытался переманить на свою сторону колеблющихся магов. Каскад разрабатывал новое оружие, поражающее исключительно людей, наделенных колдовскими способностями. Каскад проводил облавы, назначал награды за любую информацию о скрывающихся чародеях, принимал карательные меры и закручивал гайки, что уважения ему, естественно, не прибавляло...

Мина замолчала и допила вино.

Молчал и Сварог, переваривая информацию. Штурмовые отряды, виселицы на площадях, коптящие костры, ночные звонки в дверь, зловещие черные фургоны... Он помотал головой. Да нет, не может быть. Бред. Сред-

невековые. Хотя... У них же на самом деле средневековые, феодализм в чистом виде, бароны, маркизы и прочие благородные доны...

– То есть, я – Иной, – сказал он с полувопросительной интонацией.

– Ты умеешь делать из воздуха предметы, – сказала Мина. – Ты говорил, что умеешь отличать правду от лжи... Почти как Гран-Тай – он умеет отличать простого человека от мага... Почему я позволила тебе подняться на борт. Ты – Иной.

– Гран-Тай – маг?

– Для того и держу растяпу...

– Ну и дела... Стало быть, твой Вазари ищет меня, потому что я... Так, минуточку! Стало быть, Каскад тоже ищет меня? (Мина молчала.) «Черная молния»... Но это откуда узнали, что я появ...

Сварог осекся и потер лоб ладонью. Мина молчала.

– Ну хорошо. Ладно. Допустим. А ты сама видела этого Визари?

– Я же говорю: его никто не видел.

– Тогда как ты поняла, что именно он связался с тобой?

– Существуют способы, с помощью которых... Прости. Я не могу сказать, это не моя тайна. Но поверь мне: никто кроме Визари не сумел бы...

– Верю, а что еще остается... – вздохнул Сварог и хлопнул себя по колену. – Черт побери, теперь я и сам хочу встретиться со столь информированным вождем угнетенных...

– Встретишься, – пообещала Мина. – Он сам найдет тебя... Вот только... Хочешь еще вина?

– А то. После таких новостей... Нет, погоди, не доставай. Раз уж я колдун, да еще в розыске, так давай играть в эти игрушки до конца.

Он проговорил нехитрое заклинание, и в его руке материализовалась пузатенькая бутылочка «Кабаньей крови» – настоящая, будто только что из королевских подвалов, даже с тонким слоем настоящей пыли на стекле.

– Отведайте-ка нашего, магического... – он стер пыль с бутылки, лихо скovyрнул пробку, плеснул по бокалам.

Мина осторожно подняла свой бокал, понюхала вино. Призналась нерешительно:

– Пахнет великолепно...

– Ну, мы, потомственные колдуны, бодяги не держим, – усмехнулся Сварог. – Пейте, капитан, не бойтесь. Я не предлагаю отравленного вина красивым дамам. – И, приветственно приподняв бокал в качестве молчаливого тоста, сделал глоток.

Она тоже пригубила, покатила вино языком, осторожно, точно лекарство, проглотила и прислушалась к ощущениям. Сказала с оттенком удивления:

– Великолепно... Никогда раньше не...

– Не пробовала ничего вкуснее?

Мина покачала головой:

– Не пробовала ничего, сотворенного с помощью магии.

– Привыкай.

– Ты и в самом деле ничего не слышал о Визари?

– Ни словечка. Так что ты там начала о нем говорить?

Что – «вот только»?

Она прижала пальчик к его губам, сказала загадочным шепотом:

– Т-с-с. Потом, граф. О других колдунах и о других делах – все потом.

Сварог и сам не заметил, как отставил бокал на столик – должно быть, рука действовала совершенно самостоятельно, потому что ей, руке, неудобно было одновременно держать бокал и обнимать Мину. Как Мина оказалась у него на коленях, он тоже не заметил. Просто махонький кусочек жизни выпал из его сознания, секунда – и вот уже ее губы на вкус как «Кабанья кровь», и ее тело дрожит как натянутая струна... Он поднял ее, перенес на кровать, и волна сладостного безумия накрыла их обоих с головой – как штормовой океан. Наверное, были какие-то бессвязные речи, стоны, шепот, мольбы, слова, звон упавшей бутылки, Сварог не помнил. В памяти остались только ее тело, матово отсвечивающее в полутьме каюты, изгибающееся, податливое, *раскрывающееся* ему навстречу, и сладкая мука, пронзающая каждую его клеточку, и мучительная сладость, от которой кровь вскипала и колотилась в стенки сосудов в ритме его движений, просясь наружу... А потом стены каюты конвульсивно сжались, сдавили их как прессом, и они умерли в объятиях друг друга.

– ...Знаешь, я еще никогда не была с *настоящим* Иным...

– Что, только с самозванцами?

– Скотина. Я серьезно.

– Да и мне как-то не до шуток...

– Хочешь узнать, есть ли разница между тобой и простыми смертными?

– Да как-то не особо, видишь ли. Я, видишь ли, непростой смертный и сам знаю себе цену, – а цена эта не маленькая... Ай, перестань, шучу, шучу. Ну перестань, больно же!

– Так тебе и надо... Нет, правда, если ты Иной, то почему тебе ничего неизвестно о том, что тут происходит?

– Амнезия. Провалы в памяти. Склероз. Где нас будет ждать твой загадочный Визари?

– Предмestье Васс-Родонт. Это совсем недалеко от столицы...

– Отлично. И как я его узнаю?

– Он сам узнает тебя.

– Еще более отлично. А как я туда попаду?

– Это уже моя забота. – Она вдруг замаялась. – Вас доставят аккуратно к поместью, а там и Визари встретит... Вот разве что...

– Что еще такое? – Сварог мигом напрягся.

– Н-нет... ничего. После расскажу, ладно? Иди ко мне...

...Позднее Сварог так и не смог бы сказать с уверенностью, было ли дальнейшее сном или все происходило на самом деле. Он вышел в коридор, было уже утро – это точно, а вот потом...

В коридоре было пусто, тихо и царил полумрак. Сварог приоткрыл было дверь в свою каюту, потоптался на пороге, дверь закрыл и негромко постучал в каюту по соседству.

– Заходите, маскап, – донесся изнутри голос Рошалья.

– Не спите?

– Какое там... – Рошаль лежал на кровати прямо в одежде поверх покрывала и при свете ночника лениво изучал какой-то справочник – наверняка упертый из библиотеки. – Я вот тут выяснил, что пряжки на ремнях наших друзей – ни что иное, как знак принадлежности к тому или иному сословию. Крестообразная у оружейников, круглая с лепестками у гидротехников... ну и так далее. – Он поднял глаза, посмотрел внимательно на Сварога и принял сидячее положение. – Есть новости?

– И еще какие, – Сварог прикрыл за собой дверь. – Не чета вашим пряжкам. Я выяснил, что такое Иные и кто послал эту лодку выловить нас из океана.

Рошаль зевнул, произнес безразлично:

– А, маг по имени Визари, да?

Сварог остолбенел.

– Вот черт... Вам-то откуда...

Рошаль не спеша закрыл справочник, отложил его на столик и хитро посмотрел Сварогу в глаза. И до Сварога дошло.

– Охранитель, старая вы сволочь! Опять подслушивали?!

– Не подслушивал, мастер капитан, – оскорбленно поправил охранитель, – не подслушивал! А делал свою работу: изучал, выводывал, вынюхивал, узнавал... да и, в конце концов, вас охранял – мало ли что...

– Все равно сволочь. – Сварог утрюмо плюхнулся на край его постели. – Ну и что вы думаете по этому по...?

Что-то неуловимо изменилось в мире. Мир слегка качнулся, мир мелко задрожал, как киноплёнка, криво заряженная в проектор, и снова выровнялся. Все снова вроде бы было по-прежнему, однако...

– Приветствую вас, милорд, – сказал Рошаль, и Сварог вздрогнул. Охранитель произнес эту фразу абсолютно чужим, незнакомым голосом – словно и не он это говорил, а бесстрастный и равнодушный синхронный переводчик какого-нибудь скучного фильма. – Это большая удача, что вы благополучно добрались до места.

– Масграм?..

– На какое-то время – нет, милорд, – поморщился тот, кто только что был Рошалем. – Потерпите и не перебивайте, мастер охранитель скоро к вам вернется... Если, конечно, мы договоримся. Итак, вы здесь, и это внушает мне оптимизм. Потому что в мои намерения, не скрою, входит использовать вас для выполнения одной важной и ответственной миссии – миссии, без которой и я не смогу достичь желаемого, и вы не вернетесь *домой*. И я спрашиваю прямо: готовы ли вы пойти на сотрудничество?

– Ты кто такой? – справившись с потрясением, спросил Сварог.

– А это имеет значение?..

Дверь каюты приоткрылась, внутрь без стука скользнула Мина.

– Какая разница, как меня называть? – спросила она с порога *точно таким же голосом*. – Мы нужны друг другу, милорд Сварог. Увы, у меня мало времени, я не могу долго держать в повиновении этих людей... Скажите прямо: мы сможем договориться?

«Милорд, милорд», – эхом билось в голове Сварога. Никто на Димерее, никто на Гаранде не знал этого его титула... И тут озарило: так ли уж – никто?!

Сварог неожиданно успокоился – все опять закрутилось по старому сценарию: *Он* соблазняет, Сварог отказывается... И спросил, брезгливо скривившись:

– Опять вы, господин Великий Мастер? И как вам еще не надоело? По-моему, кто-то обещал оставить меня в покое...

– Великий Мастер? – переспросила Мина.

– Можно и так сказать, – подтвердил кивком Рошаль. – У меня много имен. А что касаясь покоя... Вы нужны мне здесь, милорд, а я нужен вам. Так уж получилось, что только объединив усилия мы сможем добиться обоюдовыгодного результата. Так давайте найдем общий язык и...

– Да провалитесь вы к черту! – в сердцах гаркнул Сварог.

И расхохотался. Да, знаете ли, послать черта к черту – это очень смешно...

И от собственного хохота он проснулся. В своей постели, в своей каюте. И так и не смог понять, сон это был или явь. Однако в ушах все еще звучали последние слова Мастера, сказанные Миной и Рошалем в унисон: *«Как бы вам не пожалеть, милорд...»*

...Спустя сутки они стояли на мостике «Дархской услады», созерцали виднеющуюся вдали сушу, и влажный ветер гладил их лица. Суша – вулканический остров, расположенный где-то в двухстах лигах от материка под названием Корона – виднелась на самом горизонте, окутанная утренней дымкой, и оттого казалась плоской, будто нарисованной на сером холсте неба.

– Вот и все, – с непонятной интонацией негромко сказала Мина Сварогу, не отрывая взгляда от острова. – Добрались с грехом пополам, надо же... Признаться, граф, это был один из самых необычных моих походов – если не считать экспедиции за Звездными камнями на Хан-нру полгода тому назад... И я почему-то уверена, что мы еще с вами встретимся. Как вам кажется?

– Мина... – Сварог положил руки на ее плечи, но капитанша легко высвободилась из его объятий.

– Не надо, граф... встретимся – судьба, не встретимся... тоже судьба. Пусть все идет, как идет.

– А вы уверены, что ваш Визари не обманет? – хмуро встрял Рошаль, пытаясь закутаться от пронизывающего ветра в короткий плащ. Получалось плохо – плащ явно не был предназначен для спасения от холода. – Хорошо же мы будем выглядеть, если нас *там* никто не ждет...

На брюхе Рошаля, впрочем, как и у Сварога, тускло поблескивала круглая, с узором в виде решетки пряжка Гильдии купцов. Не бог весть что, конечно, однако не привлекает лишнего внимания, как, скажем, пояс с символом малочисленной, но широко известной и пользующейся повышенной популярностью у дам Гильдии актеров.

Мина пожала плечами.

– Я свою часть работы выполнила: доставила вас к острову, договорилась с авиатором. Все остальное – не мое дело. Одно могу сказать...

– Так, постойте, – Рошаль стремительно обернулся к командиру «Услады». – С кем вы договорились?

– С авиатором. Вон, видите?..

Она указала в небо. Сварог пригляделся – со стороны солнца к стоящей на рейде подлодке приближалась черная точка, быстро увеличиваясь в размерах. Секунду спустя до них донесся стрекот, и легкий летательный аппарат, ярко-оранжевый, напоминающий обыкновенный планер, но с зачем-то приспособленным к носу огромным пропеллером, сверкая лопастями бешено вращающегося винта, пронесся над самым мостиком. Мина помахала ему вслед и пояснила:

– Аэропил. На нем вы в два счета доберетесь до поместья Васс-Родонт.

Еще несколько «аэропилов» кружили в воздухе над самым островом.

– *По воздуху?* – очень тихо спросил Рошаль.

– Ну да... А что тут такого? Там, на острове, есть небольшой частный аэродромчик. Вполне официальный, легальный... ну, иногда мы пользуемся услугами пилотов, чтобы доставлять на материк кое-какие *грузы*, которые сложно провести через таможеню. Зачем нам лишние хлопоты с Каскадом?..

Рошаль закрыл глаза. И не открывал до тех пор, пока с острова не прибыл катерок за нелегальными гостями Короны и с известием, что к вылету все готово.

НЕСЕТ МЕНЯ МОЙ ДЕЛЬТАПЛАН...

Аэродром состоял из наземной и надземной частей.

На земле бок к боку выстроились приземистые полукруглые ангары, в которых дожидались своей очереди на взлет летательные машины, именуемые на местном наречии аэропилами. Из-под ангаров выходили рельсы и вливались посредством стрелочных переводов в магистральную колею – как вскоре выяснилось, по этим рельсам перемещались платформы, доставляющие аэропилы из ангаров к взлетной полосе. Сооружение же под названием «взлетная полоса», поднятое над землей на гигантских металлических опорах и тянущееся через весь остров, что-то Сварогу мучительно напоминало. Блин, ну конечно же – аттракцион далекого детства, американские горки, только увеличенные по всем параметрам раз так в несколько. На пусковую площадку, самую высокую точку острова, платформу с аэропиллом, судя по всему, поднимал лифт – огромная металлическая рама, оканчивающаяся площадкой с пультом управления и загадочной белой палаткой.

– Когда-то, а было это совсем недавно, – сказал Рощаль, задумчиво разглядывая оранжевый аэропил, уже стоящий на платформе, – я считал, что воздухоплавание начинается и заканчивается воздушным шаром. За последние... недели, месяцы?.. недели как месяцы... Ведя отсчет со дня знакомства с вами, мастер Сварог, я наблюдаю уже третью разновидность летательной машины...

Как любил говаривать покойный не без моей помощи князь Саутар, подписывая разрешения о начислении жалованья советникам: «Понимаю – что надо, но не понимаю – зачем мне это надо...»

– Эй!

Они обернулись.

Улыбаясь как родным, к ним семенил невысокий широкоплечий малый с обветренным лицом, на котором традиционный наряд Супермена смотрелся как фрак на пугале. Зататорил на ходу:

– Это о вас Миша говорила? Ребята с Сиреновой Гряды? Ну-ну. А я Юж-Крагт, йорг-капрал Унии Авиаторов. Бывший, разумеется. Забирайтесь в подъемник, скоро вылетаем. Ежели сказано доставить в лучшем виде – значит, доставим. Если только не упадем. Ха-ха-ха!

На этой оптимистической ноте пилот прошмыгнул мимо них, забрался на платформу лифта и занялся оранжевым аэропилотом.

...Сварог и Рошаль стояли у перил поднимающейся лифтовой площадки, мимо проплывали решетчатые фермы «взлетных горок» – лифт двигался не просто медленно, а с прямо-таки с похоронной неторопливостью. Ветер трепал их накидки. Высота была – аж дух захватывало. Пилот Юж-Крагт ходил вокруг своего летательного аппарата, трогал многочисленные тросы, простукивал обшивку, забирался под брюхо машины.

– Если наша приятельница Миша назвала это «аэродромчиком», то как же тогда выглядит полноценный аэродром? – напряженно спросил Рошаль, спав, что называется, с лица.

– Не горюйте, масграм, – ободряюще заметил Сварог. – Доведется, увидим и собственно аэродром, и местный воздушный парад, и небо в алмазах увидим. А равно как и много других чудес и диковинок... Кстати, все хочу спросить – вам еще не надоело? Я имею в виду всякие диковинки и разнообразные чудеса.

– Не знаю... сам не пойму, – ответил Рошаль, с опаской глядя вниз, на удаляющуюся землю. – Вот бегать надоело, если честно, маскап. Я, право же, не Олес, то бишь не достаточно молод и не достаточно горяч для подобных занятий. Хотелось бы по меньшей мере передышки, а по большому счету, – охранитель вздохнул, – определиться как-то хотелось бы. Скажем...

Закончить мысль Рошалю не дал пилот Юж-Крагт – закончив обнюхивать летательный аппарат и вытирая руки ветошью, он подошел к своим пассажирам, лицо его прямо-таки светилось дружелюбием.

– Ну чего, взлетим нормально. А бог даст, так еще и сядем, где нужно...

– Не загадывали бы вы, а? – поморщился Рошаль.

– А что такого? – искренне удивился авиатор. – Можем сесть, а можем и хрястнуться...

– Никогда на таких штуках не летал, – быстренько сменил неприятную тему Сварог. – Как она работает, не просветите?

– А чего там просвещать! Во, глядите-ка. Разгоняемся по этой горке, накапливается заряд, потом магнето дает искру, включается мотор – и пока мы парим в воздухе, что твой кирпич, лопасти набирают обороты, дабы мы не шваркнулись раньше времени... Делов-то. Ладно, по-

шли причащаться, — и от избытка дружелюбия он хлопнул Рошаля по плечу, отчего тот чуть не перелетел через ограду платформы.

На краю лифтовой площадки трепыхались на ветру тряпичные стенки белой палатки — к ней-то и увлек авиатор пассажиров, взяв под локотки. Полог, откиннутый пилотом, украшала вышивка золотой нитью: буквы «У. А.» над распростертыми крыльями. Овальный столик в центре, лавочки вокруг, белый сифон, маркированный теми же буквами «У. А.» и теми же крыльями, бокалы на толстой ножке, — больше ничего внутри палатки не было. Надавив на рычажок сифона, авиатор наполнил три бокала прозрачной пенистой жидкостью.

— У вас запрещено садиться за руль в трезвом виде? — с интересом спросил Сварог.

— Да вы, ребята, дикие, словно из лесов Акомболли. Это ж всего-навсего энергин. Чтоб вы на высоте не задохались, как рыбы в сухих песках Садаккеев. Там же наверху разреженный воздух, не знали?.. А вы, часом, не из Балора?

— Нет, — со всей искренностью ответил ему Сварог, — мы из другого тупичка.

— Ну и хорошо. Тогда за мной анекдот про то, как три балорца поймали карлика с золотой дудочкой. А сейчас... — авиатор взял свой бокал, прикрыл глаза, его лицо стало вдруг очень серьезным и даже каким-то одухотворенным.

Сварог догадался, что совершается некий устоявшийся предполетный ритуал. Неизвестно, что за напиток шипит и пенится в бокалах (но не яд — Сварог, разумеется, проверил жидкость на наличие яда и такового не обна-

ружил) и действительно ли он снижает воздействие разреженного воздуха, однако не стоит отказом настраивать против себя человека, которому вверяешь свою жизнь. Ладно, что нам стоит подыграть. Пусть даже и горька окажется микстурка...

– Что море поет?
Что ветер судачит?
Что чайка кричит?
Что сердце плачет
До края полно
Одно?

– негромко, даже с каким-то надрывом продекламировал пилот.

– Море поет,
Ветер судачит,
Чайка маячит,
Сердце плачет
День за днем
Там, где белый дом,
Белый дом
Над холмом седым –
Серебро и дым,
Серебро и дым
Всегда.
Куда?
Куда
Они
Одни, одни, одни?

И Юж-Крагт выпил бокал до дна. Смысла стихов Сварог не уловил, но похоронно-упадническое их настроение очень ему не понравилось. Не с таким настроением надо в воздух подниматься... Однако делать было нечего, и он осушил свой бокал. Его примеру, чуть поколебавшись, последовал и Рошаль. Пресловутый энергин на вкус оказался сильно газированной шипучкой с легким травяным привкусом. Не встает колом во рту, однако и без подобного удовольствия вполне можно было бы и обойтись.

Когда они покинули палатку, лифт уже достиг стартовой площадки.

– По местам, бескрылые! – зычно скомандовал авиатор Юж-Крагт и первым занял свое место – в носовой части аэропила, перед панелью управления, являющей собой лес рычагов. – Шлем и очки под сиденьем!

Через кабину от носа к хвосту тянулись тросы, на которых были подвешены кресла для пилота и пассажиров. Пассажирских кресел было аж шесть, пустующие сейчас были сдвинуты назад до упора. «Ага, – сообразил Сварог, – кресла закреплены не намертво, их можно передвигать. Значит, где-то имеется кнопка».

«Кнопки» в виде двух рычагов он обнаружил под подлокотниками. И быстро, без магической помощи, освоил управление простейшим механизмом, напоминающее управление инвалидной коляской: двигаешь правым рычагом – кресло ползет по тросам к хвосту, шуруешь левым рычагом – к носу.

– Эй, бескрылые, не балуй без команды! – прикрикнул авиатор. – Взлетим, тогда и будете кататься.

– Яволь, герой люфтваффе, – легко согласился Сварог. Командир всегда прав, не так ли? – а у этой этажерки командиром был Юж-Крагт.

Хорошо, что у кресел предусмотрены опоры для ног, напоминающие ножные упоры зубо-врачебных кресел, иначе высидеть весь полет, болтая ногами, было бы не просто.

Рошаль, страдальчески морщась от неприятных воспоминаний о прежних своих полетах, натянул шлем, подозрительно похожий на подшлемники строителей, и нацепил очки, не менее подозрительно похожие на мотоциклистские.

– Даю отсчет! – прокричал пилот. – Три, два, один... Поехали!

Он освободил колеса от тормозных колодок, и машина заскользила по платформе. Сердце ухнуло, когда аэропил клюнул носом – совсем как в детстве, когда вагонетка американских горок срывалась вниз со стартовой площадки и какой-то миг казалось, что – все, сейчас лететь, кувыркаясь в воздухе, пока не хряснешься всеми костями оземь. Но обходилось – вагонетка благополучно съезжала по деревянному желобу и мчалась, мчалась, набирая скорость, обгоняя ветер, заставляя мужиков жмуриться, а женщин визжать. Обошлось и сейчас. Колеса задребезжали по глубоким, фиксирующим их, как ногу в лыжном креплении, желобкам. Ударил в лобовое стекло тугая воздушная струя, побежали слева-справа за окнами салона прощальные пейзажи острова...

Аэропил набирал ход. Машину мелко потряхивало, машину норовило подкинуть ввысь, но специальной

конструкции желобки крепко держали колеса, не выпускали их из своего захвата.

Аэропил вошел в перигей пусковой эстакады, тело вдавило в кресло, как на учебной центрифуге. Впереди замаячил обрыв – трамплин взлетных горок обрывался аккуратно над лазурными водами океана. Если что не так – допустим, магнето не включит моторы вовремя или пропеллеры не наберут достаточную скорость, – то аппарат рухнет в воду... что, разумеется, гораздо лучше, чем шандарахнуть клювом о землю, взрываясь и разлетаясь на обломки... Кто бы, как говорится, спорил. Сзади протяжно застонал Рошаль – вот уж кому несладко приходится, так это мастеру старшему охранителю. Лицо верного сподвижника было блее мела, но он старался держаться молодцом. Ничего, брат, терпи...

И еще раз рефлекторно екнуло сердечко, на сей раз в момент отрыва от «американских» стартовых горок. Но беды не вышло, никто никуда не рухнул. Наоборот – вышел полный летный ажур. В хвостовой части «ероплана» шкваркнуло, треснуло, полыхнуло ярко-голубым, потом загудел, оглушительно застрекотал мотор, и пропеллер принялся набирать обороты. Образно выражаясь, аэропил расправил крылья и устремился курсом на горизонт.

Торчать в центре салона, аки тополь в чистом поле, более не имело смысла и Сварог, орудуя нужным рычагом, стал перемещать себя в носовую часть. Рошаль счел за лучшее остаться на месте. Сварог же, скользя в кресле по тросам, добрался до носового предела и занял позицию по правую руку от пилота.

– Красота! – авиатор кивнул на бегущий внизу океан.

– Согласен! – громко сказал Сварог, перекрикивая грохот винта, и сдвинул «консервные банки» очков на лоб. – Ничего отвратительного пока не наблюдается.

– А вы молодцом держитесь, господин пассажир, другие, бывает, начинают блевать, еще от края не оторвавшись. Летать доводилось? – спросил Юж-Крагт – совсем таким же тоном, каким его спрашивал Гран-Тай насчет не доводилось ли плавать.

– Да так как-то... – ответил Сварог, и пилот уважительно кивнул.

– Так вот анекдот про балорцев! Поймали три боларца карлика с золотой дудочкой. Ну, как обычно, тот и говорит им на чисто балорском языке: «Кто на этой дудочке сыграет мой любимый марш Сигга Близоруккого...»

И пошло-поехало. Пилот сыпал анекдот за анекдотом, что твой пулемет, и очень скоро стало понятно, что боларцы служат здесь таким местным аналогом чукчей. Но на том дело не закончилось. Исчерпав боларский запас, веселый авиатор перешел к похотливым и хитроумным женщинам, к мужьям, внезапно возвращающимся из дальних странствий, к любовникам в шкафу... Стало быть, впереди всенепременно ждут политические анекдоты, анекдоты про Каскад и – свежачок – про Иных. Как уже убедился Сварог, при всей разности миров, населяющих их народов, технической развитости и пестроте обычаев смеются люди, в общем-то, над одним и тем же.

Рассказчик травил анекдоты и сам же над ними хохотал; что ни говори, такой спутник как нельзя устраивал

Сварога – весь как на ладони, никакого второго дна, в душу не лезет. Понятное дело, довольно скоро он начнет тяготить, но ведь можно и не вслушиваться в его неумолчную трескотню, относиться к ней как к шумовым помехам сродни реву мотора...

Сварог и не вслушивался. Сварог на всякий случай приглядывался к рычагам и приборам, к манипуляциям авиатора Юж-Крагта – корпел над ребусом «как управлять аэропилотом». Сей ребус труднейшим не казался, все ж таки Сварог не новичок в пилотировании всяких воздухоплавательных вычуров, в том числе и летающего антиквариата. Можно было и вовсе упростить себе задачу, подключив старушку-магию, но... ведь чем сложнее тем интереснее, не правда ли? К тому же некуда торопиться и нечем особо заниматься, не слушать же, в самом-то деле, со всем вниманием развеселую историю про то, как однажды король Сигг Близорукий повстречал в лесу колдунью в овечьей шкуре!..

И уже через четверть часа Сварог мог отодвинуть Юж-Крагта (а если вдрызг надоест с анекдотами, то и выкинуть весельчака за борт), спокойно занять кресло авиатора и повести машину правильным курсом. Конечно, его пилотаж будет лишен летчицкого пижонства, а также придется обойтись без хулиганских выходов вроде пролетов под мостами и над поездом, но с главным Сварог управится – без большой необходимости не упадет.

А под фюзеляжем «этажерки» все еще расстилался океан. Погодка сегодня стояла распрекрасная – тишь да гладь, божья благодать. И, не то радуясь погожему дню, не то выискивая чего бы пожрать, из воды то и дело

выныривали блестящие спины каких-то рыбин... а может, и не рыбин, а, скажем, дельфинов местного производства. Блеснет в солнечных лучах мокрый бок, и шлепнется он обратно в родную стихию, подняв тучу брызг.

Смекнув, что его шутки не имеют шумного успеха, пилот свернул разговорный жанр, а поскольку молчать в небе, видимо, просто не умел, то запел – совсем как персонаж товарища Крючкова в «Небесном тихоходе». И, к удивлению Сварога, у него оказался весьма приятный тенор:

Жил да был один король.
Где, когда – нам неизвестно:
Догадаться сам изволь.
Спал без славы он чудесно,
И носил король-чудак
Не корону, а колпак.
Право так!
Ха-ха-ха! Ну не смешно ль?
Вот так славный был король!

Был грешок один за ним:
Выпивал он преизрядно.
Но служить грешкам таким
Для народа не накладно:
Пошлин он не налагал –
Лишь по кружке с бочки брал
В свой подвал.
Ха-ха-ха! Ну не смешно ль?
Вот так славный был король!

Наконец показалась серовато-туманная полоса берега. Ближе к материку стали попадаться и корабли – судя по желтым буйкам на воде, в основном, рыболовные. А вот промелькнул прогулочный катер с намалеванной на борту русалкой, на его палубе со всеми удобствами, в шезлонгах, расставленных вокруг столиков с напитками и фруктами, расположилась развеселая компания: молодые повесы в ярких набедренных повязках и девицы, не обременившие себя даже повязками. Одна из наяд помахала рукой пролетевшему над ними аэропилу. В ответ аэронавт Юж-Крагт, ясное дело, игриво покачал крыльями... Нет, ну чем не утопия, в самом-то деле? Да ну их к черту, этих Иных, со всеми их подпольями и революциями...

По мере приближения береговой полосы плавсредства различных величины и конструктивных особенностей стали встречаться чаще, но среди них Сварог не заметил ни одного парусного. Что так, интересно? Электричество изобрели раньше паруса? Или просто от паруса отказались, предпочтя менее капризную, нежели ветер, энергию? Авиатора Крагта он расспрашивать не стал, чтоб не напороться на град встречных вопросов. Тем более, авиатор был поглощен распеванием очередной песни. На сей раз он затянул монотонную и явно длинную балладу, под которую, верно, хорошо раскачиваться в пивной, отбивая ритм кружками:

«Я завтра дом родной покину,
Оставлю пашню и быка».
«Привет! А кем ты станешь?»
«Солдатом Пятого полка.

Пойду я по горам и долам,
Воды не будет ни глотка,
Но будет торжество и слава –
Ведь я из Пятого полка!..»

Что ж, а если до паруса здешние умные головы отчего-то не додумались, тогда есть все шансы вмиг стать богатейшим человеком планеты. Была б, как говорится, охота...

Внизу промелькнул желтоватый песчаный пляж, усеянный белыми крапинами ракушек. Возле прибрежных зарослей стоял олень, он поднял рогатую голову, но не испугался, не унесся в лес, сверкая копытцами. Видимо, пока не бьют их здесь с воздуха, не освоено еще местной знатью этот вид коротания аристократической скуки.

Над материком аэропил начал набирать высоту.

– Город Некушд! – сообщил авиатор Юж-Крагт, показав рукой направо. – Поди, *отсюда* вы его еще не видели...

Сварог повернул голову и увидел в иллюминаторе гигантские иглы, вырастающие вдали над зеленым, колышущимся морем лесов. Великое множество остроконечных шпилей, покрытых яркими точками красных и зеленых огней, делали Некушд похожим на окаменевшего исполинского дикобраза, которому набросили на иголки новогоднюю гирлянду. Аэропил поднялся еще выше, что позволило разглядеть матово-белые купола, вздыбившиеся над городом эстакады, блеск отражающих солнце крыш. И что-то повсеместно быстро-быстро шевелилось, словно... мириадные полчища саранчи покрывали Не-

кушд, и эта саранча слаженно копошится. Что сие означает, Сварог так и не понял.

Он поискал в себе какие-либо чувства, соответствующие моменту, например, любопытство к новому, неведомому миру или хотя бы легкое ностальжи по прошлой жизни – ведь Гаранд, с точки зрения технического развития, напоминал Землю больше Талара и Димереи вместе взятых... И не находил ничего. В душе было спокойно и пусто, как будто он ежедневно летал аэропилотом по этому маршруту. Да-с, господа, человек очень быстро привыкает ко всему на свете – даже к путешествиям по мирам... Сварог обернулся на Рошала – как там мастер старший охранитель? Мастер старший охранитель был ничего себе. Сидел, вцепившись в подлокотники, как ворона в раскачиваемую ветку, но в иллюминатор смотрел с жадным любопытством. Смотри-смотри, чернильная твоя душа, тебе ведь все это в диковинку...

– В Некушде живет одна моя... одна из моих невест, – сообщил Юж-Крагт. – Служит при кухонном дворе Объединенного посольства. Когда мы вместе с ней проматываем мои денежки, то непременно наведываемся на бои до третьей крови. Она, видите ли, любит острые ощущения. Она, видите ли, без этого не может испытать всю полноту ночных ощущений. Каково, а?

Машина зарылась в облака, и город пропал из поля зрения. Иллюминаторы заполнила белесая клочковатая вата. Иногда сквозь просветы удавалось разглядеть голубые лужицы озер, серые жилы дорог, коричневые прямоугольники пашен.

– Начинаю снижение! – прервав очередную песню, доложил пилот. – Опустимся где и приказано, точне-

хонько в предместье Васс-Родонт, во владениях старины Жоз, не будь я Юж-Крагт, авиатор в третьем поколении, гроза птиц и любимец всех женщин, начиная от пятнадцати лет и заканчивая восемнадцатью. Другие тоже, конечно, от меня без ума, но мне это уже безразлично. Как говорят в Унии, у меня от этого пропеллер не крутится. По этому поводу, кстати, есть хороший анекдот. Отправился раз король Сигг Близорукий в поход...

Под монотонное журчание очередной истории о короле Сигге, который в иных местах в иных фольклорах успешно заменил бы товарища Чапаева, Сварог задумался о делах грядущих. Итак, они приземлятся где-нибудь поблизости от города. Итак, загадочный Визар каким-то манером найдет их. И ничего удивительного в том не будет – ежели учесть, что он загодя знал об их прибытии... И что потом? Поможет ли знакомство с лидером Иных в поисках Двери или же, напротив, помешает?..

– Проклятье! – ворвался в мысли Сварога крик уже далеко не веселого воздухоплателя.

Сварог бросил взгляд на Юж-Крагта, на его побледневшее лицо, на выпученные глаза, на вытянутую руку, перевел взгляд на лобовое стекло и увидел белый дымный след, идущий от земли. Белая дуга на глазах удлинялась, устремляясь к аэропилу.

– Вверх!!! – заорал Сварог пилоту, уже, в общем понимая, что все бесполезно, что *этой* «этажеркой» за оставшиеся секунды не сманеврируешь.

Впрочем, авиатор все-таки попытался увернуться. Вжал ноги в педали скорости, схватился за рычаги подъема, потянул на себя до упора...

Но исправить уже ничего было нельзя.

Аэропил сотряс удар. Уши заложило от адского грохота. Сварог увидел, как за лобовым стеклом на небесном фоне проносится лист с загнутыми и изорванными краями, оставляя за собой угольно-черный шлейф, а спустя несколько мгновений сверху на их головы посыпалась темная, колкая крупа, что-то забарабанило по крыше и стенам салона. Запахло горелым. Гул пропеллера стих, мотор издал несколько безнадежных чихов и заглох. И тут со всех сторон мерзко захрустело, будто трескалась скорлупа гигантского ореха.

– А я думал, что все эти разговоры о секретных разработках – брехня хлебнувших лишнего униаторов*! Выходит, все-таки придумали, гады, противовоздушный снаряд! – прозвучал голос авиатора Крагта. – Ну и влипли...

А машину сильно накренило на правое крыло и потащило вниз. Победоносно завыл ветер, аэропил покинул слой облаков. В лобовом стекле замелькали буро-зеленые разводы. Земля надвигалась со стремительной неотвратимостью.

* Пилоты Унии Авиаторов.

ЭКИПАЖ ЖЕЛАЕТ ВАМ ПРИЯТНОЙ ПОСАДКИ

– Сможешь выправить и спланировать? – быстро спросил Сварог.

– Куда там! – махнул рукой пилот. – Теперь только купол спасения...

– Чего? Парашют, что ли?..

Авиатор Крагт рывком выдвинул из-под панели управления ящик, достал из него большие кусачки.

– Шут или кто другой, не знаю... Купол спасения – он и есть купол спасения... Пристегивайтесь. Ремни на спинке и подлокотниках. Да покрепче!..

«Накалал, Уточкин долбаный...»

Юж-Крагт наклонился к педалям и перекусил сперва один трос, идущий за педалями поперек салона, потом другой.

Сварог, разумеется, помнил о том, что ему разбиться в лепешку при падении с высоты не грозит, но ведь на его спутников магическая страховка ларов не распространяется! И если судьба певца-авиатора Сварога волновала постольку поскольку, то совершенно невозможно потерять таким глупейшим образом верного соратника Гора Рошалья. Однако, судя по всему, этот певец-авиатор видит выход из поганой ситуации. Какой-то купол спасения... Ладно. Упомянутые ремни Сварог нашел без труда. Не заняло много времени и разобраться, как их затягивать и застегивать. А вот бедному Рошально приходится ох как тяжело...

– Пристегивайтесь, масграм, – сказал он, не глядя на соратника. – Похоже, у здешних воздухоплателей предусмотрено что-то вроде катапульты... Короче говоря, даст бог, не упадем, как утюги со шкафа.

– Как утюги не упадем... – напряженным голосом заверил авиатор Крагт. Он ловко щелкал застежками, потом большими пальцами оттянул застегнутые ремни, отпустил, добившись звучного шлепка, и поинтересовался: – Готовы, бескрылые?..

– Готовы, орел ты наш нетонущий, – буркнул Сварог.

И авиатор, что есть мочи прокричав: «Давай, родимый!», – наклонился еще раз к панели управления и выдернул за круглые набалдашники два длинных металлических штопора.

Сперва раздались звуки, похожие на хлопки сигнальных ракет, затем последовала серия оглушительных лязгов... А потом за лобовым стеклом промелькнули части внешней обшивки аэропила, уносясь к земле.

У-ух! Их закрутило и завертело. Загудели тросы, удерживающие сиденья, сами сиденья заходили ходуном, как лодки на штормовой волне. Низ живота сжало, как при прыжках на батуте. В глазах мелькнуло небо с сизыми клочками облаков – катапульту развернуло, они теперь летели вниз головой. И летели, что характерно, в свободном полете. Ремни вдавливались в тело, тело вжимало в кресло, кресло протестующее скрипело...

Над головой раздался мощнейший хлопок, словно взорвалась бутылка шампанского. Челюсти клацнули, сердце раскидаем запрыгало на резинках артерий, а в ушах зазвенело от прилива крови, когда катапульту под-

кинуло вверх, что твой футбольный мяч. И – развернуло нормальным для пассажиров образом. Да-с, господа, на троне сидючи, как-то забываешь о славном вэдэвэшном прошлом. А оно возьмет да и напомнит о себе. По голове дубиной. Дескать – не забывай, соколик, кто есть на самом деле...

На этом свободное падение, слава Аллаху и прочим небодержцам, окончилось. Начался плавный спуск.

Отдышавшись и проморгавшись, Сварог увидел за лобовым стеклом край громаднейшего белого купола. На память сразу пришли парашюты, на которых сбрасывали из десантных самолетов танки – так вот этот купол спасения был разика в два пошире танкового парашюта.

Сварог покосился на Рошалья и тут же отвел взгляд. На охранителя больно было смотреть. А что поделать? Нечего. Так что – потерпи, старина. Еще немного, еще чуть-чуть...

Спускаемый аппарат, он же – спасательная капсула, он же – бывший пассажирский салон аэропила с примастяченной к нему кабиной вполне плавно и в согласии с законами аэродинамики опускался к земле. Впрочем, гораздо быстрее спуска по вертикали происходило их движение по горизонтали: парашют попал в воздушный поток, и этот своего рода небесный Гольфстрим повлек добычу одному ему ведомым течением. Через те же, что и прежде, иллюминаторы и лобовое стекло они могли созерцать увлекательное полетное кино – всякие там леса, поля и деревеньки. При этом гадая, где и на кого повезет шлепнуться.

– Спуском управлять можно? – без всякой надежды спросил Сварог.

– Хрена! – зло оскадился аэронавт. – Будем дрейфовать, отдавшись стихиям. Мы сейчас в таком же положении, в каком оказался король Сигт в болгарском плену. Не знаете этот анекдот?..

– Кто нас подбил? – перебил Сварог.

– Каскад, кто ж еще... Ума не приложу, как они доперли, что это несанкционированный полет, все разрешающие знаки на месте, высота официальная, курс легальнейший...

Впереди показались пока туманные, но с каждой минутой полета становившиеся все более четкими очертания большого города. Очень большого.

– Ого! Несет прямо на столицу! На Вардрон!

Предмесья закончились. А город начался не с врат, не с городской зубчатой стены и не с одноэтажных домиков, а с серого пояса шириной больше чем в лигу, охватывающего, похоже, весь город по периметру. Это был пояс ветряных двигателей. Неутомимо вращались, перемалывая ветер, тысячи широких лопастей на десятках тысячах ветряков. Впечатляло.

Заросли ветряков прорезали дороги, по которым ровными рядами двигались разноцветные точки. Поскольку ничего похожего на лошадей, можно было предположить, что это ни что иное как автомобили...

А Сварог вспомнил вид сверху города Некушд, наводящий на мысль о трепещущей крыльями саранче. И на крышах Вардрона – а крыши уже были видны – наблюдалась та же картина.

– Вот и окраина, квартал Божественных Снов, – бубнил аэронавт – за болтовней, что ли, страх прятал? – В самый центр несет, не хватало только приземлиться на королевский дворец...

И под этот жизнеутверждающий прогноз они всплыли в город, прошли над эстакадой, над прозрачным рубиновым куполом, отразились в чаше открытого бассейна, в котором плескались горожане...

От земли их отделяло где-то около полулиги, снижение продолжалось, и по всему выходило, что грохнутая они действительно где-нибудь в черте города. Потому как конца-края столичному граду не видно, тянется и тянется, уходя за горизонт. Н-да, ну и дела. «Пожалуй, так подурачки я еще в города не попадал», – подумал Сварог.

– Чувствуешь себя преглупо, – сдавленно сообщил Рошаль, словно прочитав его мысли. – Парашютиком одуванчика, с которым играет ветер... И блевать хочется.

– Очень поэтично, – проворчал мастер капитан. – Очухались, масграм?

– Никогда себе не прощу, что имел неосторожность связаться с вами...

– Лучше по сторонам смотрите, уважаемый, – когда еще дома в сорок этажей увидите.

– Да подите вы...

Их полет мог оборваться гораздо раньше, чем спускаемый аппарат естественным образом достигнет земли. В первую очередь, имелись все возможности для того, чтобы впилиться в один из островерхих шпилей, кои вздымались над городом. Правда, в столице их было поменьше, чем в Никушде – там-то целый лес шумел подобных игл...

Внизу заблестела река, протекающая через город. На реке наблюдалось оживленное судовое движение, и, опять же, среди больших и малых судов не отыскалось ни одного парусного. Берега связывали между

собой круто изогнутые мосты без опор, щедро иллюминированные электрическими огнями.

Еще удалось увидеть издали столичный аэродром. Вернее, целый аэродромный парк, по площади равный иному городу. Зигзаги взлетных «американских горок» переплетались, проходили одна над другой, но все как одна обрывались над речной водой. А под этими стартовыми трассами располагались строения, большие и малые – ангары, топливохранилища, ремонтные цеха, а также залы ожидания, бары, рестораны, гостиницы и прочая фигня.

Ясное дело, на мосту, на набережной, на улицах, в общем, повсеместно люди останавливались, задирали головы и показывали на небо. Кто-то на месте Сварога был бы сам не свой от счастья – как же, выпало в кой-то веки оказаться в центре внимания бесчисленного числа людей, стать главным событием дня в жизни огромного мегаполиса! Так вот с этим «кем-то» Сварог с удовольствием поменялся бы местами.

Красота, конечно, лепота, бесплатная воздушная экскурсия, мечта туриста, в бога душу мать. Вот еще бы в конце пути ждал пятизвездочный отель и симпатюшки-горничные в белоснежных наколках...

– Наверное, повиснем на эконо-тросах, – порадовал прогнозом авиатор. – Или на линиях подпитки...

Сварог не стал спрашивать, на каких таких тросах и почему они должны на них повиснуть – ему было глубочайшим образом плевать, застрянут они в проводах или, допустим, шлепнутся в фонтан. И оттого что, ты не можешь повлиять на исход, а вынужден, как зритель, тупо дожидаться финала, охватывала нешуточная злость.

– Если кто отстегнул ремни, рекомендую вновь пристегнуться, – сказал Юж-Крагт. – Да поживее.

Действительно, пристегнуться поживее не мешало – их капсула стремительно пролетала на уровне верхних этажей домов, что окружали некую площадь, и активно снижалась. Площадь была идеально круглой формы, а размерами, думается, могла бы посоперничать с небезызвестной в ином мире Красной площадью. По центру возвышался памятник, сверху трудно было разобрать кому – человеку или же какому другому существу, разве что можно было определить, что постамент высок и широк. И народищу внизу, вокруг да около памятника, толклось как на базаре в субботний день. Не задавить бы кого ненароком...

Впрочем, несмотря на размеры площади Сварог видел, что им не суждено опуститься на нее аккуратнейшим образом. А суждено им влепиться в стену одного из домов...

– Подбородок к груди, за подлокотники держитесь! – заорал пилот.

Бежевая стена, отсвечивающая окнами и опоясанная длинными балконами, неотвратно надвигалась. Столкновение с ней – дело каких-то секунд. Если что и отменит сию неотвратимость, то это будет либо провидение, либо внезапный порыв встречного ветра...

В глаза, как это обычно и бывает в подобных случаях, бросались всякие несущественные мелочи: арочный проем окна, оконная рама белого цвета с нанесенным поверх бледно-желтым рисунком вязью, широкий карниз, ниши в стене, где стоят то ли каменные пушечки, то ли грифоны, заваленный маленькими подушками диван за

оконным стеклом... Вот к стеклу прижалось чье-то перекошенное ужасом лицо, человек бросился наутек в глубину помещения...

И вовремя.

Капсула ударила в окно, вышибая его к чертовой матери.

Разлетелось не только окно дома, но и лобовое стекло салона. Приборную панель засыпало стеклянное крошево, и внутрь хлынули уличные звуки: лязги, гудки, крики, свистки, визг и скрежет...

Их многострадальную гандолу мотыльнуло, будто кораблик в девятибалльный шторм. Зубы же клацнули, как у скелетов в шкафу, – и Сварогу пришлось в голову, что магия ларов обещает сохранение жизни, но отнюдь не зубов. К тому магия ларов гарантирует лару мягкую посадку, а за то, что может случиться по дороге к посадке, она ответственности не несет. Случиться же, как показывает нынешний разудалый полет, может всякое...

На поцелуе со стеной увлекательное воздушное путешествие, разумеется, не закончилось, потому что еще предстояло приземлиться. Теперь гандолу понесло в сторону от дома, предположительно – в направлении памятника. «Еще не хватало об скульптуру долбануться для полной красоты. Не авиарейс, а тридцать три несчастья...»

О скульптуру не долбанулись, однако ж в полном согласии с законами физики о землю хряснулись со всей дури – точно так же девятибалльный шторм опускает на скалу кораблик, под громовые раскаты бури и демонический хохот морских демонов. Здесь же впору хохотать было демонам местных ветров и воздушной стихии...

Кресло заходило вверх-вниз на натянутых и гулко гудящих тросах. Сыпалась сверху какая-то дрянь, трещало со всех сторон, капсулу накренило на левый борт под углом градусов в тридцать. Сквозь иные звуки пробился сильный шорох – не иначе, то на гондолу опускался, обволакивая, «купол спасения».

Уж на что Сварог легко переносил всевозможные пилотажные кувыркания, но на этот раз и его слегка замутило. Он закрыл глаза, пережидая, когда сердце закончит прыгать и займет свое место, желудок перестанет спазматически сжиматься, а кресло под ним прекратит ходить ходуном. Закончилось, перестало, прекратилось.

– Живы, Рошаль? – открывая глаза и поворачивая голову, спросил Сварог.

– Да. Если это можно назвать жизнью, то – да, – глухо ответил Рошаль, дрожащими пальцами расстегивая застежки ремней. Лицо мастера охранителя было бледным, как маска смерти.

«Гимнасты воздушные, космонавты, блин, Гагарины хреновы! – злился Сварог, вновь закрывая глаза. Злился не на кого-то конкретно, злился вообще, на стечение идиотских обстоятельств и на вынужденное им подчинение. – Спасательная капсула приземлилась в точно заданном районе, рапан ему в дупло и тридцать раз против резьбы!»

– Граф, посмотрите-ка... – донесся до него встревоженный голос Рошаля.

Сварог круто обернулся к кабине. Веселый авиатор Юж-Крагт лежал бездвижно, навалившись грудью на панель управления.

– А, дьявол! Только этого не хватало...

Сварог, освободившись от пут, что удержали его в кресле во время воздушных кульбитов, спрыгнул на покатое дно катапульты, ступая по каким-то балкам, добрался до места пилота. Откинул Южа на спинку кресла.

– В бога душу мать! Как глупо!

Юж-Крагт был мертв. Ему не повезло. Не выдержали ремни безопасности, порвались, и аэронавт ударился виском об один из рычагов. Неужели ремни гнилые? А ведь Юж, несмотря на свое легкомысленное отношение к жизни, застегнулся на все застёжки и крепко затянул ремни – Сварог сам это видел.. Странно. Ну теперь-то уж чего гадать...

– Мертв? – безучастно поинтересовался Рошаль, продолжая возиться с ремнями.

– Мертв, – коротко ответил Сварог.

– М-да... Что ж, по крайней мере, он умер без мучений и не теряя присутствия духа. Нам бы так...

На это мастер капитан ничего не сказал. Маскап пробирался к боковому эвакуационному люку.

– И как мы, мастер Сварог, отобьемся от горожан? – резонно спросил Рошаль, соскальзывая с кресла. – На нас наваятся, едва мы высунем нос из этой штуки.

– А шут его знает, – честно ответил Сварог.

И только тут до него дошло, что они не только не имеют понятия, где находится это поместье Васс-Родонт. Они не имеют ни денег, ни документов, ни оружия.

УЛИЦЫ И ЗДАНИЯ

Сдувшийся купол спасения накрыл собою гандолу нежно и плотно, как снег горные вершины. Поэтому недостаточно оказалось, дернув за рычаг, заставить вывалиться наружу овальный эвакуационный люк. Пришлось еще и резать прочную парашютную ткань.

Можно, конечно, было подождать, когда тебя извлекут из-под обломков, но Сварога тревожили утекающие песком сквозь пальцы секунды. Чувство опасности прямо-таки вопило о необходимости убираться отсюда как можно быстрее и как можно дальше. Это потом уже можно будет перевести дух, собраться с мыслями, наметить новые ориентиры...

Сварог не стал мудрить и с магией повышенной сложности. Запалил простенький огонь на пальце, прожег дыру в ткани купола. Из того же ящика с инструментами, из которого покойный авиатор доставал кушачки, Сварог еще раньше выудил стеклорез. Для каких надобностей входил стеклорез в летчицкий комплект, сказать было затруднительно. Или это был вовсе даже не стеклорез, а предмет для резки совсем другого материала – например, обшивки аэропила, или вообще специальное приспособление для выскребания грязи из-под пилотских ногтей во время полета – короче, неизвестно. Однако с резкой парашютной ткани фигня справлялась на «ура». Вот и ладушки, и на том спасибо.

– И сразу на прорыв, – жарко шептал за спиной Сварога мастер охранитель. – В переулки, во дворы, в подвалы. Нам – в особенности *вам*, граф, никак нельзя попадаться в лапы Каскада...

Ткань со скрежетом разошлась под резаком. Раздвинув края, Сварог выбрался из-под купола сам, помог выбраться Рошалю, огляделся, пробормотал:

– М-да, боюсь, будет не так-то просто избежать теплых объятий столичных жителей...

Капсулу *уже* окружало плотное кольцо зевак, и новые зеваки активно сползались к месту происшествия. Одежда на всех были практически одинаковая – а именно того фасона, что и у горе-летунов, – различаясь лишь цветом и формой пряжек на поясах. И, что характерно, такие костюмы на большом количестве людей уже не выглядели шутовскими нарядами... Более того, они казались вполне уместными и полностью соответствовали декорациям – высоченным зданиям, монорельсовым дорогам, изящным виадукам и прочим обязательным атрибутам романов-утопий. У вардронцев прошел шок – прошел и страх. Успокоились аборигены, видя, что на их головы больше ничего не сыплется, что им не грозит ливень из тяжелых спускаемых аппаратов, и, понятно, их тут же потянуло на интересное – как всегда тянет на пожар или на ДТП. И вот теперь зеваки смыкали дружные ряды вокруг белоснежной груды купола спасения. Большинство просто глазели и обменивались впечатлениями, подходить слишком близко, наступать на купол и стучать по корпусу гондолы, проступающему под белой тканью, пока решались лишь мальчишки и не вполне трезвые граждане.

Явление воздухоплавателей народ встретил невнятным гулом – то ли так у них принято выражать коллективную радость, то ли массы охватило всеобщее подозрение: «А уж не шпионы ли на нас рухнули, а не надо ли навалиться на этих шпионов всем миром, чтоб ручки-ножки подлюгам скрутить, законных тумачков навешать и препроводить куда следует»... Ага! А вот нарисовалась вполне ожидаемая фигура: по-хозяйски раздвигая плечами толпу, грозно покрикивая на вардронцев, не уступающих вовремя дорогу, к месту происшествия пробирался крупный усатый дядька в темно-синем плаще с вшитыми в ткань блестящими нитями. Эткими грозными и бравыми ледоколами ходят сквозь скопления граждан исключительно блюстители порядка, которые могут называться по-разному – городовые, постовые, шерифы, – но сущность и повадки у них одни и те же во всех странах-государствах. Одинаковая служба – она, знаете ли, завсегда накладывает одинаковый отпечаток, будь то служба военная, будь то служба полицейская. Да и плащичек у усатого дядьки, по всему чувствуется, казенный. Хотя бы потому, что ни у кого больше на площади таких плащичков не наблюдается...

Е-мое, вот те еще сюрприз! Сварог с удивлением обнаружил, что они, оказывается, едут. Ну да! То-то он беглым взглядом еще сверху уловил некую несообразность. Теперь ясно, в чем дело: эта ихняя веселая площадь разбита на радиальные кольца, и кольца эти движутся, причем – с разной скоростью. Те, что располагаются ближе к центру – перемещаются медленнее, дальние – быстрее. Их же аппарат рухнул где-то посередине и огибал памятник по кругу со средненькой скоростью.

Движущиеся тротуары. Чистой воды аттракцион, столичная удумка, чтоб поражать бесхитростных провинциалов, чтоб тем было зачем ехать в стольный град со своими денежками – на чудо дивное глянуть своими глазами, соседям и детям будет что рассказать. В каждом главном городе любой наугад взятой страны есть свое чудо-диво – мавзолей, поющие фонтаны, дворец правителя, где-то собачки говорящие...

Тротуары тротуарами, но надо что-то делать. Сколько можно топтаться на месте, как буриданову ослику. Долее тянуть нельзя.

– У вас есть какие-нибудь идеи, маскап? – вот и Рошаль справедливо стал торопить.

Какие-то идеи в голову приходили... и тут же уходили прочь ввиду своей непригодности. Отвести глаза? Сварог никогда не отводил глаза столь большому количеству людей и не был уверен, что у него получится. Вообще не был уверен, что это осуществимо. Но что-то делать надо! Или же просто двинуть напролом, взявшись за руки, и действовать в зависимости от реакции горожан?..

– Мастер Сварог, – Рошаль позвал его зловещим шипением сквозь зубы. Насколько Сварог изучил мастера охранителя, подобные модуляции его голоса свидетельствовали о крайней степени опасности. – Посмотрите направо. Вон там, за их спинами, около крыльца в форме символа «рю»...

Сварог, конечно же, посмотрел направо. На краю площади, перед одним из домов на неподвижной проезжей части стояли два безлошадных экипажа, напоминающие гоночные автомобили начала века – длинные, обтекаемые, приземистые. Несомненно, местный аналог авто-

мобилей – называемых как-нибудь вроде «электроходов». Дверцы были распахнуты, и от авто к гондоле бежали люди в развевающихся иссиня-черных плащах с зеленой подкладкой. Кабы не эти движущиеся кольца-тротуары, между которыми имелся зазор, образующий небольшую ступеньку, автомобили добрались бы до самого места приземления, а так пассажиры вынуждены были пересекать площадь на своих двоих...

Чувство опасности прямо-таки вопило – очень уж серьезные ребята бежали в их сторону. Все как на подбор здоровые, откормленные, прущие вперед с наглостью хозяев жизни. Зеваки с их пути отскакивали в панике, словно от армады бульдозеров. Большинство этих черно-зеленых хлопцев сжимали в ладонях что-то типа коротких жезлов. Еще – у всех плащи горбились на спине так, будто под ними были рюкзаки. А некоторые держали черные коробки с проводами и время от времени поглядывали на них (по поводу этих коробок Сварогу на ум почему-то выскочило воспоминание из школьных времен: кабинет физики, лабораторные работы, амперметр)...

Да, братцы, тут уж впору бить во все пожарные колокола. Это вам не городской, которому можно задурить голову или, на худой конец, дать в рыло и слинять...

И тут озарило.

– Внимание! Вардронцы! – во всю силу легких заорал Сварог, поднимая руку. – Внимание! Подойдите ко мне, подойдите ближе! Слушайте! Вы оказались в месте проведения учений Каскада. (Городовой уже раздвигает плечами второй ряд зевак, а хлопцы в черно-зеленых плащах уже на подходе к скоплению людей вокруг капсулы.) Учения продолжаются! Даю вводную! Внимание! Разыгры-

ваются дорогие призы. Очень дорогие призы для самых исполнительных горожан! Цель – добежать до... – Сварог огляделся, – до железных ворот, – и показал в сторону, противоположную той, откуда неслись черно-зеленые. – Первые десять финишеров получают призы. Очень дорогие призы! Повторяю! Десять первых финишеров получают очень ценные призы. К финишу! За мной!

И раньше, чем Сварог прокричал это «за мной», многие сорвались с места.

Как показывает практика, люди повсюду одинаковы. Кабы за призом надо было нестись на другой конец города, многие остались бы на месте, а забег на короткую дистанцию под силу даже толстякам и сердечникам. Кабы приз был обещан всего лишь одному победителю, многие так же бы призадумались над предложенной вводной, – а тут все ж таки целая десятка победителей, шансы есть. К тому же психология толпы – она и в Африке, и в Короне психология толпы. Стоило сорваться одному, не выдержал и второй, а вскоре уже помчались и все остальные, может даже не понимая, зачем им это надо, просто – «Динамо» бежит, все бегут. И я вместе с ними.

Сварог несясь, стараясь не вырываться вперед, стараясь оставаться в гуще или, на актуальный спортивный манер выражаясь, в пелетоне. Да и не очень-то вырвешься. Потому как Рошаль спринтерских чудес не показывал, а приходилось равняться на него. И даже приходилось его подгонять, чтобы и вовсе не отстать от пелетона на радость преследователям.

Сварог на бегу прикидывал отход и, когда спортивная гуща спринтеров проносилась по скверу, разбитому на последнем движущемся кольце, напролом через кусты и

по скамейкам, мастер капитан свернул в сторону и увлек за собой спотыкающегося охранителя. Из скверика они заскочили в ближайший переулок. Бежали недолго – до первой попавшейся двери.

– Туда!

Сварог схватил Рошаля за рукав, развернул и толкнул в сторону высокого крыльца.

– Нельзя же! Надо уйти как можно дальше! – с трудом выдавил из себя запыхавшийся охранитель.

– Наоборот. Некогда объяснять, масграм, – сказал Сварог, толкая дверь. – Потом. Не забудьте перейти на шаг и натянуть беззаботную улыбочку.

Шагнув за порог, они попали в просторный холл, залитый электрическим светом. Холл освещала гигантская люстра под высоким потолком и светильники на стенах в виде белых шаров на затейливо изогнутых бронзовых ножках.

– Не останавливаемся, масграм, и не крутим головой, – прошептал Сварог. – Мы у себя дома, мы не заблудшие какие-нибудь.

Взяв охранителя под ручку, Сварог наклонился к нему с улыбкой, зашевелил губами – короче, сделал вид, что они увлеченно беседуют. Если вдруг они и поведут себя как-то не так, не в согласии с местными нравами и обычаями, то посторонним предлагалось списать сии неувязочки на поглощенность разговором. Вполне житейское дело, право, ну заболтались люди...

Они неторопливо пересекали холл. Бросая по сторонам взгляды, Сварог ориентировался на ходу. Много колонн, много позолоченной лепнины, несколько мозаичных полотен на стенах, множество кресел и диванчи-

ков там и сям, а перед диванчиками непременные маленькие столики, воощеный паркет под ногами. По всему залу, в основном возле колонн, которых тут понатыкано было сверх всякой меры и необходимости, стоят загадочные ящики самых разных габаритов. Приземистые и вытянутые, тихо гудящие и молчаливые, с рычагами и без оных.

Установить предназначение ящиков на взгляд не получалось. На ум приходили лишь игральные автоматы типа «однорукие бандиты» или автоматы для продажи мелкого товара вроде сигарет. Но те обычно наполовину прозрачные, или на них имеются окошечки, в конце концов намалеваны рекламно-разъяснительные рисунки и надписи. На этих же – ничего подобного. Все как один выкрашены в унылый шаровый цвет, и никаких тебе зазывно подмигивающих огоньков и разноцветных картинок. Разве что удалось заметить несколько мелких и напроць непонятных рисунков-символов – вроде трилистника, перечеркнутого красным крестом, или двух змей, шипящих друг на друга.

Так. В углу за низким столом сидят трое мужчин, солидных во всем – от возраста до дородности, что-то пьют из дымящихся чашечек кофейного образца. Бюргеры по очереди посмотрели в сторону вновь прибывших и отвернулись как от чего-то малоинтересного. Отлично.

Под мозаичным панно, изображающим некое народное гуляние вокруг раскаленного докрасна камня, стоял внушительных размеров деревянный стол, за ним восседала миленькая барышня с глубоким вырезом на трико и в зеленом берете. Девушка подняла на них глаза, в ее взоре читался немой вопрос.

Сварог был уверен, что их окликнут. Однако ж нет, девушка лишь проводила их взглядом и более ничего. Выходит, они выбрали правильную линию поведения для этого места? Даже не зная, куда именно попали и какие тут в ходу правила.

Вырулив из-за колонны, мимо Сварога и Рошалья прошла дама в коротком плаще, с серьгами в виде золотых сосулук до плеч и в манерной шляпке из темной вуали. Мазнула по ним взглядом, чуть задержавшись на Свароге. После чего опустила глаза на пояс Сварога, тут же гордо вскинула голову, высокомерно поджала губы и проследовала своим курсом. Ах, вот мы кто такие! Аристократка, презиращая плебеев. Мы, значитца, для нее знатностью и происхождением не вышли-с. Не до обид, конечно, милочка, но знала бы ты, что созерцаешь самого что ни на есть короля. И не единожды короля. А равно графа, лорда и вообще настоящего полковника. Хоть догоняй и разъясняй...

Сварог искал лестницу или коридор, но увидел нечто иное, что тоже вполне годилось, а именно – металлическую клетку, за которой в электрическом свете блестела деревянная обшивка кабины. Лифт. То, что нужно.

Остановились возле лифта.

– Да говорите же вы что-нибудь, масграм, – чуть ли не взмолился Сварог. – Изображайте горячий спор. Мне необходимо время.

Вот чем Рошаль хорош – в один миг схватывает ситуацию. Умеет моментально *врастать* в нужный образ. И сейчас он сходу, без пауз и раскачки, принялся играть разгоряченного диспутотом интеллигента, даже ухватил Сварога за край плаща, как порой в пылу разговора иные

говоруны крутят пиджачную пуговицу собеседника. Однако, в отличие от Сварога, мастер охранитель не просто шевелил губами, а напористо произносил вслух некий текст:

– И не надо со мной спорить, граф! Первая наша задача – пополнить скудную государеву казну. Но как пополнишь, когда воруют? Особо же не стесняются те, кто сидит далеко от князева дворца, – дескать, не дотянутся до нас руки. Вы согласны, граф? Но погодите ж – дотянутся, ухватят да взыщут. Для того и желает князь знать, кто, где и сколько уводит от государевой нужды. Ну а иначе, как скрытным глазом, про то не вызнать... Граф, я ясно излагаю?

А граф шарил взглядом по решетке, по металлической раме, по стенам и никак не мог взять в толк, как же этот лифт отпирается. За дверную ручку, как принято у всех нормальных людей? Так нет же ручки! Нажатием какой-нибудь кнопки? Так где ж она тогда, сто тысяч чертей вам в печень? Рошаль продолжал нудеть над ухом:

– Каждый алькавид, дворянин на службе или простой деревенский староста с кем-нибудь в родстве состоит, а где родство, там друг друга покрывают и новое воровство учиняют сообща. Потому, мой дорогой граф, князю надобно точно знать, кто кому и кем приходится...

И нельзя дергать решетчатую створу, трясти и раскачивать – короче говоря, нельзя демонстрировать расхаживающим по холлу людям свое полное незнание элементарных вещей. Чревато, знаете ли, совершенно лишними погонями и глупейшими потасовками.

Пришлось – вот стыд-то! – для такой ерунды подключить магию. Верная помощница магия помогла и на сей

раз, подсказала – дверца лифта поднимается кверху, а браться следует за прибитый снизу деревянный брус. Единственное оправдание, какое мог Сварог подыскать своей постыдной недогадливости, – цейтнот, в котором им приходилось действовать.

– Что это вы там за пургу такую гнали, дорогой Рошаль? Простите великодушно за жаргон, – спросил Сварог, проходя в кабину вслед за охранителем и опуская за собой решетчатую створу.

– Указ покойного князя Саутара «О том, как строить службу охранения короны княжества Газдаро», – ответил охранитель. – Неужто проняло?

– А! Понятно. В общем, да, – впечатлило...

Не легче было разобраться что к чему и в кабине лифта. Привычной кнопочной панели не обнаружилось. Сплошные рычаги. Блин, как они здесь любят рычаги, просто патологическая любовь какая-то! Чего ни коснись – за рычаг ухватишься. Сварог ухватился за рычаг, под которым был прибит ромбик с цифрой «7» – наибольшей цифрой из имеющихся. Предположим, что сие означает верхний этаж.

Что сие означает, предстояло узнать в дальнейшем, а пока лифт, мелко задребезжав, поехал вверх.

– Фу-у!

Гор Рошаль, тяжело дыша, опустился на пол, покрытый толстым бордовым ковром. Охранителя вымотал полет, добило приземление, а потом еще добавила мук пробежка. Он даже не удивился тому, что комнатка размером с платяной шкаф вдруг поехала вверх. Стоит лишь удивляться, откуда взялись у него силы на ролевую игру по дороге к лифту...

– Сие называется лифт, мастер Рошаль, – торопливо разъяснил Сварог. – А также подъемник и элеватор – короче, ерундовина, придуманная для тех, кому лень подниматься по лестнице. Будем преобразаться, мастер Рошаль. Собственно, за этим я сюда и заскочил. Чтоб в тишине и спокойствии, без помех и треволнений неузнаваемо преобразиться, лишь бы зеркал поблизости не случилось. С нашими рожами, которые видело полгорода, разгуливать не рекомендуется...

Сварог не долго размышлял, чьи личины пустить в дело. Припомнил Дако и Гран-Тая и без колебаний позаимствовал их обличья. Существовала, конечно, опасность, что подводники-контрабандисты находятся в каком-нибудь всеимперском розыске, но выбирать не приходилось. Короткое заклинание, в кабине повеяло холодом – и, как говорится, вуаля, получите! Теперь жители града столичного увидят перед собой безусого юнца (бывший Сварог) и жилистого седовласого старика с длинным лицом (бывший Рошаль). Просим любить и жаловать.

Столько дел, можно сказать, переделано, а тихоходный лифт еще только миновал второй этаж. Сквозь решетку удалось рассмотреть просторное фойе с белыми шарами светильников по стенам, узорчатый ковер, уходящий вдаль коридор. Возле лифта перетаптывался какой-то тип в желтом плаще, он тоскливо проводил взглядом поднимающуюся кабину. Судя по всему, этот лифт не останавливается на этажах по вызову, что просто здорово – им не мешает перевести дух, в особенности мастеру охранителю. Курить хотелось до худа, но Сварог сдерживался. Неизвестно, как отреа-

гируют на сигаретный дым местные жители, – а вдруг курить в здании запрещено под страхом расстрела на месте?..

– Кстати, хотел у вас спросить, Рошаль, вы не рассматрели памятник на площади?

– Какой, к Ловьяду, памятник...

– Я вот тоже не удосужился. Все-таки, надо так понимать, одна из главных в этом городе достопримечательностей. А может, и во всей Короне... Интересно, что это за здание, как думаете?

– Если б мы были на Димерее, я бы сказал, что это точно не гостиница. Нет стойки с ключами от номеров, да и в гостиницу нас так просто не пустили бы, – Гор постепенно приходил в себя, он уже поднялся с ковра. – Не похоже и на жилой дом... Скорее всего, это место, где под одной крышей расположились разные учреждения. Но не государственные, раз нет охраны. Торговые учреждения, скорее всего.

– Похоже, – согласился Сварог. – Однако охрана может и на этажах находиться... Впрочем, мы не станем покидать наш уютный лифт. Зачем нам это? Доедем до упора, дернем рычаг с циферкой один, поползем назад и выйдем на свободу совсем другими людьми, которых никак не должны увязывать с подбитым аэропилом. Как вам, кстати, мой новый облик?

– Во-первых, эту, простите, граф, рожу я вижу не впервые, а во-вторых, она может проходить по иным противозаконным деяниям, кои нас совершал ее исконный обладатель до своего ухода под воду. Лучше бы вспомнили Пэвера или хотя бы Вало – их-то уж точно здесь никто не видел.

– Ну-у, шанс невелик. Да и потом, дорогой мастер Рошаль, я не хочу пользоваться личинами людей из другого мира. Никогда, знаете ли, не пробовал. Есть вероятность несовместимости одного с другим, а сейчас не до экспериментов и исследований. Ну а кого ни возьми из моих знакомых на этой планете, все не в ладах с законом... Ладно, давайте подумаем, масграм, как нам держаться...

Видимо, Сварог все-таки погорячился, дернув за рычаг последнего этажа. С такой скоростью, какие демонстрируют лифты этого мира, они доберутся до цели разве что к старости. Мимо проплыл только пятый этаж, прямо-таки утопающий в зелени, где среди кадок с декоративными деревьями, под разлапистым папоротником, растущим на небольших клумбах, под плющом, увивающим стены, стояли уже знакомые Сварогу по холлу ящики непонятного предназначения.

– В таких случаях я своим агентам рекомендовал личину гостя города, – сказал Рошаль, задумчиво потирая переносицу. – В нашем случае подходят роли провинциалов, которые всегда могут оправдаться незнанием столицы, но...

– Отлично, – перебил Сварог. – Тогда, на всякий случай, мы прибыли с экскурсионными целями... из колониального городишки... ну, допустим, Митрак. Не могут же они помнить названия всех заштатных городов?

Услышав слово «Митрак», Рошаль помрачнел.

– Ну хорошо, хорошо, – Сварог решил понапрасну не травмировать мастера охранителя неприятными воспоминаниями. – Пусть будет Йошкар-Ола. Совершенно не вижу, почему бы в дальней колонии среди лесов и болот не раскинуться славному городишку Йошкар-Ола...

– А документы?

– Ого, неужели добрались!

Добрались. Лифт-тихоход смачно лязгнул металлическими суставами и замер. Раз приехали – пора и в обратный путь, пока заждавшиеся пассажиры внутрь не полезли. Сварог переключил рычаг над ромбиком с цифрой «1». Никакого эффекта. Тогда он попробовал рычаг номер два. С той же нулевой результативностью.

– Может быть, сперва выйти надо, потом снова зайти, тогда и заработает, – предположил Рошаль.

– Не исключено.

Сварог, прежде чем выходить, решил все-таки испытывать все рычаги. Но – не успел.

Потому что отовсюду на них обрушился дребезжащий звон. Отвратительнее звука придумать было трудно, будто враз включили тысячи электрических школьных звонков, выведя их громкость на максимум. Звонки захлебывались на этом проклятом максимуме и не думали умолкать. А вскоре к звону добавился дверной стук и топот множества ног.

– Похоже, по зданию объявлена тревога, – с мрачной ухмылкой сказал Сварог и нашарил рукоять шаура. – И, не иначе, по нашу душу.

– Боюсь, как бы они не блокировали весь район и не устроили тщательную поквартальную облаву...

– Как бы там ни было, а лифт они вырубili, масграм, так что делать в нем совершенно нечего.

И Сварог поднял решетчатую створу.

ЗДАНИЯ И КРЫШИ

В коридорах седьмого этажа развешивались разноцветные плащи бегущих людей. Люди торопились к лестнице. Контингент процентов на восемьдесят составляла молодежь, у некоторых папки в руках, а люди в возрасте представлены исключительно лицами мужского полу, почти все с ухоженными короткими бородками, в одинаковых головных уборах. А прибавьте сюда еще портреты на стенах, где изображены лобастые, бородатые мужи на фоне книжных полок, или на фоне каких-то мудреных механизмов, или на фоне пробирок... «Так это ж университет! – вдруг осенило Сварога. – Ну, там, институт, колледж или королевский лицей. По крайней мере *этот* этаж отдан под учебное заведение...»

Они стояли на пороге лифта и, так сказать, на берегу людской реки. Примыкать к потоку или, вернее, к оттоку с этажа ни один из них не предлагал. Оба помнили о документах, которые – тут и к бабке не ходи – станут проверять на выходе из здания: иначе что это за облава? А с документами у них обстоит, признаться, неважнецки. Нету таковых, понимаешь ли, даже самых завалящих нету. Черт бы побрал этого Визари...

– Пойдемте водички изопьем, – предложил Сварог, – чтоб не торчать тут, как занозы в пальце.

Правда, на них не обращали никакого внимания, не до каких-то посторонних было студентам, студенткам и профессорам с доцентами. Учащаяся и учащая пуб-

лика, по всему похоже, стремилась покинуть здание в какой-то отведенный для этого срок, как на учениях по гражданской обороне. И вообще создавалось впечатление, что тревогу тут играют не впервой – уж больно слаженно и организовано они покидали свой этаж. Однако отойти в сторонку все равно не мешало: вдруг найдется какой-нибудь ретивый ответственный за ГрОб и прилипнет клещом: «Чего вы ждете, бегом-бегом, нельзя здесь оставаться, давайте я вас провожу», – и отбиваясь потом от него...

Чаша, из которой бил фонтанчик, располагалась в углу небольшого фойе, в окружении скамеечек и декоративных лиственниц в кадках. Сварог снял с полки деревянный стаканчик, поставил под струю. На стаканчике имелся рисунок: меч, раскалывающий солнце. Надо так понимать, сие есть герб учебного заведения университета, где солнце символизирует непознанное, а меч – все-сокрушающее знание. У водички между тем обнаружился минеральный привкус. «Во, заодно и здоровьишко подправлю», – подумал Сварог.

Один из стремящихся к лестнице, человек профессорского облика, вдруг встал как вкопанный, звонко хлопнул себя по лбу, развернулся, рванул обратно, отпер одну из дверей, забежал в комнату и через минуту выскочил оттуда, прижимая к груди небольшой светло-коричневый цилиндр с черными заглушками.

– Не иначе, пенал с документами забыл, – заметил Сварог.

– Что поделаешь, ученый муж, – по-отечески вздохнул Рошаль, – рассеянный по их всегдашнему обыкновению.

– Попробуем отсидеться, масграм, – сказал Сварог. – Смею надеяться, что с одним из этих дверных замков я управлюсь. Переждем тревожные времена где-нибудь на кафедре, под шкафами с заспиртованными в банках уродцами. Не будет же облава открывать каждую дверь... Ну наконец-то!

Наконец-то прекратился тревожный звон, от которого уже, право слово, начинали ныть зубы. Во славу тишины Сварог выпил еще водицы. Между тем людской поток схлынул. Прошел, солидно ступая по паркету, несомненный ректор или декан – уж больно надменный и значительный у него видок, уж больно по-важняцки вышагивает. Наверное, как капитан, он последним покидал свой корабль-этаж.

– Давайте зайдем за эти пихты, масграм, – прошептал Сварог. – Не стоит попадаться на глаза сему ответственному товарищу...

Не попались. Ответственный товарищ благополучно проследовал до лестницы, и этаж обезлюдел. Они подождали еще немного и, убедившись, что вокруг тихо, отправились подыскивать, так сказать, комнату отдыха от облавы.

Странное, надо сказать, охватывает ощущение, когда идешь пустынным коридором и гулкие шаги «бум-бум-бум» разлетаются, рикошетят от стен, а ты знаешь, что за стенами лежит неизвестный и непонятный город насквозь чужого мира... От таких мыслей оторопь берет, продирает до самых пяток такое ощущение, что угодил в некую петлю времени, где время остановилось и откуда уже никогда не выбраться...

Они повернули за угол и лоб в лоб столкнулись с притаившейся там парочкой.

Юноша и девушка. Первым порывом студентов было развернуться и убежать, но порыву они не поддались, остались на месте, выжидательно и настороженно глядя на двух незнакомцев. Незнакомцы же поступали в точности так же – выжидательно глядели.

Девушка с густой гривой светлых непослушных волос набралась храбрости, вздохнула глубоко и произнесла:

– Вы тоже не хотите унижаться перед абагонами, да?

– Я похож на человека, который унижается перед какими-то абагонами? – возмутился Сварог в обличье молодого Гран-Тая.

– Ненавижу абагонов, – вступил в разговор юноша. И по тому, как это было сказано, Сварог догадался, что это за абагоны такие.

«Ненавижу копов», «не терплю ментов», «проклятые ажаны» – и так далее. Все эти фразы повсеместно произносятся с одинаковой интонацией. Абагоны – это, конечно, местное прозвище блюстителей порядка. Или, тьфу-тьфу-тьфу, агентов Каскада.

– Собираетесь прятаться от них? – девушка наморщила веснушчатый носик и, не дожидаясь ответа, сказала, как припечатала: – Прятаться от абагонов унижительно. Они глупые и мерзкие. Поэтому надо делать все им наперекор. Они хотят, чтобы мы проходили через их дурацкие приборы, а мы пойдем своей дорогой. Мы знаем, как отсюда выбраться без всех этих унижительных процедур. Пойдете с нами?

Раздумывать было не над чем.

– Да, – сказал Сварог. Если вспомнить его нынешнюю личину, то стеснительное немногословие при об-

щении с симпатичной девчушкой донельзя органично вписывалось в образ.

Ведомые юными максималистами, играющими в оппозиционеров, они вышли на лестницу, где затихал внизу дробный топот, и двинулись по ступеням наверх.

– На чердак так просто не попасть, – говорил юноша, перескакивая через ступеньки, – там дверь бьет разрядами, кто к ней прикоснется. Но вы сейчас увидите, что мы придумали!

Парнишка остановился на площадке – там, где лестница делала поворот, задрал голову, вытер руки о плащ, подпрыгнул, ухватился за край ниши, в которой тускло блестела решетка, нашел опору для ног в неровностях штукатурки, подтянулся, запустил пальцы в металлическую ячею... и прыгнул вниз уже с решеткой в руках.

– Забирайтесь. Не бойтесь, не испачкаетесь, – успокоила девчушка. – Мы часто пользуемся этим ходом, там давно уже все вытерто нашими плащами.

И они полезли. Последним забрался студент – оказывается, он снял пояс, привязал один конец к решетке, забравшись, подтянул решетку на поясе и вставил на место.

Отверстие вентиляционной шахты было довольно-таки широким, не пришлось протискиваться и проскальзывать ужом. А благодаря тому, что лаз был обит железом, одежда действительно не пачкалась о грязные стены, не цеплялась за всякие шероховатости, и ничего не сыпалось на головы.

Путь вышел недлинным, вскоре закончился еще одной решеткой, сняв которую, они прыгнули на дощатый пол чердака. Переступая через балки и тросы, тре-

вожа залежи чердачной пыли, добрались до слухового окна, распахнули его, выбрались на крышу...

И угодили в царство ветряков. Не крыша, а настоящий лес из ветряных двигателей, чащоба, за которой не видно ни города, ни неба. Лишь стояки и лишь мельтешащие сверху лопасти. И стоит шорох, какой издают рассекающие воздух крылья птичьей стаи. Сквозь однообразное «жух-жух-жух» Сварогу почудились крики.

– Удивлен? – спросила девушка у «Гран-Тая». – А ты, наверное, думал, что после Первой Искры на крыши и мышь не выскочит, да?

– Вообще-то, именно так я и думал, – не стал спорить Сварог.

– И куда теперь? – поинтересовался Рошаль.

– Тут недалеко, – парнишка махнул рукой. – Абагоны не доберутся и до этажа ветряного управления, а нас уже не будет в этом доме. Здорово мы их проведем, правда?

– Еще бы, – согласился с ним Сварог.

– Вы знаете, мы с Эломом ничего не боимся, – девушка взяла своего друга за руку и посмотрела на него снизу вверх таким влюбленным взглядом, что так и тянуло сказать банальное: «На свадьбу не забудьте пригласить». – Мы даже курсовую работу с ним сейчас пишем знаете про что? Про искажения образа Императора, представляете? Да-да! Собирая материал, мы побывали с ним почти во всех городах Короны и теперь собираемся объехать протектораты Гвидора.

– Пойдем, Элора, некогда, по дороге расскажешь, – и юноша по имени Элом уверенно повел группу через дремучий лес ветряных двигателей.

Они огибали стволы ветряков, перешагивали через толстые кабели, как через поваленные деревья, а над головой шумели металлические крылья. Девушка по имени Элора не умолкала ни на миг:

– Мы ездили с этюдниками по городам и зарисовывали памятники Императору. Набралась целая коллекция, мы даже думаем в ближайшее время устроить выставку в университете. Приходите. Будет на что посмотреть. Император у нас один, а его изваяния не похожи друг на друга. Изваяния, как вы знаете, имеются в каждом обитаемом уголке, и все они разные. Нам встречались императоры стройные, как юные князья, упитанные, как торговцы мясом, с проступающим под трико брюшком. В одной из деревушек, где жителей-то всего полтора человека, у памятника властителя Короны маялся почетный караул из двух детишек, в городишке Гикорг каменный Король был настолько широкоплеч, что герой Тентон сдох бы от зависти. А в городе Эстой стоит изваяние Императору высотой в половину человеческого роста. Издали кажется, будто памятник поставлен какому-нибудь знаменитому местному карлику. А самое смешное изваяние... Ну, я вам потом расскажу.

– Вот мы и пришли, – сказал юноша Элом.

Они достигли края крыши. До крыши соседнего здания, тоже покрытой зарослями ветряков, было метров пять открытого пространства. Короче, не факт, что допрыгнешь. Или, вернее будет выразиться, факт, что не допрыгнешь, если ты не мастер спорта по скачкам в длину или не шведский подданный Карлсон, который живет на крыше.

Что ж, теперь, когда взгляду не мешали ветряные насаждения, можно было вволю насладиться панорамой

столицы. Только отчего-то не тянуло ею любоваться. Верно, оттого что они уже досыта насмотрелись на местные красоты – сперва с облачной высоты, затем с высоты птичьего полета и, наконец, с высоты полета упавшего с подоконника утюга.

– Всего десять шагов, и вы на другой стороне, – тем временем юноша Элом вытащил из-за ближайшего столба длинную доску и протягивал ее над рукотворной пропастью. – Главное, вниз не смотреть. Зато мы оставим абагонов в дураках!

«Берегись мостов», – вспомнилось Сварогу предупреждение колдуньи. С тех пор он, конечно, одолел немало мостов и ничего с ним не случилось, но, если всерьез относиться к предсказаниям Грельми, где-то же все-таки ждет его *тот самый* мост... Впрочем, мостов бояться – по мирам не бродить.

– А вы уверены, ребята, что в том здании не гремит тревога? – спросил Сварог.

– В том-то и дело! – девушка аж подпрыгнула на месте и хлопнула в ладоши. – Ты просто запутался и не понял, куда мы вышли. Это же музей истории Короны! Другой квартал! А абагоны никогда не оцепляют два квартала одновременно. Я же говорю, что они все глупые и мерзкие...

«Хорошо, коли так», – мысленно вздохнул Сварог и повернулся к охранителю:

– Как вы, осилите? Жесткой необходимости нет. Можем остаться на этом берегу.

– Ничего, справлюсь. Доска широкая. – Но было заметно, что охранитель нервничает. С высотой у него отношения всегда складывались не самым гладким образом.

Дабы успокоить масграма, Сварог наклонился к нему и прошептал:

– В случае чего я лишу вас веса, как тот броненосец, не забыли? Не дам вам разбиться, и не надейтесь.

Хотя Сварог не был железно уверен в том, что обещанный фокус у него выйдет как надо, случись Рошालю действительно сорваться с доски, но он постарался не выдать голосом сомнений. И ободряющие слова подействовали, охранитель заметно успокоился. Вот она, господа правдолюбы, неоспоримая польза лжи...

А ложь, между прочим, далась Сварогу не без труда еще и оттого, что он определенно ощущал некий дискомфорт, глядя на этот провал и мостик над провалом. На сердце было беспокойно. Или это он сам себя разбередил думами о предсказаниях колдуньи?..

– В путь, – юноша Элом ступил на доску первым. И, явно рисуясь, бегом перебрался на соседнюю крышу. Его верная подруга, хоть и не бежала по доске, однако справилась с задачей не менее ловко.

Настала очередь Рошалья. Охранитель ступил на доску, будто на эшафот. Было видно, как дрожат его ноги. Но он пересилил себя и пошел, разбросав руки в стороны. Голову он держал высоко поднятой, чтоб – не приведи Тарос – взгляд нечаянно не соскользнул вниз. Главное, что он не останавливался, хуже нет в таких случаях остановиться – вот тогда тебя и впрямь закачает, ноги сделаются ватными и с пяток до макушки пронзит страх...

Фу, все, камень с души: Рошаль добрался до соседней крыши, машет оттуда рукой. Значит, смутного происхождения беспокойство разыгралось на пустом месте.

Сварог шел последним. Уж в себе он не сомневался. Задача – не задачка. В десантную бытность гоняли их и не через такие препятствия. Сварог даже бросил взгляд вниз – так, исключительно из мальчишеской бравады. Внизу, между врастающими в землю домами, пролегла небольшая улочка, по которой передвигались немногочисленные люди-лилипуты и проезжала сейчас лишь одна крохотная машина.

Голова не закружилась, ноги не подкосились, вестибулярный аппарат не дал осечек, – короче говоря, рефлекс в порядке. Он поднял голову...

Соседней крыши не было.

А был вагон.

Серые с белой верхушкой спинки кресел проплывали мимо, и ему вслед глядели те, кто сидел в этих креслах. Какие-то люди, что ли... Он шел не по доске, перекинутой с крыши на крышу, а по серой ковровой дорожке, проложенной вдоль вагона. Дорожка безукоризненно точно вывела его к дверям, целиком прозрачным, сверху донизу.

Он оглянулся. Сзади – все в тумане, смытые очертания то ли кресел и существ в креслах, то ли все-таки крыши, ветряков и неба над ними. Но назад хода нет – это очевидно. Потому что от него как раз и *хотят*, чтобы он повернул назад.

Сварог взялся за дверную ручку и, понимая как-то, каким-то непронумерованным чувством, что ничего у него не получится, попытался повернуть. Ничего и не получилось – створки словно срослись, остались издевательски прозрачной монолитной стеной. Он усилил нажим, но дверные половины не расходились, не выпускали его.

В стекле смутно, смазано отражались предметы за его спиной. И в этом отраженном мире из кресел первого ряда выросла тень, метнулась к нему. Темный силуэт возник за спиной, надвинулся. Высокое, грузное и тяжело дышащее прижало Сварога к двери, расплющило щекой о стекло, заставило разбросать руки в разные стороны.

Лишающий воли страх пронзил клетки его тела, все до единой. Страшно было посмотреть назад, пошевелиться, дышать...

Сварог почувствовал, как в волосы заползли пальцы, прошлись от затылка к макушке. В лишившемся звуков пространстве раздался гулкий щелчок. Следом – тихое монотонное шипение. И он то ли увидел в отражениях дверей, то ли догадался, не видя: со спины к его волосам подносили крохотное пламя зажигалки. Послышалось потрескивание, в ноздри ударило паленым. Тошнотворная вонь, треск горящего волоса, а по позвоночнику бегут теплые волны... наслаждения. Смесь омерзения и какого-то противоестественного сладострастного томления...

Его опутывали магической паутиной какой-то незнакомой, *иной* природы. Рассчитывали, что он будет не готов к такой внезапной атаке. И он оказался не готов.

Ясно, чего добиваются – сломать. Чтобы он перестал сопротивляться, чтобы воля ушла, как вода из разбитого кувшина... А вот хрена вам!

Сварог обернулся. И ничего это не дало. Мир, в котором он оказался, тоже развернулся вокруг своей оси. То тяжело дышащее, сопящее, придавливающее к дверям, подносящее огонь к его волосам, осталось по-прежнему за спиной... И это враз его успокоило. Он никуда не перенесся. Он по-

прежнему на крыше. Это наваждение. Всего лишь наваждение. Представление. И бить надо тем же самым...

Сварог сосредоточился, *представил* в своей руке Доран-ан-Тег. И – почувствовал, что ладонь сжимает рукоять верного топора. Развернулся, взмахивая Дораном. Все, что было сзади, отлетело прочь, смешалось, рассыпалось. Был вагон, и нет вагона – только какие-то серые клочья растворяются в воздухе. Под ногами снова доска, а под нею – провал, и далеко внизу перемещаются люди-лилипуты... А вот впереди еще оставались двери. Сварог снова взмахнул иллюзорным топором, и иллюзия вагонных дверей беззвучно раскололась на две половины, которые тут же как водой вымыло из реальности. А вместе с дверями пропал и Доран-ан-Тег.

– Что это вы там выделывали? – голос Рошала.

– Я же тебе говорил вниз не смотреть! – его хлопали по спине и трясли за плечо.

– Почти взрослый человек, а ведешь себя как ребенок! – к первому голосу добавился сердитый девичий голосок.

Сварог тряхнул головой, приходя в себя. Поднес руку к волосам. Все в порядке – значит, это в самом деле было лишь наваждение, и не более того. Но каково... Ладно, проехали. Над причинами и мотивами гадать бессмысленно. В уме ответ на *такие* вопросы не найдешь. Потому – забыли до поры до времени. Сейчас имеются другие, более приземленные задачи.

В здание музея они попали довольно-таки своеобразным образом: среди ветряков располагался купол из толстого темно-синего стекла, утопленный по самую вершину до уровня крыши, по этому-то стеклянному скло-

ну они и съехали к основанию купола, аккуратно к небольшому металлическому люку.

– Это для мойщиков окон, – пояснил юноша Элом. – И они люк никогда не запирают.

– Вы, наверное, не догадались, а это верхушка Шара Мироздания, – добавила девушка. – Естественный свет, проходящий сквозь стекло, создает эффект «небесной глубины»... Ты не знал?

– Не-а, – привычно односложно отозвался Сварог, подумав, что весьма полезно было бы побродить по музею истории Короны...

Сперва спускались узкими металлическими лестницами, проложенными по стенам шахты, в которой помещался этот пресловутый Шар Мироздания, потом спускались по служебной лестнице. В одну из приоткрытых дверей Сварог углядел любопытную экспозицию: членистые железные монстры высотой под потолок, неуклюжие, растопыренные, косо-дырчатые. Не иначе, сие есть первые механизмы здешней техноцивилизации. Музей готовит выставку, которая будет называться как-нибудь вроде: «Заря технической мысли» или «Первые шаги прогресса по Короне».

Навстречу попала группа тяжело сопящих грузчиков, перекатом поднимающих вверх по ступеням каретное колесо, по меньшей мере раза в три превышающее колесо обыкновенное. Колесо, ежели это часть новой экспозиции, не поместилось, видимо, в лифт, вот и приходилось ребятам корячиться...

Они вышли наружу не через центральный вход, а через служебный, и попали не на шумную улицу, а в довольно-таки захламленный музейный двор, откуда, наверное,

подвозят новые экспонаты. Взгляд успел зацепить пестрые граффити на стенах – как обыкновеннейшие, по обыкновению все граффити посвященные проблемам половой жизни во всех ее проявлениях, так и примечательные: «Визари жив», «Визари с нами», «Дави Каскад»...

Подворотня вывела их на широкую, забитую людьми и машинами улицу, и здесь Сварог и Рошаль распрощались со студентами.

– На будущее, ребята, – сказал Рошаль. – Не доверяйте случайным людям. Сегодня вам встретились мы, а завтра на нашем месте окажутся переодетые абагоны, и вам не поздоровится.

Да уж, Рошаль знал, что говорил...

– Хорошо! – беззаботно рассмеялся юноша, и, помахав на прощанье, парочка скрылась в толпе.

– Неблагодарно, конечно, но нужда заставила, – когда студенты отделились, Сварог разжал ладонь и показал Рошалью круглую монету с цифрой «10». Подбросил на ладони – монета перевернулась, на реверсе был изображен гриффон. – Выпала из кармана нашего юного друга, когда он убирал доску. А я ее присвоил. Сейчас вернемся в тихий музейный дворик, где я совершу одно из самых тяжких государственных преступлений – незаконное изготовление денег. А то разгуливаем и без документов, и без денег, как какие-то бродяги, право. Интересно, что можно приобрести на этот червонец.

– Надо было с ними увязаться, – нахмурился Рошаль. – Выдали бы себя за провинциалов, а они нам рассказали бы массу полезного...

– У нас задача – выйти на Иных, – напомнил Сварог. – Сиречь на пресловутого Визари, не забыли? А эта детво-

ра нам не поможет. Тут поможет... Вот скажите мне, охранитель короны: как бы вы искали подпольщиков в чужом городе? Учитывая, что в это поместье, как его, Васс-Родонт, нам сейчас соваться...

Раздался жуткий, пронзительный крик. Они обернулись. Что-то большое, ослепительно блестящее пронеслось сверху вниз, и падение закончилось оглушительным и удивительно чистым звоном.

– Пресветлый Тарос! – вырвалось у Рошаля.

Сварог лишь скрежетнул зубами и глухо выматерился.

Прохожие бросились врассыпную, открывая взгляду пятачок тротуара, на котором остались всего два человека.

А случилось немыслимое и невозможное, в голове не укладывающееся. Почти витринного размера оконное стекло черт знает почему вдруг вывалилось из рамы, спланировало со второго этажа и как гильотиной перерезало шею юноше Элому. Голова, с которой так и не сошла беззаботная улыбка, лежала в стеклянном крошечке, забрызганном красными каплями. Девушка по имени Элора опустилась рядом на колени, прямо на осколки, коснулась головы дрожащими пальцами... А потом страшно, истошно закричала.

Сварог и Рошаль потрясенно молчали, место трагедии постепенно заслонили спины смыкающих круг людей.

– С ними, говорите, надо было пойти? – мрачно сказал Сварог и с силой сжал монету в кулаке. – Быстро уходим отсюда!

Ему вдруг пришло на ум, что за последний час погиб уже второй человек, с которым их сводила судьба. И это все меньше и меньше походило на случайность...

ХЛЕБ И ЗРЕЛИЩА

Народу набралось ползала. Большинство сидело в середине, влюбленные парочки устроились сзади, а Сварог и Рошаль расположились сбоку, подальше от любых соседей.

Одна и та же мысль возникла одновременно у обоих, когда они увидели афишу и мерцающий электрическими огнями вход, но высказал ее Рошаль:

– По-моему, вот удобное место, чтобы переждать облаву. Если не ошибаюсь, это театр.

На афише длинноволосый мачо, со шпагой в одной руке и кинжалом в другой, смотрел на прохожих тяжелым взглядом «Граница на замке». По шпаге пробегали синие всполохи искр, к его ногам жалась полуголая пышногрудая девица в растерзанном коротком платьишке, а на заднем плане вырастали очертания зловещего замка с ярким огоньком, горящим на шпиле – совсем как звезда на Кремлевской башне. Действо называлось «В объятьях Иного Зла» и даже имело подзаголовок – как это, слоган, что ли? – «Когда попраны все законы, остается закон чести»... И все же мастер Рошаль ошибался – это был не театр. Сварог прочел мелкий текст на афише: «оператор... постановщик трюковых съемок... монтаж... продолжительность...» Но охранителю подобная ошибка была прощительна – откуда он мог знать о существовании такого чуда, как синематограф. Движущиеся картинки – вот будет сюрприз для старика...

– Опять же, – продолжал Рошаль, – не лишним будет наконец-то поближе познакомиться с местной жизнью. Обычай, нравы, география, план города. Дабы не попасть впросак на ровном месте. Спокойно изучим ваши книжицы, к тому же из представления, я полагаю, тоже что-нибудь почерпнем.

К этому времени в кармашке на поясе у Сварога уже бренчало энное количество местных червонцев – пришлось немножко поколдовать в безлюдном дворике. В результате перед Сварогом выросла горка монет с гриффом на реверсе, а стена, возле которой все это происходило, покрылась инеем. Что касается книжиц, о которых упомянул Рошаль – лежали таковые в кармане Сварога плаща. Книжицы он приобрел на уличном лотке, расплатившись свежеизготовленными «червонцами», – справочник под названием «Столица Короны – жемчужина мира», иллюстрированное пособие для дремучих провинциалов, и жутко дорогая «Энциклопедия моды и установления этикета».

Билеты в кино стоили гораздо дешевле книг, на два билета ушел всего-то один «червонец». Поэтому Сварогу не пришлось уединяться, допустим, в туалетной кабинке и доколдовывать деньги, дабы купить себе и Рошалью по плитке ледяного шоколада. Конечно, совсем не лишне было бы перекусить как следует, но ресторанчика, кафе или на худой конец буфета при кинотеатре не было. Зато стояло там сям несколько пресловутых загадочных ящичков, таких же, как и в холле многоэтажного здания. И наконец-то Сварог установил назначение хотя бы одного из них.

К невысокой тумбе подошел господин в плаще, расшитым восьмиконечными звездами, откинул крышку,

бросил в прорезь монету, затем достал откуда-то из-под плаща гремящие, как погремушки, опутанные шнуром деревянные причиндалы, вставил в разъем на ящике вилку, поднес к уху один раструб, ко рту поднес другой и принялся разговаривать. Первыми его словами было:

– Подданный Короны Олми-Арч, «черная лилия в белом квадрате». Прошу соединить с подданной Короны Донорой-Отар, «замерзшая ветвь мимозы».

Во как! Получается у них тут и телефонная связь имеется. Богато живут, декаденты! Только, пожалуй, несколько перемудрили они со сложностями связи. Хотя... так гораздо легче проконтролировать любой телефонный звонок, а тут еще абонент вынужден называть себя, называть того, кому звонит, – одним словом, спецслужбы в иных местах могли бы позавидовать таким возможностям.

На просмотр ленты приглашали не тремя оглушительными звонками, а весьма своеобразным способом. По фойе ходил человек с шарманкой, обклеенной портретами, не иначе, здешних кинозвезд, и крутил ручку, загоняя зрителей в зал разудалым маршевым ритмом.

Перед началом сеанса на сцену вышли четверо, выстроились в ряд на белом фоне экрана. Двое мужчин, молодой и в возрасте, и две женщины, одна лет двадцати, другая лет сорока. Поклонились. Все четверо держали в руках свернутые в трубку листы бумаги.

– Достославные жители Вардрона, обитатели Короны и гости метрополии! Прошу внимания ваших глаз и благосклонности ваших ушей, – высокопарно сказал, выдвинувшись вперед, мужчина с пышными бакенбардами. – Иоти-Морр, Эгой-Кион, Виско-Брабант и я, старшина квартета голосов Илар-Игольг, готовы служить вам

и принять от вас по заслугам нашим. Засим позвольте сойти с пути луча и открыть для вас час удовольствий...

Ага, ну конечно. Сварог уже догадался, кого представляют почтенной публике – чтецов, которые будут озвучивать немой фильм, по бумажкам произнося реплики артистов. Отсюда и эта парность «старый – молодой»: один отвечает за персонажей помоложе, другой – за голоса людей в возрасте. «А вот интересно, – подумалось Сварогу, – есть у них в артели умелец-имитатор? Кто сможет нам изобразить, скажем, крик петуха, звон разбившейся посуды, скрип половиц, лязг мечей и так далее?...»

Помнится, у них в десантном полку был среди срочников такой талант. Именно благодаря таланту и не вылезал с гауптвахты. Любил, понимаешь ли, охальник разыгрывать ротных офицеров, разговаривая с ними по телефону голосами вышестоящих начальников. А когда однажды он голосом министра обороны маршала Соколова разнес в пух и прах чем-то насолившего ему замполита, после чего последнего с сердечным приступом доставили в санчасть, артиста этого чуть не закатали в дисциплинарный батальон. Спас командир полка, которому позарез нужны были боевые эстрадные единицы для успешных выступлений на смотрах воинской самодеятельности...

Четверка спустилась со сцены и расселась в некоем подобии оркестровой ямы. Кстати, тут же нашел себе место и маленький оркестрик, состоявший из гитары, скрипки и барабана. Свет медленно померк, и тут Сварог вспомнил реакцию публики на премьеру первого фильма Люмьеров – тот, что про прибытие поезда, – наклонился к Рошало и быстро прошептал:

– Умоляю, масграм, ведите себя пристойно. С места не вскакивайте, не охайте и не хватайте меня за одежду. Просто старайтесь получить удовольствие... Прелюбопытное зрелище, доложу я вам...

Ответ Рошалья заглушил оркестрик, грянувший вступление, но охранитель высказался в том смысле, что, мол, поразить его чем-либо *уже* сложно.

Тем временем над головой затрещал проектор, и на экране замелькали первые кадры.

И в самом деле – наверное, окажись Рошаль в кино сразу после Гаэдаро, удивлению его не было бы предела, пришлось бы долго убеждать мастера охранителя, что магия тут ни при чем, что все это творение рук человеческих. Однако после того, что видел и претерпел Гор Рошаль на долгом пути из Гаэдаро до Короны, его и в самом деле удивить было трудновато – будь то телефон, автомобиль или кинематограф. Рошаль воспринимал очередное чудо как еще один пункт в длинном перечне технических новинок и сейчас впервые в жизни смотрел кинофильм без всякого выражения на лице.

Удивительно, но на первых минутах просмотра охранителю, не имеющему возможности *сравнивать*, вернее всего, приходилось даже несколько комфортней, чем Сварогу. Сварог первые минут десять никак не мог привыкнуть к сопровождению немого, черно-белого подергивающегося и чуть убыстренного изображения живыми голосами, звучащими всего-то через несколько рядов от тебя. А тут еще голоса не всегда попадали в движение губ, чтецы то и дело отставали от персонажей и потом торопливо наверстывали текст. И непрерывно – то тише, то громче – звучала музыка: оркестрик целиком или соло

на одном из инструментов. Все это на первых порах отвлекало от вдумчивого просмотра. Ладно хоть фильм попался не заумный, не для снобов, а вполне китчевый... и даже наводящий на определенные размышления.

Сюжетец *фильма* был незамысловатый, так сказать – легко усвояемый. Дело заключалось в следующем. Маг со знакомым Визари вел войну против существующего порядка. Целью мага было посеять среди людей смуту и безверие, ввергнуть мир в хаос и в конечном счете сделаться единоличным правителем мира. Визари поклонялся какому-то гнусному шестирукому и обезьяноподобному божеству, имени которого упорно не называл, а обращался к нему «О Величайший и Злотворящий». Божество наделяло Визари магической силой, а в ответ требовало человеческих жертвоприношений. К тому же все отправляемые магические ритуалы были построены на крови, так что крови постоянно не хватало. Маг обитал на каком-то скалистом острове, таинственном и мрачном, и оттуда ежедневно его слуги на аэропилах, похожих на хищных птиц, разлетались в поисках новой крови во все концы планеты. Похищенных мужчин убивали на алтарях для жертвоприношений, женщин же заточали в подземелье, где они рожали детей от слуг мага Визари. Младенцев у матерей, разумеется, отнимали и тоже приносили в жертву ненасытному божеству.

Как раз сейчас шла сцена, где одна из очаровательных пленниц в подземной келье возлежала на роскошной кровати, под воздушным одеялом, с одним из мускулистых слуг мага – которого сумела в себя влюбить.

– У нас еще есть месяцев пять. Потом тебя должны будут... ты сама знаешь, – с пафосом говорил мужчина, и его рука перебирала ее длинные русые волосы.

язык, она наличествует в допустимой концентрации...

Может быть, предположила Чуба, все дело в тарках — из-за них и приутихла напуганная пернатая братия.

Их давно уже сопровождали, «подхватив» у поляны возле канала, эти самые тарки — нечто вроде полувампи́ров со слабыми зачатками разума. Чуба рыкнула на них пару раз, отогнала подальше, но они не отстали, шлепали сзади, на что-то надеясь — например, может, кто-то отстанет, кого-то раненого бросят товарищи, кто-то теплокровный и вкусненький, разрутавшись с друзьями, продолжит путь в одиночку...

И на одном из плановых привалов они увидели этих самых тарков. Семья (Чуба сказала, что тарки живут не стаями, а семьями) количеством в семь голов расселась в сторонке на открытом месте, посреди лесной лужайки. С поваленного дерева, под которым расположился Сварог энд компани, открывался прекрасный вид на любителей полакомиться человеческой кровушкой. Быть может, тарки специально так и устроились, зачатками разума уповая на то, что их вид посеет страх в теплокровных созданиях и из этого что-нибудь да выгорит. Однако видок полувампирской семьи пробуждал лишь жалость и сострадание.

Самый крупный из семейки — не иначе, вожак и предводитель — ростом не превышал немецкую овчарку. Морды гиен с торчащими изо рта клыками, тонкие шеи, впалые животы, выпирающие ребра — вот вам и весь тарк. Перемещались они смешно: переваливались на задних кенгуриных лапах, потом опирались о землю или, вернее ска-

зять, заваливались вперед на короткие передние лапы, заканчивающиеся вполне человеческими, но детского размера ладонями, отталкивались ими, выпрямлялись и снова переваливались. Выходило неуклюже и медленно. Ясно, что охотники из них были никакие. Потому и грызли они на своем нелюдском привале какие-то старые кости. Или, может быть, наоборот? Зачатками разума они рассчитывали как раз таки пробудить в людях не страх, а жалость, переходящую в донорскую помощь?

Впрочем, кое-чего тарки все-таки добились — разжалобили-таки, рассиропили-таки командира теплокровных. Сварог сотворил кусок говядины и швырнул его нечистой семье. Семейство тут же сплелась в клубок в жестокой схватке за обладание мясом. Пришлось Сварогу еще немного поколдовать и накормить говяжьей вырезкой этих упырей, этих кровожадных и безжалостных порождений зла. Так, не ровен час, и подружишься. Потом придется зачислять кровососов в команду, а там и выделять нечистую силу в отдельный взвод. Готовый взводный уже есть — гуап по имени Чуба-Ху.

Собственно, благодаря этой грустной, голодной и злобной семье вурдалаков, они и обнаружили следы — неприязненно поглядывая в сторону тарков, Рошаль заметил на лужайке странные пятна, в расположении которых явно просматривалась некая геометрия. Объявив об окончании привала, Сварог вздохнул, отчего-то прекрасно сознавая, что ничего хорошего от этих следов ждать не придется, и сказал:

— Ну-с, пойдем глянем, что это такое...

тями, коим вменялось в задачу увеличивать количество тайных сторонников магии, готовых пойти за ним по первому приказу, сеять сомнение в душах, поворачивать умы в сторону магов, магии и необходимости ее воцарения во всех пределах.

— Обратите внимание, масграм, на то, как показаны в фильме маги низшего и среднего звеньев. Любое их заклинание, даже самое незначительное, сопряжено с физическими страданиями. Их колотит падучая, пальцы крючит, кровь идет носом, пена на губах и так далее. Лишь одному главному колдуну Визари хоть бы хны.

— Понимаю, что вы хотите сказать, мастер Сварог. Художники делают все, чтобы люди усвоили: любая магия всегда сопряжена с телесными муками. А кто захочет мучиться!

— Никто. Поэтому лучше держаться от магии подальше и не подпускать к ней близких.

— А может быть, здешняя магия действительно *такова*?

На это Сварог лишь пожал плечами в полутьме кинотеатра.

Со слугами Визари на экране вовсю сражались сотрудники Каскада. Бились они героически, однако несли большие потери. Мир завис над пропастью, надо было что-то срочно предпринимать. И тогда кто-то из начальников вспомнил об опальном сотруднике Каскада, прозябающим где-то в глуши Ханнры. Решено было его вызвать в столицу, поставить перед ним задачу спасения мира и именно ему вручить новое оружие из секретных лабораторий. Не приходилось сомневаться, что герой задаст жару расплзшимся по миру

слугам главного мага, потом проникнет на мрачный остров, освободит всех пленниц и одолеет в конечном счете злобного волшебника. Ход мыслей одина...

Рошаль схватил Сварога за руку. Сварогу же впору тоже было схватить за руку охранителя. К такому повороту готовым быть невозможно.

Потому что на экране появился Олес. В роли того самого вольного и опального стрелка. Несомненно Олес. Его лицо, рост, даже прическа. А когда актер стал двигаться, сходство лишь усилилось – до полной тождественности. Движение, жесты, это характерное вздергивание подбородка, улыбка такая же...

– Твою мать, – прошептал Сварог. – Этого не может быть...

Но так было.

Остаток фильма он смотрел сквозь какую-то пелену, заставшую глаза. И этот остаток проскочил для Сварога незаметно, сюжетные перипетии уже не занимали. Какие там перипетии!..

Единственное, что его еще интересовало в этом фильме – различия. Сварог пытался найти различия между тем Олесом и *этим*, очень надеялся, что вдруг все-таки обнаружится какое-то отличие во внешности или актер сделает что-то такое, чего никогда не водилось за князем. Но надежды не сбывались – перед ними на экране жил и действовал Олес – вылитый молодой князь Газдаро, который на их глазах был отправлен рихарами из зиккурата в немыслимо далекое прошлое.

И еще очень раздражал голос чтеца, произносящего текст за Олеса...

Рошаль подавленно молчал, нервно теребя полу плаща.

Так и досидели до конца. А конец фильма принес новый сюрприз, хотя, казалось бы, куда уж. Сюрприз заключался не в том, что положительный герой так и не одолел мага Визари, хотя и победил всех его сподвижников. Маг сумел ускользнуть в самый последний момент. Тут все понятно – авторы полнометражки предостерегают зрителей: зло осталось, оно где-то рядом, бойтесь его, люди. Что, кстати, косвенно подтверждало версию о существовании прототипа экранного мага Визари. Настоящий сюрприз принесли титры, в которых появилось лицо Олеса в траурной раме с подписью: «Исполнитель Госс-Генгам трагически погиб в то время, когда монтировался этот фильм».

«Слава богу, хоть имя другое...», – подумал Сварог.

– Вы что-нибудь понимаете, мастер Сварог? – сказал Рошаль, который пребывал в задумчивости с того самого момента, когда они поднялись со зрительских кресел.

– Нет, – признался Сварог. – Но меня отчего-то сильно потянуло выпить.

Не мешало к тому же наконец и перекусить. Еще раньше Сварог присмотрел через улицу заведение на втором этаже, которое зазывало к себе подсвеченной электрическими огнями вывеской «От Аломас-Довани никто и никогда не уходил голодным и разочарованным!!!» Ну, раз никто и никогда...

ИГРА С МЫШКОЙ

Электрический движок вращал музыкальный барабан, и в зале в который уж раз звучала одна и та же мелодия. Мелодия, впрочем, была не столь уж надоедливая, где-то даже приятная, можно потерпеть какое-то время.

– В этом мире вполне прилично готовят, согласны со мной, масграм?

Рошаль поморщился, будто жевал лимон, а не запеченную с яблоками и сыром форель.

– Теперь, когда у нас появилась минутка передышки, я бы рекомендовал вам, граф, не использовать димерейские обращения друг к другу. Даже если мы пребываем в видимом одиночестве. И тем более тогда, когда нам кажется, что мы в полном одиночестве, а значит полностью расслаблены и вследствие этого несдержанно откровенны. Знаете...

Рошаль запнулся, видимо, раздумывая над тем, стоит ли продолжать опасный разговор. Но поскольку и так сказано было вполне достаточно, чтобы их персонами пристально заинтересовались соответствующие службы, то капель больше, капель меньше – участи не изменит.

– В некоторых газдарских тавернах, которые регулярно посещали доверенные люди князя Саутара, члены княжеской фамилии и работники иностранных посольств, все столы были придвинуты к стенам. Потому что в стенах располагались слуховые ниши, замаскированные под декоративные морские раковины. Отводные трубки от них

шли за стену, где сидели мои люди. Они слушали, записывали и в конце каждого дня представляли мне выжимку из стенограмм. Иногда, я вам скажу, проговаривались даже осторожные и накачанные инструкциями посольские работники. Или же из их, вполне невинных обмолвок, удавалось по крупицам добыть важную информацию. Ах, какую комбинацию мы однажды выстроили на этих обмолвках, вы бы знали! — лицо Рошалья просветлело от приятных воспоминаний. — Песня, поэма! В результате всей этой истории в Бадре произошел выгодный нам дворцовый переворот. Здесь же наука и техника не в пример более развита, так что следует опасаться каждой стены и, тем более, каждого стола...

Сварог попивал вино, слушал Рошалья и наблюдал за тем, как два кельнера все-таки вынесли новый музыкальный барабан и сейчас, кряхтя и краснея от натуги, снимали с креплений старый. Вот-вот и зазвучит новая мелодия. Поставив бокал на рубиновую, под цвет заказанного вина, скатерть, он возразил мастеру охранителю:

— Мне кажется, это не то заведение, которое посещают высшие чиновники и вообще сильные мира сего. На мой взгляд, вполне народное заведение, куда в дневное время забредают исключительно с целью набить брюхо, а по вечерам заворачивают пропустить кружечку-другую. Если здесь и услышишь ругань, то по поводу тещи, по поводу болвана-начальника... Кстати о начальниках. Готов голову прозакладывать, вот там за столиком начальник и подчиненная из какой-нибудь конторы по соседству, причем старый козел склоняет смазливую козочку к служебному роману, а она не знает, как ей быть. Потому что и хочется, и колется, и мама не велит.

– Муж не велит, – поправил Рошаль. И добавил слегка наставительно: – Как вы помните, замужняя женщина носит на поясе серебро, незамужней серебро на поясе не разрешено.

Сварог не помнил таких подробностей. И даже не знал, откуда их выкопал Рошаль. Может быть, в то время как Сварог... кхм, налаживал отношения с капитаном субмарины, Рошаль листал какие-нибудь местные энциклопедии? Ведь купленную Сварогом книгу «Энциклопедия моды и установления этикета» они так и не открыли, полистали лишь справочник по столице...

– Но вы правы в том, мастер Рошаль, что надо отвыкать от димерейских обращений, а то еще вырвется ненароком, не там и не тогда. Признаться, жаль. Мне нравилось зваться мастером Сварогом, мастером капитаном и даже маскапом.

Сварог на местный манер (подсмотрев, как поступают за другими столами) полил из соусника на лепешку, отрезал кусочек и тут же запил вином.

– А вообще-то, масграм... в последний раз вас так называя, согласитесь, что грех нам жаловаться на жизнь. Еще совсем недавно мы гадали, есть ли у моря берега, чуть ранее того шагнули в полнейшую неизвестность, которая могла закончиться безводной пустыней или кипящей лавой, а сейчас сидим комфортно, вкушаем яства, запиваем их отменным вином... Жизнь хороша, не так ли, масграм?

Гор Рошаль, похоже, не разделял подобного оптимизма. Его лоб бороздили морщины, пальцы выстукивали по скатерти нервный ритм. Масграм по обыкновению ожидал от жизни подвоха, о чем и не замедлил высказаться:

– Не могу разделить вашего ликования. Признаться, мне очень не нравится сложившаяся ситуация. У меня ощущение... трудно описать... будто кто-то все время вмешивается...

Сварог кивнул.

– Да, я кажется, понимаю. Называется «глубокое погружение».

Рошаль недоуменно поднял брови.

– Это экзамен такой, – объяснил Сварог. – Проверка на выживание. Испытуемого высаживают посреди дремучего леса, где полно всякого клыкастого зверья и прочих кусачих гадов, без пропитания, палатки, спичек, оружия и всего такого прочего. Ну, может, нож разве что дадут. И за определенное время он должен добраться до контрольной точки... А вот, скажем, агента, который будет работать за границей, высаживают в каком-нибудь совершенно незнакомом городе – опять же без денег, документов... даже без знания языка и местных обычаев. А для пущего интереса еще и объявляют его в розыск у местных властей – чтоб побегать пришлось... Ничего общего не находите? Поймаю этого Визари – по стенке размажу...

– Отчего же, общее нахожу, – кивнул Рошаль. – У нас это называлось «игра с мышкой»... Только я, дорогой граф, говорил несколько о другом. Я говорил о... Понимаете, у меня ощущение, что в нашу судьбу постоянно пытается вмешаться некая *третья* сила. Ну, Визари этот, Каскад – это все понятно и, можно сказать, *обыкновенно*... Но есть еще кто-то третий. Вот скажите мне: кто сбил наш аэропил?

– Каскад, кто же еще... – пожал плечами Сварог. Потом подумал немного и отложил вилку. – Нет, стойте. Юж

говорил, что полет был совершенно легальный, опознавательные знаки на месте. И не стал бы Каскад сбивать аппарат, да еще над самой столицей, – посадил бы аккуратно и взял нас тепленькими... Или мы представляем для них такую сильную угрозу, что нас проще уничтожить, чем брать в плен?

Рошаль молчал, криво усмехаясь.

– Значит, это дело ручонки Визари, – убежденно сказал Сварог.

– А этому зачем нас сбивать?

– Говорю же, решил устроить проверочку, с-сука. Глубокое погружение с мышкой... Конечно, он! Из-за кого мы оказались тут без денег, документов и вообще без понятия, как себя вести?! Изучает, насколько мы сильные маги и можно ли с нами дело иметь. За каждым нашим шагом следит. Для того и парнишке голову отрезал – чтобы нам никто не помогал, чтоб сами выбирались...

Рошаль медленно покачал головой.

– Вряд ли сейчас до таких игрищ человеку, который сидит в глубоком подполье и за которым охотится вся имперская служба безопасности, плюс к тому, вряд ли из подполья он способен организовать обстрел воздушного пространства над центральным городом метрополии – только ради того, чтобы испытать на прочность двух пришельцев из другого мира...

– Да что мы знаем об этом Визари! Вдруг у него методы работы такие... Кстати, и Каскад запросто может иметь право открыть пальбу по любому подозрительному аэропилу. Может, у них закон есть: раз подозрительный – по-лучай снаряд в лоб.

– Плюс та тварь, что напала на субмарину.

– Это да, – вынужден был признать Сварог. – Это загадка. Каскаду сие не по силам, а предводителю партизанского отряда колдунов, пожалуй, на фиг не нужно было нас топить...

Сварог мигом припомнил разговор с Великим Мастером. Старичку, что ли, все нейметя? Тоже непохоже. Устами Мины и Рошалья он как будто бы не угрожал, коли не считать последней фразы насчет «пожалееете», не пугал немедленной расправой, не советовал смываться отсюда подобру-поздорову – даже наоборот... Елки-палки, если это и *Он* чудит, так пусть скажет прямо, какого ляда ему надо, что толку молча совать палки в колеса?!

– Плюс – каким-то образом Каскад обнаружил субмарину аккурат в тот момент, когда она собиралась подобрать нас, – сказал Рошаль.

– Следили, – сказал Сварог.

– Плюс – то, что с вами произошло на доске между зданиями.

– А что со мной произошло? – вкрадчиво спросил Сварог, внутренне передернувшись при одном воспоминании.

– Не знаю. Но уверен: что-то там такое было. Вы... так вели себя на этой доске... Можете не говорить, просто отметьте для себя... И, наконец, плюс Олес.

– Ну Олес-то причем? Просто совпадение. Похожий на нашего князя актер, и не более того.

– Совпадение, говорите? – Рошаль прищурился. – Не слишком ли много совпадений? «Черная молния», тварь из океанских глубин, обстрел аэропила... У нас на руках

гибнет пилот, с которым мы только что познакомились. Затем практически на руках погибает юноша, которого мы тоже едва узнали. И, наконец, Олес – не Олес в траурной рамке, наш друг и сподвижник... Один за другим гибнут люди, с которыми мы знакомы, пусть и шапочно... Мир совпадений?

– Парнишка Элом – согласен, странно, пилот – ну, допустим... однако Олес тут никаким боком, мы же знаем его тысячу лет! Бросьте, Рошаль. Как говорил один умный человек, не следует умножать сущностей сверх необходимого... А следуя вашей логике, одним из этого черного списка должен вскорости стать либо я, либо вы, поскольку мы тоже в некотором роде знакомы. Или же Мина, Дако и этот мальчишка Гран-Тай... Думаете, они уже мертвы?

– Искренне надеюсь, что нет, – с каменным лицом сказал Рошаль.

– Типун вам на язык... Нет, Рошаль, простите, но ваше объяснение притянуто за уши. Олес – просто двойник, отражение в зеркалах... Кстати, вот пришла в голову версия. Пришла – высказываю. Вы помните зиккурат, рассказы рихара о бесконечности отражений? Отлично. Так вот, допустим, по какому-нибудь там закону обязательной зеркальности или что-нибудь в этом роде человек лишь тогда может существовать в прошлом, когда его пребывание там уравнивается его отражением в настоящем.

– В настоящем он мертв, – мрачно сказал Рошаль. – Значит, исходя из вашей версии, он умер и в прошлом.

– Тьфу ты пропасть! Я сказал первое, что пришло в голову, – и таких гипотез могу накидать пачку, не отходя

от этого стола. А правоту ни одной из них сейчас не проверишь. Так стоит ли голову забивать? Лучше придумайте, что нам делать дальше. У вас клиентура была соответствующая...

По залу плавал аромат трубочного табака. Трубки курили даже женщины. Серебряный век, блин. Декаданс...

– Вот до чего я не додумался, так это приобрести трубку, – сказал Сварог. – Может быть, попросить кельнера?

– Сперва надо заглянуть в вашу книжицу об установлениях этикета. Вдруг таким юнцам, как вы, курить не положено.

– Но мы же провинциалы, не забыли? Проще говоря, мы с вами деревенщина, дорогой Рошаль, что с нас, лапотных, возьмешь. У нас в Йошкар-Оле, к примеру, курят с колыбели... Ну так что насчет дальнейших действий?

– Мало информации, граф, чтобы выработать точный план. Мы не знаем, что известно о нас Каскаду, насколько опасными мы ему представляемся и какие силы задействованы в нашем розыске, но... но одно несомненно – к поместью, где нас якобы ждет маг, нам путь заказан, там наверняка засада, тут вы безоговорочно правы. Что остается? Во-первых и главных: документы и подорожные. Есть у меня некоторые соображения, как их раздобыть, сталкивался... Во-вторых, обеспечение легенды: как мы попали в Вардрон, откуда, как можно больше данных о нашей «родине». В-третьих...

– Не слишком ли сложно? – погрустнел Сварог. – В конце концов, нам нужно побыстрее выходить на магическое подполье – если мы в самом деле нужны этому Визари...

– А ежели проверка документов?

– Ну, будем надеяться, до этого не дойдет. А если дойдет, то мы, рассеянные провинциалы, оставили документы в гостинице. В справочнике видел гостиницу под названием «Столица в столице». Значит, мы с вами там и остановились. Гостиница расположена на улице Утренней Зари. Мы, понимаешь, привыкли у себя в Йошкар-Оле, расхаживать без документов, у нас там все друг друга знают в лицо. Или потеряли. Или у нас их украли – вместе, кстати, с вещами...

– И каким транспортным средством вы прибыли из Йошкар-Олы? – с издевкой спросил Рошаль.

– Кораблем, – ничтоже сумняшеся сказал Сварог. – Устраивает? Большом таком, белом, не помню, как называется...

– Н-да? – презрительно скривился Рошаль. – В таком случае – номер рейса? Порт отправки, время прибытия и номер дебаркадера? Когда проходили таможенный контроль? С кем общались в пути, кто вас видел? Как зовут мэра Йошкар-Олы и наместника Короны в вашей колонии? В каком номере гостиницы остановились?.. А кроме того, позвольте заметить, господа подозреваемые, что из Йошкар-Олы, буде такая в самом деле существует, сюда можно добраться исключительно воздушным путем...

– Да идите вы к черту, – буркнул Сварог.

– Чем развитее государство, тем сложнее бюрократия, – пожал плечами Рошаль.

– В курсе, к сожалению... Значит, говорите, документы...

– Поздно, – вдруг сказал Рошаль. – А жаль...

Уже по тому как распахнулась дверь, едва не выдрал петли с корнями, можно было догадаться, кто пожаловал в гости. Сей почерк тоже одинаков по всем мирам и государствам.

В заведение посыпались люди в иссиня-черных плащах с зеленой подкладкой.

— По нашу душу, — Рошаль зло скомкал салфетку и швырнул бумажный шарик в блюдо с капустным салатом. — Долго же у них тут облаву не снимают. До победного конца, что ли?..

Черно-зеленых набралось с дюжину. Двое из них, как тогда на площади, держали приборы, в очередной раз вызвавшие у Сварога воспоминания об амперметрах. В руках у остальных были короткие жезлы, а плащи на спине горбатились, как от рюкзаков.

— Не дергаемся, — с улыбкой произнес Сварог.

Посетители ресторана опасливо косились на пришельцев, но с мест не вскакивали. Черно-зеленые сосредоточились по залу, неспешно расхаживали, рассматривая полы и стены и лишь иногда бросая взгляды на посетителей. В общем, на непросвещенный взгляд Сварога, они вели себя до крайности странно — но главное, что никто и не думал устраивать проверку документов, и Сварог начал успокаиваться. Со всем остальным, кроме документов, у них полный порядок — истинные, засветившиеся перед органами правопорядка обличья надежно спрятаны под личинами, одеты они с Рошалем согласно эпохе...

Запиликало чувство опасности, и Сварог тут же напрыгся. Он заметил, как один из тех, что не отрывал взгляда от своего амперметра, украдкой подал на паль-

цах знак, каким обыкновенно обмениваются спецназовцы, чтобы не выдавать себя голосами. Потом Сварог перехватил беглый взгляд, направленный в их сторону. Что-то изменилось в маршрутах черно-зеленых пришельцев...

И он понял. Вмиг оценил расстановку черно-зеленых и совершаемый ими маневр. Который должен завершиться смыканием кольца вокруг их с Рошалем столика. Мать твою! Сомнений не оставалось.

– Окно! Тент! – закричал Сварог, переворачивая стол и толкая его навстречу двум насквозь официальным хлопцам. Схватил стул с намереньем выбить им окно, – придется прыгать со второго этажа, но внизу над какой-то уличной лавчонкой натянут парусиновый тент, который сработает как батут и не даст Рошалю разбиться, а дальше уж Сварог его подхватит. Главное, чтоб охранитель понял его замысел...

Рошаль понял. Вскочил с места, тоже рванулся к окну.

Сварог увидел, как черно-зеленые парни слаженно и резко взмахивают жезлами, и жезлы, которые оказываются телескопическими дубинками, удлиняются до шпажной длины. Эти чертовы дубинки начинают выписывать в воздухе круги и восьмерки, отсекая беглецов от окна. Когда гибкие, похожие на спиннинги, прутья соприкасались с металлическими предметами, во все стороны летели искры. Одна из дубинок чиркнула по Рошалю – и тот, судорожно взмахнув руками, рухнул, будто косой подкосили.

Тут уж, бляха, не до гуманизма – уничтожить или быть уничтоженным. И Сварог рванул из-за пояса шаур...

Он успел уклониться от одной электрической шпажонки, подпрыгнул, пропуская под собой вторую, но, видать, задела третья. От голов до ног прошла дикая слепящая боль. Мышцы скрутила судрога. Шаур вывалился из одеревеневших пальцев.

Но черно-зеленым этого показалось недостаточно. И они всадили еще один электрошоковый разряд. Такое ощущение, что глаза выскакивают из орбит, лопаются как мыльные пузыри... Сварог потерял сознание.

КОРИДОРЫ ЗАСТЕНКОВ

...Его завели в небольшой, казеннейшего вида кабинет, где за полукруглым столом восседал человек мышинной внешности в наглухо запахнутом сером плаще с бронзовыми застёжками. В кабинете имелось фальш-окно, занавески на нем были задвинуты неплотно и в щелку можно было разглядеть фальш-пейзаж: предзакатное солнце над равнинной местностью, ряд уходящих вдаль виселиц, группа людей в темных плащах на переднем плане... Подробностей не рассмотришь – подсветка выключена.

В одном углу кабинета стоял шкаф самого что ни есть обшарпанно-домашнего вида, в другом – сейф. Вот и вся обстановка.

– Садитесь, – сказал казенный человек бесцветным, под стать внешности, голосом. – И даже не думайте о своей магии. Любая магическая попытка будет мгновенно обнаружена, – и он постучал по «амперметру», стоящему на краю стола. – «Боро-четыре» подключен к сигнальному оборудованию стола, тут же загорится вот эта красная лампочка, и вас моментально уgomонят самым радикальным способом...

Стул с невысокой, как у детской мебели, спинкой помещался в двух шагах от стола (разумное расстояние, одним прыжком не одолеешь, а второй сделать не дадут). Вдобавок стул был низкий для любого нормального человека, приходилось сидеть, подогнув ноги, что тоже не

прямо-таки неземную и неталарскую унылость, отчего погружаться в жерло подземелья энтузиазма отнюдь не прибавлялось.

— По-прежнему никого, — прошептала Чуба-Ху. — Но люди там были... а один совсем недавно.

Судя по кислым лицам подрастерявшего бравость воинства Сварога, опасность чувствовали все — кто фибрами кожи, кто фибрами души, а кто и такими органами, которые поминают лишь простолодины, да и то крепко выпимши.

— Не понимаю, почему голова-призрак не последовала за нами, — не очень-то рассчитывая на ответ, заметила Кана. Голоса в пыльном подземелье звучали глухо, безжизненно, эхо, едва родившись, тут же умирало, поглощенное теснотой и полумраком.

— Я б на ее месте тоже не торопился возвращаться домой, — тяжело сопел Пэвер. — В такую-то вонь... А лампы, обратите внимание, мастер капитан, очень уж похожи на гидернийские светильники. Это что значит — это, значит, гидернийцы построили? Или тут магия?

— Электричество, мастер суб-генерал, — негромко бросил Сварог. — Долго объяснять. И Гидерния, к сожалению, тут ни при чем...

Какая, к лешему, магия, здесь единолично правила другая царица — технология...

А чувство опасности продолжало пикировать — не то чтобы очень громко и настойчиво, но едва Сварог решил-таки довериться ему и не рисковать, едва решил, короче говоря, скомандовать ретираду, как...

Как волынками взвыли турели, и ведущее на волю пространство над их головой сомкнулось с

плотоядным чмоком... ни дать, ни взять, они оказались, совсем как часто поминаемый в местных анекдотах грешник Бриантарий в желудке гигантского панцирного трихвоста. Вот и первый сюрприз, устало и почти равнодушно отметил Сварог. А суб-генерал упрямо вернулся назад и принялся сосредоточенно царапать стык кинжалом.

— Оставьте, мастер Пэвер, — остудил его порыв Сварог. Индикатор опасности, что интересно, громкости не прибавил и не убавил. — Ясно же было с самого начала, что на блюдечке с голубой каемочкой никто нам Ключ не принесет. Давайте сначала попробуем забрать то, за чем пришли. Авось поближе познакомимся и с личностью, которая так вежливо назначает нам randevu...

— Так-то оно так... — вздохнул Пэвер. — Но вдруг эта личность окажется без приятных манер, и нам придется отступать с боем, а времени будет в обрез? И, кроме того, я лишь хотел убедиться, что мой кинжал в данном случае бесполезен.

— Генерал, насчет отступления живыми, вы — оптимист, — фыркнул Рошаль, и его висельный юмор неожиданно пришелся кстати: экипаж малость приободрился.

— Пока не нападают, — вставила свое слово Кана. — Значит, сразу убивать не собираются. Значит, что-то хотят от нас.

— Логично, — сказал Сварог.

Лестница закончилась, гости (или пленники?) подземелья оказались на бетонной площадке, с которой в разные стороны вели три двери. Гостеприимно приоткрытые. А будь они заперты на торчащие из пазов перекрестные засовы, отметил Сварог, он бы ни за что не вошел ни в одну из них,

– Юж-Крагт, – сказал Сварог, мысленно попросив извинений у погибшего авиатора.

– Род занятий?

– Авиатор.

– Место рождения?

– Некушд, – уверенно выдал Сварог название единственно знакомого ему помимо столицы города.

Виконт щелкнул тумблером на столе, наклонился и повторил полученные от задержанного данные, тщательно артикулируя звуки слова в торчащий из столешницы небольшой рупор. «С картотекой сверяется, – понял Сварог. – Оперативно поставлено дело, ничего не скажешь, мастеру охранителю понравилось бы». А может, уже понравилось. Рошаль ведь тоже где-то здесь...

– Как насчет покурить? – спросил Сварог.

Гальвиг-Тарэ молча выдвинул ящик стола, достал из него короткую глиняную трубку, уже набитую табаком, пододвинул по столу к Сварогу.

В кабинете воцарилось молчание. Виконт, вероятно, ждал ответа на запрос, Сварог же заполнил это время раскуриванием трубки. Табачок оказался далеко не лучшего качества. Дерьмовенький, прямо скажем, табачок. Однако наколдovывать себе сигарету отменного качества он не стал – прикуривать от телескопической электрозажигалки как-то не тянуло...

Сварог пришел в себя, когда его готовились выводить из автомобиля, очнулся от едкой вони. Замотал головой, рукой отстранил чужую руку с ваткой, пропитанной нашатырем. Потом его провели двором, завели в какую-то дверь, повели коридорами, в глазах еще плавал туман, а ноги подкашивались. Окончательно он пришел в себя

только на лестнице, на жутко гремящей под шагами металлической лестнице, ведущей куда-то вниз. И обнаружил, что отключенное на время сознание отключило и личину, которой он был прикрыт. И теперь он снова для всех стал прежним Сварогом, а стало быть, и Рошаль выглядит так, как ему и положено от природы. Ай-ай-ай... Правда, Рошалья он не видел, где он, что с ним – никакого понятия. И вообще...

Задребезжал электрический звонок, Гальвиг-Тарэ поднял наушник. Какое-то время слушал, что ему говорят, что-то записывал. Потом отложил наушник, отложил карандаш, сцепил руки на столе и воззрился на Сварога.

– Любопытно. Премного интересного о вас сообщают, авиатор Крагт. Служба в Унии Авиаторов, суд офицерской чести, изгнание из рядов, далее занимался контрабандой, делом увлекательным и доходным, но увы насквозь противозаконным. Вы сами-то все свои подвиги помните? Например, за вами числится угон личного аэропила советника Гай-Дрода, поставка оружия «бархатным повстанцам»... Да-а, биография у вас богатая. Какой-нибудь безусый юнец позавидует столь насыщенной приключениями жизни... Тут, я смотрю, еще и нападение на сотрудника Каскада, как раз таки в Некушде, еще много всего... Можно опустить незначительные подробности и перейти к самому любопытному. А самое любопытное заключается в том, что вы – покойник, мой дорогой. Да-да, самый что ни на есть мертвец. Причем пребываете сейчас на леднике городского морга.

«Нет, ну оперативно же работают, суки! – не без восхищения отметил Сварог. – А я-то наивно рассчитывал, что факт смерти бедняги Южа им еще неизвестен...»

– Передо мной же, как следует понимать, восседает не телесная оболочка, а призрак, фантом. Признаться, всякого я нагляделся из этого кресла, но разговаривать с призраком как-то не доводилось. Следует отметить, отличный из вас призрак вышел. Не покачивается в воздухе, не пытаетесь раствориться, не пугаете меня завываниями. А интересно, как призраки терпят боль?

Сварог пускал дым, не перебивая этот поток красноречия. Благо его ни о чем больше не спрашивали. Его пока лишь готовили к обстоятельным расспросам, создавали у него соответствующее настроение, короче говоря, *обрабатывали*.

– А нужны ли крайние меры? – задал виконт риторический вопрос. После чего заговорил помягчевшим голосом, голосом доброго, но крайне уставшего человека: – Если бы от нашего с вами разговора не зависели судьбы тысяч людей, я бы и не помышлял о применении к вам второй и даже третьей степени интенсивности. Поверьте, я знаю, что такое боль... Но за мной стоят людские судьбы. Судьбы наших матерей, отцов, сыновей, дочерей, соседей. Мне, поверьте, иногда становится страшно за них.

Он тяжело вздохнул.

– Давайте посмотрим на факты. А факты неоспоримы. Факты просто убийственны для вас. «Боро-четыре», – Виконт снова похлопал по «амперметру», – удостоверил применение вами магии. А вдобавок визуально установлено, что вы пребывали в чужом облике, созданном с помощью заклинаний. Свидетелями тому были не только сотрудники Каскада, но и рядовые горожане, видевшие, как исчезает ваше фальшивое обли-

чье и проявляется истинная внешность. Считайте, что факт противоправного деяния доказан. Поскольку любые магические действия на территории Короны запрещены, то считайте, что приговор суда вам уже вынесен. Смертная казнь. И подумайте еще вот о чем. Каким бы именем вы не прикрывались, мы рано или поздно дойдем до правды – тогда пострадают и ваши родственники. Ни за что пострадают. Мне почему-то кажется, что вы разумный человек, что вы не из тех, кто готов пожертвовать собой ради абсурдных идей и ради преступника Визари, одержимого идеей власти... О, да, я знаю, что вам внушали! Что магии подвластна сама смерть, что ваши соратники, когда их число превысит число не Иных, вернут вам силой коллективного колдовства прежнюю личность и память о прошлом... Соблазнительные идеи. На что еще ловить человеческие души как не на возможность победить смерть?.. А вы никогда не задумывались над таким простым вопросом: отчего, при всей заманчивости этих идей, поклонники магии вот уже много лет пытаются расшатать основы Короны, а Корона стоит, крепнет и расширяет свои владения? Да оттого, что люди *знают*, что на самом деле несет им ваша магия. Убедились. Уверились, что не пусты слова ученых о том, что любое магическое действие, даже самое простенькое или направленное на сиюминутное благо, требует жертву. Закон весов срабатывает всегда: если одна чаша поднялась, другая должна опуститься. Пусть одному ваша магия приносит удачу, выздоровление или мешок денег – другой человек расплачивается за это, расплачивается несчастьем, страданием или... или смертью. Люди уверились, что большин-

ство обрушивающихся на них бед порождены кем-то, кто сейчас на другом конце света, на каком-нибудь острове или в соседнем доме произнес заклинание или начертал на стене пентаграмму. И никто не желает стать пушечным мясом для чьего-то благополучия...

Сварог вспомнил цепочку необъяснимых смертей этого дня. Черт, если сидящий напротив человек прав, то выходит, он, Сварог, спровоцировал гибель случайных людей? Создал какую-то паршивую сигарету – погиб Крагт, создал личины – погиб студент. И всякие наваждения и необъяснимости, вполне возможно, порождены его магической деятельностью, которой он возмутил какие-то сферы, что-то нарушил в равновесиях и поправ законы сохранения чего-то там... Нежели это правда?

Состояние Сварога от виконта не укрылось.

– Ага, вы задумались? Давайте-ка я помогу ходу ваших мыслей. Что я могу вам предложить? Во-первых, жизнь. Согласитесь, это уже немало. Во-вторых, я могу предложить вам новый путь. Да-да, новую цель – в рамках плодотворного сотрудничества с нами, а в конечном счете – новое имя и полную свободу. Конечно же, не стану врать: *полную* свободу вы обретете не скоро, только после того, как мы окончательно и бесповоротно удостоверимся в необратимости вашего нового пути... Но главное начать, не так ли? Итак, давайте подведем итог. На одном полюсе допросы, физические мучения, бесславная кончина и пополнение общей могилы для преступников и бездомных на Сером кладбище. На другом полюсе жизнь, новая жизнь, очищение от налипшей скверны, даже новая карьера, вполне возможно, неплохая, и в конце пути – свобода. Что скажете?

А что тут скажешь... Можно ответить словами героя одного замечательного фильма: «Желательно, конечно, помучиться». Но ведь не поймут шутку. И вообще вряд ли в этом учреждении шутки в чести. Поэтому Сварог решил пойти по другому пути. Путь этот вырисовывался достаточно четко: вы хотите от меня раскаяния, и вы его получите, вам надо, чтоб я всех предал – да ради бога, хотите тесного сотрудничества – нате. А потом я разойдусь до того, что пообещаю выдать вам подпольную явку магов, для чего мы отправимся все вместе, прихватив и Рошала (по ходу дела придумаем, для чего он нам нужен), на одном автомобиле, в город. И тут уж никакие электрические палки не сдержат мастера Сварога на пути к свободе.

Только одно плохо – на самом деле ни черта он не знает, поди сочини что-нибудь вразумительное на пустом месте. Придется наскребать информацию по крупицам, ненавязчиво вызнавать обо всем, тем более, что этот виконтик, судя по всему, поболтать любит. Кстати, так и так придется затягивать разговор. Не вскочишь же, в самом-то деле, не закричишь радостно, ударяя себя пяткой в грудь: «Да, я согласен предавать и каяться, скорее спрашивайте меня обо всем!» Не поверят ведь. А жаль.

Сварог положил на край стола рядом с пепельницей потухшую трубку.

– А какие у меня гарантии? – спросил он. – Ведь как только я расскажу все, что знаю, я стану вам не нужен. Вы говорите, что я могу пригодиться. Ума не приложу, для чего. В чем вы видите наше будущее сотрудничество?

– Вы знаете такую пословицу, господин... Крагт: «Лишних солдат не бывает»? Когда идет самая настоящая война, любому солдату найдется место в строю. А вы у нас выходите даже не простой рядовой, а целый йорг-капрал, который, кстати, имеет все шансы дослужиться до офицерского звания. Вы не знаете – да и откуда вы можете знать! – что на нас работают маги... Работают консультантами, разумеется. И много магов! По этому поводу уместно будет привести еще одну пословицу – «Под опускающийся меч лучше всего подставить другой меч».

Слишком уж навязчиво виконт-дознаватель подчеркнул тот факт, что маги на их контору работают лишь консультантами, чтобы не заподозрить в этих словах ложь. Ой сдается, что и господа из Каскада используют магию – несмотря на то, что кто-то от этого страдает. Впрочем, все спецслужбы прибегают в своей деятельности к методам, мягко говоря, сомнительным с точки зрения общепринятой моралитэ. Сие в природе спецслужб, они не могут позволить себе гуманизм – иначе начнут проигрывать схватку за схваткой...

Конечно, Сварог мог бы включить детектор лжи и убедиться, сколько правды в словах сидящего напротив. Но в ответ сработает *ихний* детектор магии, и суровые парни, стоящие сзади, незамедлительно огреют тебя электрическим дубьем. И еще – тишкина жизнь! – как теперь забудешь о словах, что любое магическое действие неизбежно приносит кому-нибудь несчастье, как забудешь о смертях, свидетелем которым был сам...

– Все равно, – Сварог продолжил разыгрывать роль человека, торгующегося за свою жизнь, – мне нужны более весомые гарантии.

– И как вы их себе представляете? Честное слово главы Каскада верх-победителя маркиза Арт-Гвидо? Обещания, положенные на бумагу и собственноручно подписанные Императором? Как?

– Во-первых, я хочу, чтобы мне устроили очную ставку с моим товарищем, – сказал Сварог. – Либо мы вдвоем примем решение сотрудничать с вами, либо никакого сотрудничества не будет. Во-вторых, я хочу, чтобы меня и моего товарища поселили в приемлемых, человеческих условиях и на месяц оставили в покое, конечно же, в стенах вашего заведения и под охраной, но при этом обеспечив всем необходимым для полноценной жизни. Нормальное питание, вино, книги, газеты и так далее.. Это покажет, что вам не важен скорый результат, вам не интересна лишь информация, а действительно необходима наша помощь на добровольных началах.

– Ого! – воскликнул виконт и, откинувшись на спинку кресла, скрестил руки на груди. – Вы меня, право, восхищаете. Вы мне напоминаете того лихого роттен-йора из ленты «Ветер удачи», который...

В глаза ударило красное. И взвыл зуммер.

Сварог не рассуждал. Вернее, он начал рассуждать только тогда, когда уже летел к столу. Сработали рефлексы. В подкорке засело: загорится красная лампочка, фиксирующая применение магии, – он получит по спине электрошокером.

Лампочка загорелась.

Дознаватель мгновенно вышел из расслабленной позы, быстро нагнулся к столу. Сварог отчетливо видел ладонь виконта, занесенную над столом. Не оставалось сомнений, что, опустив ладонь, он вдавит кнопку встро-

енного в столешницу звонка, и сигнал тревоги уйдет из этого кабинета в какие-нибудь караулки, казармы, подразделениям спецреагирования.

Ладонь на звонок опуститься не успела. Сварог не дал – перемахнув через стол, вклепил двумя ногами дознавателю в грудь, тот вместе со стулом обрушился на пол. А Сварог уже сорвал со стола шуршащий пакет, вытряхнул из него шаур, подхватил в ладонь, развернулся, вскидывая руку...

Но все равно Сварог должен был опоздать. Проскочивших мгновений парням с электродубинками должно было хватить на то, чтобы сделать пару шагов вперед и хлестануть прутьями шокеров по незащищенной спине пленника. Сварог мог рассчитывать лишь на какой-нибудь досадный промах с их стороны – всякое ж бывает...

Однако промаха не последовало. Как не последовало и собственно атаки сзади.

Конвоиры оседали на пол. Оседали с выражением полного обалдения на лицах, на лицах обоих застыло выражение, под которым можно было бы подписать: «Да что же такое я творю...» И тем не менее сотворили ведь!

Оба саданули шокерами не пленника, а друг друга. Причем, судя по результатам содеянного, оба врубили свое электрическое оружие на самый полный вперед, до упора. Возможно, за один удар до доньшка разрядили конденсаторы, что висели у них за спиной навроде ранцев – уж больно плохо парни выглядели. Оба лежали на полу, но их еще продолжало трясти, выгибать дугой, глаза лезли из орбит. Но наконец успокоились. Навсегда успокоились, заработав сердечный приступ, или только на

время отключились.— Сварог устанавливать не стал, имелись у него дела и поважнее.

Бред какой-то. Сварог опустил шаур. Между прочим, сигнальная лампочка погасла, и зуммер унялся. Так, и что это было, кто расскажет? Замкнуло? Реле с ячейкой расшалились? Рошаль где-то поблизости применил магию, которой обучился методом подражания, странствуя рядом со Сварогом? Уж сам Сварог тут точно не при чем, он чист аки младенец, никакой магией он даже и в мыслях не баловался в этом кабинете. Короче, бред и еще раз бред...

БЕГ ЗАЙЦА ЧЕРЕЗ ПОЛЯ

Виконт уже очухался от легкого нокдауна, закопошился под стулом. Сварог рывком поднял его с пола, грозно процедил:

— Быстро. Где второй? Где мой товарищ?

— Тебе отсюда не выбраться. Сдавайся. Все еще можно исправить. — Гальвиг-Тарэ старался говорить твердо, старался показать, что ему ничуть не страшно.

Сварог не мог позволить себе долгих задушевных бесед, тонкой психологической игры. Нужно было колоть быстро и качественно, и тут уж без *особых* средств не обойтись.

— Тогда придется к тебе, дружок, применить высочайшую степень интенсивности. — И он двумя сжатыми вместе пальцами ткнул дознавателя меж нижней челюстью и кадыком. От такого удара здоровью человека урона не наносится, а вот ощущения пронзают насквозь неприятные, родственные зубной боли, только терзает та боль не один отдельно взятый зубной нерв, а всю разветвленную паутинку нервов.

— И это только начало, — пообещал Сварог и встряхнул дознавателя за шкурку. Рывкнул: — Живо отвечать, мразь! Где второй? Еще вмазать?

Сварог потрянул виконта так, что у того лязгнули зубы. И виконт *дрогнул*. Терпеть боль не каждому дано, равно как и смотреть без страха в глаза человеку, готовому тебя убить.

– Рядом, в кабинете напротив, – напряженно процедил он. И не удержался: – Вам не выбраться. Вы лишь отрежете себе последний путь к спасению...

– Слушай сюда, – грозно перебил его Сварог. – Если моего товарища не окажется в соседнем кабинете, я вернусь. Ты понимаешь? Понимаешь, что для тебя это будет означать, спрашиваю?

Гальвиг-Тарэ торопливо кивнул.

– Последний раз. Мой товарищ в кабинете напротив и нигде еще?

– Да.

Ну и ладно. И Сварог приголубил его затылком о ножку стола. Приложил, в общем-то, аккуратно – не собирався же он без необходимости убивать кого бы то ни было, собирався лишь обезопасить тылы...

Сварог не сразу выскочил в коридор, сперва он сорвал с виконта серый плащ с бронзовыми застёжками и надел вместо своего. Неизвестно, что ждало за дверью. Не помешает отвлекающий фактор. Пока будут всматриваться – а кто это у нас под плащом? – можно многое успеть.

Сварог вышел из кабинета, аккуратно прикрыл дверь за собой. Коридор пустовал – вот и славно, зачем нам лишние свидетели... Дернул ручку соседнего помещения, рывком распахнул дверь, ступил за порог, вскидывая шаур.

Миндальничать он не собирався. Если будет возможность обойтись без смертоубийства – очень хорошо, однако если ж нет – звиняйте, хлопцы. Может быть, они тут бьются и за правое дело, да вот беда – самим жить охота. В конце концов, мы в гости не напрашивались.

Картина, открывшаяся Сварогу, была такова, что хоть сразу начинай палить очередями. Посреди кабинета на полу лежал охранитель Гор Рошаль. Его лицо цветом напоминало спелую сливу и было мокро от пота. Ворот трико был разорван. Из рта шла пена. Двое конвоиров с электродубинками склонились над пленником. Третий же, в точно таком же сером плаще, что был сейчас на Свароге, сидел за столом и нервно грыз ногти.

Все трое обернулись на вошедшего, и на их лицах отразилось недоумение. Они как-то не могли свести воедино серый форменный плащ, незнакомое лицо и нацеленный на них предмет в руках незнакомца. А в намерения Сварога не входило дать им куда-то что-то свести.

— Стоять на месте! Стреляю! — прокричал Сварог с порога. И показательной очередью вмазал по столу. Зазубренные серебряные звездочки сверкающим веером пронесли по кабинету и застряли в столешнице, заставив серого убрать руки подальше от сигнальной кнопки.

Однако, вот беда, не все послушались вооруженного и опасного незнакомца. Один из конвоиров оказался то ли слишком отчаянным, то ли чересчур глупым. С боевым кличем он рванулся к Сварогу, замахнулся дубинкой... И рухнул замертво, прошитый серебряной очередью. Его напарник, успевший сделать один шаг, после такой впечатляющей демонстрации остановился как вкопанный.

— Бросай дуру! Палку бросай, кому говорю!.. Правильно, молодец. А ты, серый, вышел из-за стола!.. Вот так. Теперь оба мордами в пол, руки на загривок, ноги в стороны.

После того, как его приказания выполнили (попробовали бы не выполнить!), Сварог отпихнул ногой от греха подальше ранец с подсоединённой к нему шнуром дубинкой и наклонился к Рошалу.

— Это вы зря, — сквозь зубы проговорил Сварог, щупая пульс на шее соратника. — Не стоило вам его трогать...

— Это не мы! — испуганно закричал серый, почувствовав в словах нынешнего хозяина положения нешуточную угрозу. — Мы его и пальцем не тронули! Поверьте! Сами не понимаем, что случилось. Сидел — вдруг повалился, и началось...

Пульс прощупывался слабый, но все-таки охранитель был жив. Сварог потряс Рошала, потом приподнял пальцем веко. Оставалась слабая надежда, что охранитель притворяется, как иногда поступают допрашиваемые, как, разумеется, поступали допрашиваемые и в гостях у самого Рошала. И просто пока масграм не понял, что произошли существенные перемены... Недолго, правда, жила в душе Сварога эта надежда. До того момента, как он увидел закатившиеся глаза охранителя.

— Юнк-лейтенант говорит правду, — приподнял голову конвоир. — Болезнь какая-то навалилась, с приступом. Черная немочь, небось.

— Пасть заткни, — устало проговорил Сварог. — Станешь говорить, когда прикажу.

Сварогу некогда было дознаваться, пытали они Рошала или нет. Это, по большому счету, значения не имело. Значение имело только одно — как отсюда выбраться. Из этого логова с его этажами, лестницами и решетками.

Шаур, конечно, подспорье доброе, но ведь количеством задавят. Да просто наглухо перекроют коридоры и запрут, как зверя в клетке...

— Так. Ты, черно-зеленый, вставай. Скидывай плащик. Бросай мне под ноги. А с него плащ снимай, — шауром Сварог показал на охранителя. — Быстро, сволочь!

Пока ничего не приходило в голову — кроме того, что серый, разумеется, знает больше рядового солдата. И при солдате откровенничать может побояться, незатейливо рассудив, что все едино — что от серебряной звездочки пропадать, что потом от своих смерть принять, как предателю. Поэтому...

Ребром ладони Сварог вырубил склонившегося над Рошалем конвоира.

— Лежать! — крикнул он, увидев, что серый дернулся на полу. — Тебя не трону. *Пока* не трону. Если будешь хорошо себя вести. Давай рассказывай, тварь, как отсюда выбрал...

Сварог вдруг замолчал, прислушиваясь, и чуть не расхохотался. Преимуществ у него и так никаких не было, а тут и последние, хиленькие, растаяли, как снег, нечаянно выпавший в пустыне. Теперь стало невозможно выбраться наружу скрытно какими-нибудь потаенными ходами, — пользуясь тем, что про их освобождение из плена никто не знает. Потому что за дверью загудели-завещали звонки и сирены. Твою мать! Вот уж шухер так шухер... Полная задница.

В первом кабинете хлопцы очухаться не могли, в этом Сварог был уверен, разве что кто-то зашел к ним проводить, как идет допрос или стрелкнуть понюшку табаку, и

вместо панорамного полотна «Допрос партизана» наткнулся на сей живописный натюрморт. А скорее всего сигнал с их «амперметра» ушел на какой-нибудь центральный пульт управления, куда спустя некое оговоренное время должно было поступить подтверждение или, наоборот, отмена сигнала. Так, по крайней мере, было поставлено дело в советской армии. Отмены не последовало – и закономерно взревели сирены. В общем, какая разница, отчего да почему...

Надо поднимать Рошаля на ноги, отбросив мысли о том, что магия может кому-то повредить.

– «Боро» в кабинете отключен? – спросил он у серого. Тот закивал в том смысле, что да.

Тогда Сварог встал рядом с Рошалем на колени, наложил ладони на голову охранителю, закрыл глаза, сосредоточился, вытолкнул из сознания все посторонние мысли и, шевеля губами, проговорил заклинание. Еще секунду ждал, на что-то надеясь. Но чуда так и не произошло – его магическая походно-полевая аптечка подобного заболевания не лечило... А может, и вовсе не знало.

Кинув взгляд на серого дознавателя, лицо которого было перекошено ужасом («Вот и хорошо, лишний раз баловать не станет»), Сварог вернулся к двери, приоткрыл. Пока тихо. Похоже, установить источник беспокойства им не удалось, видать, аппаратура у них слабовата, а то иначе хлынули бы сюда бойцы, заполонили бы коридор, размахивая электрическим дубьем. Электрическим... Электричество...

Сварог закрыл дверь. Не сказать, чтобы он возликовал, рано еще ликовать, вот выберемся на свободу – тогда и поликуем, но настроение у него с колен поднялось.

Хотя всего-то что и изменилось за последние секунды – родился план. Нет, все-таки человек, который видит перспективу, и тот, который не видит суть две большие разницы. Эх, если бы еще Рошаль вдруг каким-то чудом пришел в себя, поднялся бы с пола, как Илья Муромец с печи...

– Подъем! – спустя несколько секунд гаркнул Сварог.

Сотрудник спецслужбы послушно вскочил.

– Значит так, мой серый друг, – для пущей убедительности Сварог вдавил пленнику под подбородок ствол шаура. – У тебя выбор простой: жизнь или смерть. Будешь делать, что скажу – жизнь. В любом другом случае – смерть. А провал операции свалишь на нерадивых подчиненных. Даю слово, что отпущу. Можешь верить мне, можешь не верить... Ну как, живем?

Несколько секунд назад Сварог подвинул кресло к двери, забрался на него ногами и сорвал со стены деревянную распрекоробку, под которой обнаружилась панель с проводами.

«Вы обожаете электричество, – со злостью думал он, – вы души в нем не чаете, у вас тут все на нем висит и держится... Но мы тоже не пальцем деланные, все ж таки жилали в мирах, где худо-бедно пользуются тем же электричеством, штепсель от розетки отличают и короткое замыкание делают запросто».

Сварог выдрал провода и соединил их. Ясный хрен, коротнуло. Да так, что от соединенных проводов брызнул сноп синих искр, и комнатный свет погас.

Сварог включил «кошачий глаз». Да, наверное, умением видеть в темноте управляли магические механизмы, а раз так и если принять на веру, что магия вызывает

негативную побочную реакцию, то... Сварог мысленно попросил прощения у тех, кому это принесет несчастье. Но никак без «кошачьего глаза» не обойтись. Иначе им не выбраться и не выжить...

– Берем.

Они подхватили Рошалья под мышки. Там по-прежнему трещала-звенела тревожная сигнализация, горело аварийное освещение и метались люди. Здесь «кошачий глаз» Сварог за ненадобностью отключил.

– Человеку плохо, ударило током. Пропустите. Плохо, ударило разрядом, – как заведенный повторял Сварог и быстро шел вперед.

На стене в коридоре висел электрический щит – куда ж без него... Сварог приказал:

– Остановились.

Распахнул дверцу щита, срывая пломбу на дужках. Поднял шаур и недолго думая всадил россыпь зубастого серебра в сложное сплетение проводов и разъемов. Ух и заискрило же хозяйство – как пучок бенгальских огней в новогоднюю ночь...

Люди в коридоре не успели среагировать на хулиганскую выходку того, кого они принимали за коллегу в форменном сером плаще, а потом на них упала беспросветная тьма. Вот пускай и бегают впотьмах, мечутся, натыкаются друг на друга. И здорово, что хотя бы на этом этаже заткнулось тревожное верещание, лишь где-то вдали продолжало завывать. Уж очень утомились уши от всех этих сигнальных воплей...

Они прошли коридор до конца, вышли к подножию лестницы. «Кошачий глаз» окрашивал окружающее в светло-серые тона.

Широкий пролет, опутанный решетками, опоясанный металлическими лестницами и переходами, внизу был темен, наверху освещение еще горело. «Ничего, – злобно подумал Сварог, – я вам устрою жизнь при лучинах. Все коробки разворочу, кабели перебью. Отвыкли, небось, жить без лампочки Ильича?!»

Ну вот вам! Человеческий силуэт метнулся вбок, а ноша Сварога враз потяжелела.

Это пленник Сварога выскользнул из-под плеча Рошала и бросился к неприметной дверце справа. Не выдержал, решил-таки воспользоваться тьмой крошечной и своим знанием особенностей архитектурного ландшафта.

Впрочем, Сварог предполагал, что такое может случиться – ну не верил он в искреннее желание серого дознавателя подчиняться, выслуживая себе жизнь, не верил отчего-то, и все. Потому держал того взглядом, не отпускал ни на миг. И когда *случилось*, колебаться не стал. Какие уж тут колебания, какой, на хрен, гуманизм! В конце концов, он играл честно и отпустил бы человека живым. А так... Ну, извини.

Сварог поднял шаур и нажал на спуск. Дознаватель, словно споткнувшись, повалился возле дверцы, до которой ему оставался какой-то шаг.

Теперь нести охранителя предстояло в одиночку. Сварог взвалил Рошала на плечо. Хорошо, что соратник весит немного. А плохо, что теперь никто не покажет обходной путь. Придется переть напролом. Подниматься по лестнице все выше и выше, пока не выберешься на поверхность. Паршиво, что только одна рука свободна. И совсем погано, что это – его последняя и единственная попытка выбраться. Если остановят, то

в живых не оставят. А если и оставят, то вряд ли сам обрадуешься этому обстоятельству...

Под ногами загромыхали металлические ступени. Сварог всадил порцию серебра в пучок кабелей, идущих по стенам куда-то наверх. Всадил так, на всякий случай, а эффект вышел просто... как говаривала, интересничая, одна маркиза на Таларе, *изжумительный*. Погас и последний свет наверху.

Ага! Получай, фашист, гранату! Чтоб тут усё у вас накрылось медным электрическим тазом! А мы еще побарахтаемся. Зрячий против слепых – это вам, знаете ли, не кирзу хлебать и не грядки окучивать. Это, милостивые государи, раскладец...

Сварог прошел мимо какого-то деятеля, ощупью пробирающегося вдоль стены. Тот, слышав шаги, завертел головой и робко позвал:

– Кто тут?..

«Да ты, похоже, мелкая сошка. Тогда я тебе покажу "кто тут". Будешь знать, как разгуливать по лестницам».

– Молчать! – рявкнул Сварог. – Должность, звание! Отвечать!

Чего-то Сварог, может, и не умел в этой жизни, но генеральский рык в список неумений точно не входил. Достаточно вспомнить их десантного генерала Борзенко и воспроизвести его интонации, чтобы у любого, от рядового до полковника, коленки задрожали.

– Йорг-капрал Морми-Дол, ремонтник, – проблеял человек. – Иду включать автономное питание подъемника...

Лифтер! Да еще и всего-навсего капрал! Ха, ну ты попал, мон ами... Сварог моментально припомнил раз-

говор с дознавателем, а точнее – упоминание имени главы Каскада...

Брать еще одного «языка» Сварог не мог себе позволить, нельзя терять темпа. Пока в этих стенах царит неразбериха, пока никто не может толком сообразить, что происходит, пока никто не взял командование в свои руки – есть шанс, что не перекроют наглухо все входы и выходы, что можно проскочить. Да, темпа терять нельзя. А вот что можно...

– Я – верх-победитель, маркиз Арт-Гвидо, – рявкнул Сварог. Включенное «кошачье зрение» позволило увидеть, как капрал, оторвавший было ладонь от стены, снова схватился за нее, а другой ладонью – за сердце. – Со мной раненый, юнк-лейтенант Гальвиг-Тарэ. Живо доставить наверх! Почему еще не починили подъемник?!

– Господин верх-победитель, – сглотнув, с трудом выдал из себя на смерть перепуганный капрал, – я не могу добраться до аварийного блока... Ничего не видно...

– Ты что же думаешь, йорг-капрал, у верх-победителя нет прибора виденья в темноте? Ты думаешь наши ученые – бестолочи яйцеголовые?! Не смогли изобрести?! Отвечать! Молчать! Будешь говорить, куда идти, как найти аварийный блок, как он выглядит, станешь держаться за меня. Понял?! Я, маркиз Арт-Гвидо, стану твоими глазами, – и Сварог, решив, что лифтер напуган до нужной кондиции, перешел на задушевный тон: – Ты уж, сынок, постарайся. Поднатужься, сынок. А о повышении по службе не горюй, будет. Заждался, поди, повышения?

И «сынок» постарался. Совместными усилиями они добрались до аварийного блока, включили рубильник ав-

тономного питания, потом двинулись к подъемнику. Будь на месте йорг-капрала более внимательный и менее напуганный близостью высочайшего начальства человек, он бы наверняка обратил внимание на всякие несуразности и неувязки. Например, на то обстоятельство, что «маркиз Арт-Гвидо» не привлекал никого из каскадеров, мимо которых они проходили, а сам тащил на плече какого-то раненого юнк-лейтенанта. Но нет, йорг-капрал так ничего и не понял вплоть до кабины подъемника.

И каково же было его удивление, когда в слабом свете аварийной лампочки он увидел перед собой *не того*. Значит, понял Сварог, лицезрел он все-таки когда-то доподлинного маркиза Арт-Гвидо... Удивление сменила обида. Он, верно, решил, что его разыграли. Вряд ли он успел подумать о чем-то уж совсем криминальном – ведь на человеке, выдававшем себя за главу Каскада, был как-никак форменный плащ.

– Извини, сынок, ничего не поделаешь, – сказал Сварог и аккуратным точечным ударом, сложенными щепоткой пальцами, отключил лифтера.

Сварог опустил рычаг под цифрой «1», и лифт пополз вверх. Сквозь решетку лифта Сварог видел мечущиеся на этажах лучи фонарей, в свете фонарей видел людей, напряженно всматривающихся в шкалу прибора «Боро-4». Чтобы никакие лампы «амперметров» вдруг не загорелись в темноте зловещим красным светом, Сварог «кошачий глаз» отключил...

Как ни странно, никто его не остановил по дороге от лифта к выходу во двор, хотя люди по дороге попадались. Видимо, появление с раненым на плече вписывалось во всеобщий переполох.

Во дворе стояли машины. Сварог обежал их взглядом. Ага, вот то, что нужно. Тяжелый широкий то ли вездеход, то ли автобус на гусеничном ходу. В общем, думается, штука эта предназначена, чтоб перевозить целое подразделение Каскада по пересеченной местности. К ней-то Сварог и направился.

– Эй, вы куда?..

Сварог оглянулся. Окликнувший его человек в черно-зеленом плаще держал в руке выдвинутую электродубинку. Эт-то плохо...

– Человека рядом ударило, не видишь? – с надрывом закричал Сварог. – Там внутри моя сумка с медикаментами, понял? Я там ее оставил. Да помоги ж ты, чего стоишь!

Секунду черно-зеленый размышлял. Потом нажал кнопку на рукояти дубинки, дубинка сложилась, он откинул полу плаща и прицепил ее к поясу. И взялся помогать Сварогу вносить бесчувственного Рошалья в салон вездехода.

– Где же сумка? – завертел он головой, когда они осторожно положили охранителя на широкое заднее сиденье.

– Где, где... В Караганде, – ответил Сварог и уж которого человека отправил в беспамятство выверенным (и, думается, отработанным сегодня до полного автоматизма) ударом.

Сварог прошел вперед и сел на водительское место. Осмотрелся. Руль – это понятно. С остальным – не очень. Что ж... Его наделили должным заклиниванием, и сейчас необходимо было пускать его в ход. Вдохнул, выдохнул, произнес...

Ключа зажигания не требовалось, как, впрочем, отсутствовало и само зажигание. Стало быть, этот везде-

ход тоже из породы электромобилей, и – слава всем местным богам и механикам! – батареи были заряжены под завязку. Правда, вряд ли могло быть иначе – спецтехника всегда должна находиться в готовности к срочному выезду. Что ж, вот выезд и случился.

Сварог открыл крышку со стрелкой, щелкнул тумблером. Зажглась лампочка над надписью «прогрев механизмов». Теперь надо ждать, пока прогреется – никуда не денешься...

А, бля!

Если и можно сказать, что в чем-то Сварогу до этого везло, то сейчас везение закончилось. Потому что его вычислили. Как – неизвестно, то ли кто-то из нокаутированных очухался, то ли некто бдительный из караульной будки взгляделся в идущего по двору человека и признал в нем недавнего арестованного. Или они с помощью своих чудо-«амперметров» оперативно среагировали на заклинание, которым воспользовался Сварог, чтобы освоить вездеход. И сейчас отовсюду к машине бежали черно-зеленые бойцы, выдвинув дубинки на полную боевую готовность.

– Так просто, ребята, я вам не дамся, – процедил сквозь зубы Сварог, вновь вытаскивая из-за пояса шаур. – Только суньтесь ко мне...

Наконец зажглась лампочка над надписью «прогрев завершен». Сварог тронул рычаг с деревянным набалдашником в виде женской головы, и под ногами загудел мотор. Вездеход дернулся и поехал.

Ворота, железные, двустворчатые, находились прямо перед Сварогом. Но ему необходимо было набрать скорость, хотя бы кружочек описать по двору.

Разворачиваясь, тяжелая машина задела припаркованный рядышком электромобиль, и тот отлетел в сторону со смятым капотом. Никто из черно-зеленых бойцов не рисковал вставать на пути столь серьезного транспортного средства, все разбежались. Вот и ладушки... Сварог, завершив круг, направил вездеход на ворота.

Сведенные темно-синие створки надвигались. Из караульной будки выскочил человек все в том же черно-зеленом плаще, встал перед воротами, яростно замахал руками. Извини, приятель, неубедительно. Охранник успел отскочить в самый последний момент.

Ворота слетели с петель, легли под колеса, и, прогромыхав по ним, тяжелая машина вырвалась на улицы города.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАПЕРЕКОР СУДЬБЕ

ЛЮДИ В ЯНТАРНЫХ ХАЛАТАХ

«В такой больничке я бы повалялся с недельку. Нервишки бы поправил и вообще...», – мрачно думал Сварог, безостановочно расхаживая по коридору. Этот коридор разительно отличался от тех, что ему совсем недавно приходилось созерцать.

Например, виды отсюда открывались прелестные. Не на какие-нибудь обшарпанные казенные кабинеты, за дверями которых засели каскадовские бюрократы с оловянными глазами, а на площадку с цветочными клумбами, песочными дорожками, с ажурными скамейками, со скульптурами и фонтанами. А вокруг всей этой благодати шумит сосновый лес. Ходишь по коридору и наблюдаешь сквозь окна от пола до потолка, протянувшиеся во всю длину коридора, такую вот душеуспокоительную картину – чем плохо?

И пахло здесь приятно. Какими-то травяными эликсирами. Хотя, согласно канонам, должно пованивать карболками и анализами – больница ж все-таки.

И еще одно обстоятельство обращало думы Сварога к теме заслуженного отдыха на здешней больничной койке. Весь обслуживающий персонал больницы составляли женщины. Даже каталки катали и носилки носили исключительно барышни. В чем тут причина – то ли медицина в Короне считается ремеслом только для женщин, то ли эта больница находится на попечении женского монастыря – Сварог над этим голову не ломал. Важен ис-

ходный факт, то бишь приятное окружение. А некоторые сестрички, проскакивающие мимо Сварога и заинтересованно стреляющие глазками, вполне даже ничего... на лицо прекрасные, добрые внутри.

А вот что касается всего остального помимо лица и доброты в глазах – ну там стройности фигуры, всяких округлостей и выпуклостей, – то приходилось лишь догадываться и предполагать, ибо толком ничего разглядеть под скрадывающими формы просторными, мешковатыми халатами янтарного цвета не удавалось. И не поймешь, кто перед тобою – блондинка, рыжая или брюнетка, потому что волосы полностью закрывает высокий головной убор того же янтарного цвета, с вуалью, которая, надо думать, заменяет при необходимости марлевые повязки. Однако ежели все-таки ненадолго задержаться при лечебнице, то есть все шансы не торопясь, обстоятельно разобраться и в формах, и в оттенках...

По правде говоря, Сварог предавался игривым мыслям вовсе не искренне и веселости в себе не чувствовал. Он сознательно *нагонял* в себе игривость и веселость, чтобы отвлечься от неприятных мыслей. Чтобы совсем духом не увянуть. Но не слишком-то удавалось. Никак не прогнать мрачные раздумья. Его поймет всякий, кто когда-либо вот так же выпшагивал перед дверью медицинского кабинета, откуда должен выйти врач и сообщить врачебный приговор...

Разумеется, Сварог подкатил к больнице не на вездеходе – иначе бы по пути он передал полгорода, перемаял не одну сотню мелких штатских электрических автомобилей, разнес вдребезги несколько светофоров и лотков с фруктами, да вдобавок наверняка притащил бы на хвосте табун полицейских машин с мигалками.

На вездеходе Сварог проехал всего лишь квартал, заехал в переулок, остановился возле пустого электромобиля, припаркованного к краю тротуара. Проблемы завладения чужим транспортным средством в Короне не стояло – похоже, такое преступление, как угон, до тутошних пенатов пока не добралось. Все машины были с открытым верхом, а кожаную складчатую, как у кабриолетов, крышу без необходимости типа такой, как дождь или снег, они не опускали. Запрыгивай и поезжай. Что господин граф-милорд-король и проделал.

Правда, прежде Сварог перенес в машину Рошалья, поднял кожаный верх, а потом еще и вернулся в вездеход. Врубил заднюю передачу, зафиксировал рычаг и выскочил на улицу. Отъезжая в новой машине, в зеркало заднего вида он наблюдал, как славная гусеничная тачка стала медленно пятиться. В планы Сварога входило всего лишь перегородить переулок. Чем больше шуму-гаму будет на пути каскадовских машин, которые, бесспорно, ринутся в погоню, тем лучше. Однако предоставленный сам себе вездеход с задачей справился плохо: нет чтобы просто упереться в стену дома и заглохнуть, он же, изменив приданную ему Сварогом траекторию, въехал тяжелым железным задом в витрину магазина, выдавил стекло и па-ашел сшибать прилавки и давить товар. Наполовину скрывшись в витринном окне, он наконец напоролся на что-то несдвигаемое там, внутри, и замер.

Вскоре Сварог еще раз поменял транспорт, который видело слишком много людей. Проделал это безо всякого шурум-бурума, без шума и пыли и вообще без всякой публичности. Вспомнив гангстерскую классику, заехал в тихий дворик, углядел там одинокую машину, остано-

вился возле нее дверца к дверце. И через минуту покинул дворик уже на другом авто.

Вырулив на улицу, Сварог заглушил электромотор возле первой попавшейся книжной лавки, заскочил в нее, купил справочник по столице взамен оставшегося в первом плаще. Кстати, серый с бронзовыми застёжками плащ тоже не мешало бы поменять на что-нибудь менее одиозное. Уж больно привлекает внимание. Продавец книг аж с лица спал, завидев у себя в лавке клиента, выставляющего напоказ принадлежность к такой серьезной конторе. Полистав справочник, Сварог выбрал лечебницу, располагавшуюся за чертой города – уж очень хотелось убраться подальше от Каскада. После чего, поглядывая на соседнее сиденье, где лежал справочник, раскрытый на карте, с Рошелем на заднем сиденье, он влился в не шибко плотный электромобильный поток. Ехал он со скоростью потока, никого не подрезая, не обгоняя, все соблюдая. Короче, не придерешься. Эх, давненько я не держал в руках руля...

Несколько напрягал проезд через поля ветряков. Слишком уж легко перекрывался выезд из Вардрана – на паре дорог кордоны поставить, и все. Алес. Лады, как только появятся рогатки и толкущийся возле них народ в подозрительных плащах с еще более подозрительными дубинками, тут же разворачиваемся и ищем больницу в черте города... Черт, Каскаду известно о болезни Рошала, то все лечебницы тут же окажутся под колпаком... Но выбора не было.

Пронесло, однако, – машущий крыльями ветряной лес остался позади.

Да-с, милостивые государи, что-то плохо сработал Каскад. Или до сего дня не было у них подобного преце-

дента и по причине ненужности в их арсенале отсутствуют планы вроде легендарных «Перехват» и «Невод», или каскадовцы вбили себе в головы, что преступник не так глуп, чтобы предпочесть воздушным и морским путям дорогам самую ненадежную и опасную — электрообильную стежку. Или это все-таки сам Сварог сумел ввести каскадовцев в заблуждение? Быть может, они нашли машину, брошенную во дворе, и поскольку об угоне еще одной машины никто не заявил, пришли к выводу, что преступник скрылся где-то поблизости. И сейчас браво прочесывают окрестности того дома...

Наряду с облегчением, Сварог, миновав ветряки, испытал и что-то вроде легкого разочарования. От Каскада можно было ожидать большей оперативности. Подкачала секретная служба, несколько померкла в его глазах.

Поскольку до больницы было уже недалеко, перед Сварогом встала проблема: создавать ли деньги? Справочник ничего не сообщал о том, бесплатное в Короне здравоохранение или обдирают как липку. В общем, и правильно — каждый честный гражданин сам должен знать такие вещи, а нечестным обращаться рекомендуется не в больницы, а напрямую в Каскад, где его быстрее вылечат ото всего заразного.

Поразмыслив, Сварог решил с заклинаниями не топиться. В свете новых знаний прибегать к магии следовало в самых крайних случаях...

Уже видны были за перелесками белоснежные корпуса больницы, до них оставалось не больше лиги, когда замигала лампочка, предупреждающая о том, что батареи на исходе. Кстати, как заправляется-заряжается драндулет, Сварог понятия не имел. Вероятно, имеются какие-то

заправки, аккумуляторные, там, конденсаторные... Видел Сварог на обочине дорог строения, которые, возможно, и являлись теми мифическими электрозаправочными станциями. Над всеми над ними было укреплено условное изображение костра, взятое в треугольник.

Никаких костров в треугольнике среди елок и сосен не проглядывало, равно как и строений, и Сварог уже смирился с тем, что придется опять переходить на безотказный ножной транспорт... В лучших традициях автопробегов он заглох аккурат на финише и к больничному крыльцу подкатил на одной лишь инерции хода.

Сварог прекрасно отдавал себе отчет, что его немедленно начнут расспрашивать: «Кто вы? Кто он? Что случилось?» – и заготовил оригинальнейший ответ: «Еду. Вижу лежит. Поднял, привез». Сбежавшие по ступеням крыльца женщины в янтарных халатах ограничились лишь одним вопросом:

– Что с ним?

Сварог ответил обтекаемо, оставляя себе пространство для маневра:

– Присутствовавшие при приступе люди утверждают, что сидел человек, был нормален, вдруг упал, лицо приобрело вот такой отталкивающий цвет, и с тех пор в себя не приходил. Но жив, дышит. Случилось это стражу назад.

И больше никто ни о чем не расспрашивал. Рошалья при помощи Сварога переложили на каталку и при его же помощи покатали вверх по пандусу. Каскадовский плащ Сварог оставил в машине, свернул и засунул под сиденье: нечего людей пугать. И вот теперь в ожидании, когда к нему выйдет врач, Сварог ходил взад-вперед по коридору. Если

одну стену занимали окна от пола до потолка, то другую обитые чем-то мягким двери. За одной из этих дверей сейчас и осматривали мастера охранителя...

Дверь как раз этого кабинета распахнулась, вышла высокая женщина. Сварог направился к ней.

— Прошу в мой кабинет, — холодно сказала она, отбрасывая с лица вуаль.

Кабинет с табличкой «Эйлони-Митрот. Патронесса шестой королевской больницы» находился в конце коридора.

Она вошла первой, Сварог следом. Он прикрыл дверь, огляделся с порога. Ничего лишнего: стол, два стула, два серых ящика в углу, вертящаяся стойка с колбами и пробирками, топчан, шкафы. На всех дверцах шкафов был изображен тот же символ, что украшал и янтарные одежды медперсонала, — цветок одуванчика, обрамленный контуром короны с тремя зубцами, и, не иначе, означающий, что наше здоровье так же разруσιμο, как и этот цветок. Портреты на стенах, мужские и женские. Мужчины сплошь бородаты и высоколобы, на их счет сомневаться не приходится — ученые, внесшие вклад в торжество медицинской мысли, женщины в таких же высоких головных уборах, что и сейчас на патронессе. А вот дамы сии, думается, — предшественницы нынешней патронессы на посту начальницы лечебного заведения... И что еще бросалось в глаза: напрочь отсутствовали всякие милые женские мелочи, которыми обрастают даже служебные комнаты, если их обживают представительницы слабого пола. Всякие там цветочки в вазе, розовые занавесочки, пуфики, зверюшки в виде картинок и мягких игрушек, пудра или помада среди разбросанных карандашей, шо-

коладки на подоконнике... Ничего. Во всем серьезный, насквозь деловой кабинет. Такой же, похоже, как и его хозяйка.

Патронесса Эйлони дошла до стола, вдруг развернулась и стремительным шагом направилась к Сварогу. Остановилась перед ним, взглянула в упор.

– Что с ним? – спросил Сварог.

– Послушайте... – начала она и вдруг осеклась, о чем-то глубоко задумавшись. Потом выдохнула, словно наконец-то набралась решимости, и произнесла: – Я на вашей стороне.

У Сварога кольнуло сердце. Ч-черт... Черт, черт, черт...

– Спасибо, – выдавил он. И повторил: – Что с ним?

– С ним? Вы не поняли, – она закусила губу. Провела ладонью по лбу, словно смахивая усталость. И заговорила очень быстро: – Слушайте меня внимательно. У вас совсем нет времени. Я только что подписала коронную бумагу, удостоверяющую смерть пациента...

– Умер?!

– Подождите! – она притопнула ногой. И тут же взмолилась: – Прошу вас, не перебивайте! Ваш товарищ жив, но... Но это сейчас неважно. Мне надо договорить. Я распорядилась отправить его в городской Ледяной покой. Сейчас его переносят в мобиль «последнего пути». Вы должны его сопровождать. Вместе с вами в машине будет *наша* женщина. На повороте к городу она остановит машину, выйдет, и вы сядете за руль. Потом она расскажет, что вы ее вытолкнули силой и направились в сторону от города. А на самом деле вы направитесь к городу. Доедете до развилки Два ручья... Знаете, где это?

– Понятия не имею, – сказал Сварог. И подумал: «И вообще ни хрена не понимаю».

– Едете в сторону города, вам нужна вторая дорога, сворачивающая с шоссе слева по ходу движения. Дальше двигаетесь по этой дороге до указателя «Поской». Свернете там, и вскоре дорога приведет вас к моему дому. Других домов ни по пути, ни поблизости нет, можете не опасаться, что кто-то вас увидит. Сейчас я напишу записку, отдадите ее человеку, который вас встретит. Это мой слуга, во всем верный человек. Больше никого в доме нет. Он позаботится обо всем. И о машине, и о вашем друге. Он знает, что надо делать. И ждите меня. Я буду через три стражи... Думаю, больше времени не займет уладить формальности с Каскадом...

– С Каскадом? – вырвалось у Сварога.

– Да. Дело в том, что мне позвонили... – Она показала на ящик со знакомым уже Сварогу символом – трилистником, перечеркнутым красным крестом. – Дали ваши приметы. Я не могла соврать. Потому что, вы должны понимать, им бы все равно рано или поздно доложили. Тут много работает... оплачиваемых Каскадом людей. И если бы в Каскаде узнали, что я скрыла правду... – патронесса горько усмехнулась. – Ну, вы-то имеете представление, *что* меня бы ждало. А так я им сказала, что два человека, схожие по приметам с теми, кого они ищут, обратились в нашу больницу. Ну, то есть не оба обратились... потому что один из них был уже мертв, когда попал к нам, и согласно императорскому уложению о содержании больных мы тут же отправили его в городской Ледяной покой, а вы... вы отправились его сопровождать. Пусть ищут вас в Ледяном покое, на пути в город, здесь

пусть ищут, где хотят. Но искать у меня им и в голову не придет, потому что я сама их вызвала, потому что я на хорошем счету и так далее. Поверьте мне, я на вашей стороне. Ну зачем мне затевать столь сложную игру, если б я желала вам зла? Тогда проще было бы задержать вас, до приезда Каскада. Все! Вам надо спешить, они уже на пути сюда.

Мысли в голове Сварога походили сейчас на растревоженный улей. Ловушка Каскада? Подпольщики? Таинственная третья сила?

– Ответьте мне на один вопрос...

– Умоляю! – она прижала руки к груди. – Я потом вам все объясню.

– Скажите мне только, что с моим другом?

– Потом, – твердо сказала она. – Времени совсем не осталось.

– Это работа Каскада?

– Каскада?.. Господи, конечно, нет! Ну быстрее же вы!..

«Чтобы за всем этим не скрывалось, но в одном она, бесспорно, права – ей действительно проще было бы задержать меня до приезда Каскада», – вот о чем подумал Сварог. И сделал выбор.

– Как мне пройти к той машине? – сказал он.

– Я вас провожу...

ПАТРОНЕССА И ГРАФ

Человек, открывший Сварогу дверь, был невысок, космат и горбат – потертый плащ свешивался с его перекошенных плеч до пола. Он с неодобрением оглядел Сварога, на приветствие не ответил, а просто молча взял протянутую записку. Сварог припомнил одно из наблюдений Гора Рошаля над местными обычаями: человек без плаща считается в Короне кем-то вроде беспаспортного бродяги. Или, попросту говоря, бомжа. Плащ у Сварога отсутствовал – отсюда и отношение...

Впрочем, взгляд того, кого патронесса поименовала слугой и верным человеком, не помягчел даже после того, как он прочитал записку хозяйки, даже наоборот: еще более посуровел. Похоже, он больше обрадовался бы, окажись Сварог бродягой, заявившимся в поисках подаяния, – тогда его можно было прогнать без затей, а так приходится впускать в дом, да еще и озадачиваться его проблемами. «Эх, милый, знал бы ты, с кем разговариваешь...», – отстраненно подумал Сварог.

– Где там ваш больной? – нехотя проговорил горбун, глядя в сторону.

Они перенесли Гора Рошаля в одну из комнат двухэтажного просторного особняка, оказавшейся прямо-таки больницей на дому, – аппараты непонятного назначения вдоль стен, стойки с колбами и пробирками, на полках стеклянного шкафа, на отдельных салфеточ-

ках – хирургические инструменты самого что ни есть пугающего вида... Они положили охранителя на явно операционный стол, стоящий по центру помещения. Шаркающей походкой горбун обошел стол, перекинул рычажок на одном из аппаратов, отчего тот загудел и на нем зажглись зеленая и красная лампочки. Горбун еще пощелкал какими-то рычажками, после чего надел на голову мастера охранителя обруч с эбонитовыми кру-гами, соединенный с включенным аппаратом шнуром. И буркнул:

– Все. Пойдемте. Провожу вас в вашу комнату.

– Мое присутствие и помощь не нужны? – вежливо сказал Сварог, показывая на операционный стол.

– Вас *велено* проводить в вашу комнату. Идемте.

Сварог пожал плечами и последовал за «верным человеком». Погруженными в полумрак коридорами, скрипучей винтовой лестницей тот провел Сварога на второй этаж. Открыл какую-то дверь...

– Дожидайтесь госпожу патронессу здесь.

Мог бы еще добавить: «А не шастайте по нашему дому». Но не добавил, просто ушел.

К черту все, сил никаких нет, чтобы хоть приблизительно понять, что происходит, за какой конец надо потянуть, чтобы распутать завязавшийся узел... Спать, спать. Надо выспаться, а уж потом, с ясной головой начать обдумывать создавшееся положение. «Умирает каждый, с кем мы познакомились», – сказал Рошаль. А Сварог на это ответил легкомысленно: «Тогда одним из них в вашем черном списке должен быть либо я, либо вы...» Значит, охранитель был прав в своих подозрениях... Нет, твари, так просто я не сдамся, не на того напали...

Кровать в комнате имелась, и на том спасибо – узкий кожаный диван с толстыми валиками по бокам. Помещение, в которое его привел горбун, более всего походило на библиотеку: книжные шкафы под потолок, стол с письменными принадлежностями и набором курительных трубок, диван – вот и все убранство.

Он прилег, закрыл глаза... Но сон не шел. Сварог еще находился в том состоянии перевозбуждения, когда разум вопит об отдыхе, а нервы не подчиняются, нервы еще взведены, как курки. Тогда он встал, прошелся взад-вперед по комнате, подошел к окну, откинул занавеску, распахнул раму. Курить хотелось очень, но трубку набивать не было сил, а прибегать к магии... в общем, похоже, от магии придется отвыкать. «Эй, – мысленно сказал он той *третьей* силе, о которой говорил Рошаль, – а я ведь до тебя доберусь. Будь ты хоть трижды Великий Мастер, хоть еще кто. Так что – жди в гости и готовься...»

Третья сила, разумеется, промолчала.

Близился вечер, на запущенный сад легли таинственные тени наступающих сумерек. В донесшемся стрекоте Сварог распознал гудение мотора электромобиля – горбун выполнял предписание хозяйки «позаботиться о машине». Скорее всего, больнице придется раскошелиться еще на один мобиль «последнего пути»...

Вздохнув, Сварог вернулся к шкафам, вытащил с полки первую попавшуюся книгу, не глядя на название. Завалился с нею на диван, открыл наугад.

«Музыкальный вал проигрывал мелодию звездных ночей. Музыка не мешала серьезным разговорам, которые вели преимущественно мужчины, разбившись на группы. Разговоры дам были далеки от политики, и потому в

ярко освещенных залах посольства обсуждаемые женщинами темы никак не могли быть причислены к серьезным. Что ж может быть серьезного в модах, в синематографических премьерах, в романтических похождениях членов императорской семьи, в сплетнях по поводу романа маркизы Доль с балетмейстером двора бароном Бо-Номи, в горячем обсуждении вопроса, прилично или неприлично носить парики?

В каждом из дымящих трубками мужских кружков, куда бы ни отклонялись политические беседы, – начинала звучать тема величия Короны...»

...Проснулся он от прикосновения руки. Открыл глаза и увидел над собой знакомое лицо.

– Простите, что разбудила, – сказала стоявшая возле дивана патронесса Эйлони. – Вы выглядите усталым...

Нет, лицо было незнакомое – теперь, сменив строгий янтарного цвета костюм на сиреневое трико без пояса с наброшенным поверх прозрачным, кажущимся невесомым плащом, Эйлони словно преобразилась. Светлые волосы, шапочкой не удерживаемые, свободно ниспадали на плечи, вуаль более не скрывала огромных синих глаз. Даже, кажется, помолодела... Да нет, не помолодела – она и была молодой, это врачевный халат ее старил, превращал в холодного и практически бесполого эскулапа... Блин, да она была просто красавицей...

– Вам, наверное, здорово досталось от... *них*? – тихо спросила она.

– Перепало немножко, – сказал Сварог, садясь и протирая глаза. – Что с моим другом?

Патронесса присела рядом с ним на диван, ответила, глядя в стену напротив:

– У него... каменная лихорадка.

– Эт-то еще что такое?!

– О ней мало кто знает. Я, например, впервые сталкиваюсь с таким случаем – до этого только читала в справочниках по истории медицины. И ни от кого из моих практикующих коллег не слышала, чтобы кто-нибудь подцепил ее в наше время... В больнице, пока не приехали люди из Каскада, я просмотрела кое-какую литературу – последний случай каменной лихорадки зафиксирован в Короне больше ста лет назад.

– Час от часу не легче... – вырвалось у Сварога. – Где он ее подцепил... И что? Неизвестно, как лечить? Утрачены секреты лекарств?

– Каменная лихорадка неизлечима... Что вы сказали?

Сварог не стал переводить патронессе незнакомые слова, проговорил быстро:

– Это смертельная болезнь? Или жить будет, но останется инвалидом? Или впадет в кому? Послушайте, доктор...

– Просто Эйлони.

– Слушайте, Эйлони, я же ровным счетом ничего не знаю. Я не врач, я не... В общем, что это за штука такая, разъясните поподробнее. И если возможно обойтись без терминов, то лучше обойдитесь.

– Хорошо, – сказала она. – Вы впечатлительный человек?

– Я солдат, а это знаете ли...

– Я поняла, – она поднялась с дивана. – Тогда вам можно показать.

Она подошла к одному из книжных шкафов, уверенно выдернула из строя золоченых корешков нужную книгу, вернулась на диван. Села, положив на колени толстый том в красном переплете. Сварог глянул на название: «Болезни, которые мы победили». Оптимистично, бляха-муха...

— Считается, что каменная лихорадка пришла к нам с Ханнры, а благодарить за нее следует некое племя ошлодо, населявшее южные леса этого материка, — размеренно начала она. — Одни историки медицины уверяют, что болезнь появилась в Короне вместе с рабами, которых привозили оттуда, другие считают, что болезнь наслана на нас шаманами племени, исповедовавшего странный и нигде более не встречавшийся языческий культ, — наслана за то, что мы увозили в рабство их соплеменников...

В общем, насколько понял Сварог, сто сорок лет назад Корону поразила самая страшная за всю историю Гаранда эпидемия. Сперва полагали, что ее разносчиком является вирус, передающийся либо при контакте, либо воздушно-капельным путем. Потом установили, что это не так — заболели даже те, кто содержался в глухой изоляции, например, члены императорской фамилии. И наоборот: некоторым из тех, кто находился в постоянном контакте с больными, удавалось избежать заражения... Да и вирус выделить не удалось. Короче, цивилизации мог наступить полный кердык, если б не один деятель.

Не врачеватель и не ученый — простой вояка, некий штабен-йор Ордин-Крог. Про то, как ему пришло в голову предположение о первопричине болезни и способе ее устранения, ни в одной из книг не рассказывалось, а сам

Оркин Крог мемуаров после себя не оставил. Но – вот пришла, и как-то он сумел убедить в своей правоте непосредственное начальство. Судя по всему, бравый штабен-йор жил по принципу: «Проще не обойти дерево, а срубить его», – и, конечно, его вело по жизни тщеславие, которое в конечном счете и погубило, но это уже другая история.

Итак, начальство поддержало инициативу штабен-йора Оркина-Крога – поддержало, думается, от полной безысходности. В те годы все, от простолюдинов до императорской семьи, жили в страхе, что завтра болезнь войдет и в его дом. Оркин-Крог возглавил Бронзовый поход. Три батальона высадились с транспортника «Королева Эшта» на южной оконечности Ханнры и с трех сторон вошли в лес, где обитало племя ошлодо.

– Сейчас я покажу, как это выглядело, – сказала Эйлони и принялась листать книгу. – За два месяца солдаты Оркин-Крога вырезали под корень все племя ошлодо. И эпидемия прекратилась. С тех самых пор ни одного случая каменной лихорадки на территории Короны зарегистрировано не было... Вот, посмотрите.

Ее длинный ненакрашенный ноготь коснулся левой страницы, где была помещена гравюра, изображающая битву. Вернее, резню, а не битву. Солдаты в кирасах и пластинчатых шлемах ворвались в деревню, поджигали сложенные из тростника хижины и убивали всех подряд, не делая исключений ни для женщин, ни для детей. Аборигенов – невысоких темнокожих людей в набедренных повязках – рубили саблями и секирами на длинных рукоятях. Пытавшихся спастись бегством выцеливали стрелки...

На переднем плане гравюры стоял, подбоченясь, писанный красавец с орлиным взором – без защитных доспехов, без шлема. Изогнутой саблей он указывал кому-то куда-то – не иначе, показывал направление следующего удара. Тут даже нечего смотреть подпись под гравюрой, чтобы убедиться: это и есть тот самый Оркин-Крог, герой Гаранда, инициатор Бронзового похода. А в правом верхнем углу гравюры была изображена такая сценка: аборигены, окружив, своими телами прикрывали пожилого, увешанного амулетами человека, – как пить дать, шамана. Тот воздевал руки, призывая богов спасти его народ от кровожадных чужеземных погубителей...

На правой странице тоже имелась гравюра, изображавшая прямо противоположные события: несколько солдат, чьи кирасы и шлемы валялись на земле, висели на деревьях головами вниз, а аборигены разводили большой костер и деловито точили ножи. В общем, судя по всему, в том походе доставалось и людям энергичного штабен-йора...

– А теперь посмотрите на это.

Она перевернула страницу. Еще одна гравюра, которая отношения к Бронзовому походу не имела. На деревянной кровати лежит обнаженный мужчина в окружении рыдающих родственников, а чуть в отдалении держится женщина, на ее одежде ясно виден цветок одуванчика в короне с тремя зубцами. Женщина-врач в бессилии опустила руки и потупила взор – больному уже ничем помочь нельзя. Человек на кровати худ, как узник Освенцима. От поясницы до головы кожа заштрихована черным цветом. А руки и ноги вдеты в петли, приделанные к кровати.

– Петли – это для того... – медленно проговорил Сварог.

Патронесса кивнула:

– Последняя стадия проходит очень тяжело. Перед... отходом в иной мир человек приходит в сознание. Всегда. Если лихорадка порождена человеческим умыслом, то нельзя было придумать ничего более ужасного и жестокого. Если не пользоваться петлями... больные пытаются покончить с собой, не в силах вытерпеть телесные муки.

Сварог выдавил из себя, деревянно выговаривая слова:

– Вы хотите сказать, что то же самое ждет моего друга?

– Я бы хотела вас утешить, но... ведь вы солдат.

– Как протекает болезнь?

– Всегда одинаково. Переход от нормального состояния к патологическому мгновенный. Человек сразу погружается в состояние беспамятства и, как я уже сказала, выходит из него только в день, когда его настигает смерть. С первых минут его лицо приобретает сиреневый оттенок. На груди тоже появляется сиреневое пятно, оно укрупняется с каждым днем, пока весь кожный покров туловища не становится... ну, вы видели гравюру. У вашего товарища присутствуют все симптомы этой болезни, в том числе и пятно на груди. Потом главное: его кровь в трубке Рокси показала смешение цветов, характерное только для этой болезни. Никакое другое заболевание не дает такое чередование оттенков.

Патронесса закрыла книгу.

– Болезнь длится, как правило, десять – двенадцать дней. Известны случаи, когда больному удавалось прожить девятнадцать дней.

– А случаи выздоровления? Что известно о них? – быстро спросил Сварог.

– Ничего. Ни один случай исцеления в истории медицины точно не описан, – она замялась. – Под точностью я подразумеваю удостоверенный...

– А неточно? – перебил Сварог. Какая сейчас, к дьяволу, вежливость!

– Неточно известны два случая выздоровления. Но вы же понимаете...

– Расскажите о них. Они описаны?

– Да. И довольно подробно. Однако свидетели не вызывают доверия. Моряки. Вы же не верите в рассказы о морских дьяволах и Пенной Женщине?

– Эйлони, – Сварог заглянул ей в глаза, – многое из того, что я считал немыслимым и невообразимым, вдруг превращалось для меня в повседневность.

– Вот. Тогда прочитайте сами.

Патронесса, оказывается, держала пальцем страницы, посвященные каменной лихорадке, словно предчувствуя, что к ним придется вернуться. Сварог схватил книгу.

«Известно, что на всех кораблях, ходящих одним и тем же составом не первый год (смена нескольких человек не в счет), развивались свои традиции – помимо традиций, общих для всего флота. Любой замкнутый мирок рано или поздно начинает порождать свои неписанные законы и установления. Скажем, на "Блэйге", разведывательном корабле, где служил штурманом мой отец, был заведен такой обычай: тех, кто впервые принимал учас-

тие в миссии, заставляли, с серьезными лицами убедив в необходимости этого, в тяжелых боевых доспехах выкапывать на берегу котлован якобы под склад продовольствия. Ох, и потели же они на этой работенке! Вот такой на "Блэйге" сложился обряд посвящения новичков в разведчики. Ну да известно – у разведчиков нравы, равно как и шутки, по-солдатски грубоватые»...

Абзац мимо, лирику пропустить. Еще абзац долой, так, читаем дальше...

«У нас, у картографов, не у всех, конечно, а у экипажа "Взрезающего" в традицию превратились пикники на необитаемых островах в последний день перед возвращением домой. На этом острове мы расположились в просторной нише у самой вершины горы из гранита и песчаника, напоминающей пирамиду, что стоит возле города Олошдоль, разве что менее правильных форм. Укрепленные на вершине и по склону факелы выхватывали из темноты: резцы и коренные зубы скал, на вершинах которых причудливо кривились силуэты крученых-перекрученых ветрами елей, впадины с болотцами, чья поверхность отливала оловом, островки растительности, переплетающейся стволами, стеблями и ветвями, чтобы группой устоять под штормовыми ветрами, крупных хищных птиц, в панике начинавших бить крыльями воздух, когда попадали на свет. Сарк-Дани играл нам на флейте, а мы пили красное вино «Ложель» с виноградников Солнечных долин, хмель от которого держится в голове несколько минут и потом выходит быстро, как воздух из надувного шарика, вызывая в этот момент ощущение сродни тому, что испытываешь на качелях, ухая вниз с большого подъема».

Твою мать, где же про лихорадку?! Поэтично, про-
никновенно, вызывает зависть, но на фиг публиковать
весь отчет какого-то грамотного моряка-картографа в
справочнике по болезням! А, вот, наконец-то, дошли...

«На следующее утро мы обнаружили двух наших то-
варищей, юнгу Биан-Гоша и картографа из третьего взво-
да Ават-Трого без сознания и с посиневшими лицом.
Один лежал в своей койке, другого нашли на берегу в
полусотне шагов от корабля...»

Далее следует детальное описание симптомов и тече-
ния болезни, это нам неинтересно, про это мы уже на-
слушались. Так, продолжаем отсюда...

«Мы решили похоронить их не по флотскому обычаю,
а по сухопутному, то есть предать земле. Для чего капи-
тан распорядился отложить отплытие на шесть-семь
дней. Экипаж не роптал, решение капитана не поддер-
жал только верх-помощник Фрег-Олл, ну да он всегда
всем был недоволен, достаточно вспомнить шторм в
Жемчужном проливе, когда он...»

Пропустить. Так, так, где у нас дальше по существу?
Вот.

«Фрег вернулся на корабль с берега и показал всем,
что он нашел в горах. Минерал, размером с орех, про-
зрачный, похожий на алмаз. Верх-помощник рассказал,
что он нашел возле потухшего вулкана в разломе скалы
блестящую, как россыпь брильянтов, жилу. Он попытался
сперва отковырять кусок ножом, но только лезвие сло-
мал. Потом пробовал отбить другими камнями, и тоже
ничего не вышло. Тогда он подумал, что должен же был
хоть кусочек сам по себе отвалиться. Фрег излазил всю
округу, все колени истер, но все-таки нашел обломок. Мы

подивились находке, никто не смог сказать, что это такое, после чего мы разошлись спать.

На следующее утро весь экипаж проснулся с чудовищной головной болью. Всем без исключения было плохо. Корабельный лекарь истратил без остатка запас семитравного бальзама, и все зря, никому не помогло. А потом все разом забыли про головную боль – когда узрели воскрешение юнги и картографа из третьего взвода.

Бывалый моряк Рон-Часми свалился в обморок, увидев выбирающегося на палубу юнгу Биан-Гоша с совершенно нормальным, не синим лицом. Оба больных каменной лихорадкой полностью выздоровели. Следа болезни не осталось. Подумав, мы приписали их чудесное исцеление небывалым свойствам камня, найденного Фрегом. Камень, видимо, испускает какие-нибудь живодейственные лучи. Мы решили так, что образованные люди в столице разберутся, как и что на самом деле.

Минерал исчез во время плавания, кто-то выкрал его у Фрега из рундука. Ох и бесновался же Фрег! Он заподозрил в краже боцмана Дюга, у них чуть до поножовщины не дошло, да и дошло бы, если бы не вмешательство капитана. Капитан взял расследование в свои руки, обыскали весь корабль, но камня так и не нашли.

Этот рассказ подтверждают собственноручные подписи юнги Биан-Гоша и картографа из третьего взвода Ават-Трого».

И самое главное в самом конце. Одна строчка: «Карта острова (см. приложение 97)». Сварог лихорадочно открыл раздел «Приложения» и отыскал девяносто седьмое. Там была и карта острова, составленная картогра-

фами «Взрезающего», где, по рассказам верх-помощника Фрега, отмечено примерное место обнаружения минерала.

– Были еще экспедиции на тот остров? – быстро спросил Сварог патронессу, отрываясь от книги. – Вы должны же были проверить даже такую сомнительную историю! Ведь все же были напуганы эпидемией лихорадки... Ах да, вскоре мир от лихорадки избавил энергичный штабен-йор... Но все равно, из чисто научного интереса могли снарядить экспедицию.

– Сейчас посмотрим.

Эйлони вновь подошла к шкафам, пробежалась глазами по полкам и достала огромную книжищу, оказавшуюся «Географической энциклопедией». Дожидаясь, пока патронесса ищет необходимую статью, Сварог с разрешения хозяйки набил одну из трубок и закурил. Давно он, кстати, не курил – с отвычки даже голова пошла кругом...

– Вот, – нашла наконец Эйлони. – Однажды к острову Навиль, обнаруженному картографическим кораблем «Взрезающий», была отправлена экспедиция из двух кораблей, дабы скрупулезно исследовать остров. Корабли обратно не вернулись, после чего остров был занесен в разряд неперспективных и больше никаких упоминаний о нем энциклопедия не содержит.

– Допустим, – сказал Сварог. – А в точности такие минералы, минералы с подобными свойствами, нигде больше не находили, как бы это выяснить?

Выяснили и это с помощью богатой библиотеки патронессы, состоящей преимущественно как раз из естественно-научной и сугубо медицинской литературы, –

мимо. Геологи Короны чего только и где, оказывается, не обнаружили – кроме самого нужного минерала. Выходит, только на том острове и нигде больше?..

Затем Сварог затребовал карту планеты, разложил ее на столе.

– Проклятье! Остров на другом конце света. Сколько, вы говорите, у меня в запасе? Шесть дней? Минимум... И как я смогу добраться туда и вернуться обратно за шесть дней?!

Патронесса взглянула на него с удивлением. Впрочем, удивление внезапно сменилось восхищением.

– Вы не из Короны. И не из протекторатов. Вы из Лангары!

– Можно и так сказать. А можно и иначе, – отмахнулся Сварог. Да хоть из Йошкар-Олы, после разберемся. Сейчас главное – Рошаль. – Не в этом дело, черт возьми! Я долго жил... вдали от обитаемых земель, я многого не знаю, многого не умею, задаю подчас дурацкие вопросы. Иногда их повторяю. Как можно добраться до этого расчудесного острова за шесть дней?

– Обыкновенному человеку никак не добраться.

– А необыкновенному? Необыкновенный может долететь до острова?

– Исключено. Поблизости нет цивилизованных земель, значит, нет аэродромов. Как вы подзарядите аэропил? Энергии, которую вы получите на ближайшем к острову аэродроме, – вот, видите? – хватит едва на треть пути до острова. А приземлиться? А взлететь и вернуться обратно?

– Морской путь? Корабли? – спросил он, выбивая трубку о край пепельницы.

– Самый быстрый корабль доберется до острова дней за десять, да и то при благоприятных течениях, – сказала патронесса, с грустью глядя на Сварога.

– Эйлони, а что вы подразумевали под необыкновенным человеком? – после некоторой паузы вкрадчиво спросил Сварог.

Патронесса замялась.

– Я не точно выразилась. Под обыкновенным человеком я имела в виду простого обывателя, то есть не принадлежащего ни к императорской семье, ни к руководству Каскада, ни к верхушке армии и флота...

– А какими возможностями располагает верхушка? – Сварог замер в охотничьей позе. Неужели все-таки забрезжил вариант?

– Скоростниками, конечно. Неужели вы... Ах да, вы же из Лангары...

– И что катера? Им сколько нужно, чтобы проделать такой путь?

Эйлони еще раз взглянула на карту. И твердо сказала:

– Четыре дня.

– За четыре дня, – Сварог начал ходить по кабинету. – Значит, четыре дня туда, четыре обратно и два еще в запасе. Подходит. А если взять моего друга с собой...

– Его нельзя отключать от аппарата, – возразила патронесса.

– Нельзя так нельзя. Все равно это шанс. Осталось выяснить, где у вас ближайший порт.

– Бред! – она повысила голос, но тут же заставила себя говорить спокойно, рассудительно и здраво... как с больным. Встала и взяла за руку. – Это невозможно. Это

все равно, что пытаться украсть Имперский Скипетр. Но... я могу помочь вашему другу. Я попробую... не обещаю, но я хороший специалист, поверьте мне... я попробую удержать вашего товарища в беспамятстве в последний день и избавить его мучений. Если не удастся оставить его без сознания, я сумею... Видите ли, я лишена предрассудков. Если и вы лишены их...

– Вы имеете в виду легкую смерть?

– Да.

– Не-а, – категорично сказал Сварог. – Я попробую продлить его нелегкую жизнь.

– Но это не в человеческих силах, поймите, вы! Таких катеров во всей Короне всего три!

– М-да?

– «Гордость Короны», личный катер Императора, охраняют не хуже, чем саму венценосную особу. «Пронзающий», личный катер верх-адмирала флота. Он охраняется точно так же, как катер Императора. Третий, «Черная молния», никогда не заходит в порты, он на постоянном боевом патрулировании территориальных вод Короны, его курс является государственной тайной, где и как он получает энергию – неизвестно...

– Ну, «Молнию» можно смело из списка вычеркнуть, – оскалился Сварог. – Больше он энергии ниоткуда не получит... Где базируется «Гордость»?

– На восточном побережье, при королевской резиденции.

– «Пронзающий»?

– В столичном порту, разумеется...

– О, этот мне нравится больше.

– Но как же...

– Как-нибудь, – перебил Сварог. – Эйлони, давайте не будем спорить... Тем более, как выяснилось, у нас в запасе еще полно времени... Меня больше интересует другое: почему вы мне помогаете?

Патронесса потупилась.

– На ваш вопрос я ответила еще в больнице. Я на *вашей* стороне.

– То есть – на стороне Визари? – спросил Сварог напрямик.

– Совершенно верно. Хотя я и не принадлежу к активным его сторонникам... Я лишь жду, когда настанет час победы, чтобы поддержать его, чтобы помочь в строительстве нового мира... А вы... Вы, признаюсь, не похожи на всех Иных, с кем мне довелось встречаться. Однако я отчего-то вам верю. Может быть, потому и верю, что вы *непохожи*. Вы Иной, но... вы *другой*. И вы одинокий... Нет, вы не просто одинокий, потому что одиночка все-таки является хозяином своей судьбы... Вас же судьба ведет...

– Так было не всегда, – тихо сказал он. – Немного подумал и пожал плечами. – Хотя... наверное, вы правы. И все же... все же я предпочитаю быть никем не ведомым. Даже судьбой. – И пробормотал:

За струнной изгородью лиры
Живет неведомый паяц.
Его палаццо из палацц –
За струнной изгородью лиры...
Как он смешит пигмеев мира,
Как сотрясает хохот плац,
Когда за изгородью лиры
Рыдает царственный паяц...

Наверное, их толкнула в объятия друг к другу звездная ночь.

Все произошло самым естественным образом, как всегда и бывает, когда двое хотят одного и того же, когда тянет друг к другу и нет никаких причин противиться этой тяге. Одежды пестрым ворохом упали на пол, кожаный диван обиженно скрипнул, принимая на себя двойную ношу. Вливающаяся в окно ночь не могла остудить жар объятий, не могла разомкнуть губы, слившиеся в поцелуе.

А потом были стоны и страстный шепот, были ногти, оставляющие царапины на спине и прикушенные губы, был пот и учащенное дыхание, был долгий, протяжный стон...

Утомленные, они лежали на диване. Голова патронессы покоилась на груди Сварога.

— Откуда ты взялся на мою голову?.. — прошептала она. — Еще вчера я вела обыкновенную, размеренную, спокойную, добропорядочную жизнь...

«Хотел бы я и сам это знать...», — с тоской подумал Сварог. И спросил:

— Как там Каскад?

— Как я и говорила, — она приподнялась на локте, запустила пальцы в его волосы. — Понаехали, разбежались по углам, допросили все, что дышит. И клонули на нашу удочку. Я слышала разговор двух важных чинов, обосновавшихся в моем кабинете. Один уверял, что ты невероятно хитер и обязательно вернешься в город, дабы вновь сеять в столице смуту и раздор. Другой настаивал на том, что ты загнал машину в лес и подался пешком к морю. Мне, кстати, даже пообещали какую-то награду за гражданскую порядочность и верность Короне.

– Не отказывайтесь от нее, патронесса.

На что Эйлони ответила бесстрастно:

– Моей наградой станет тот день, когда власть в Короне переменится. Власти не хотят никаких перемен по одной-единственной причине – они боятся лишиться этой самой власти... Если б ты знал, сколько жизней можно было спасти, когда бы не запрет на магию! А я каждый день смотрю в глаза умирающим людям, вынуждена говорить им страшные слова, что помочь мы вам бессильны, а ведь знаю, знаю же, что это не так! Представляешь, что это за мука каждый день врать в лицо обреченным людям... Мои глаза открылись, когда я... потеряла очень близкого мне человека. Он умер от неизлечимой болезни. Неизлечимой с помощью обычной медицины! И когда я узнала, что для человека, владеющего магией даже на весьма посредственном уровне, не составило бы труда вывести хворь, произнеся какое-то короткое заклинание... Я поняла, ради чего надо жить, как надо жить...

– Значит, ты не веришь, что магия несет несчастья...

Она не дала ему договорить:

– Вранье! Наглое вранье! Чего уж проще – объявить, что во всем виноваты Иные! Неурожай – это маги где-то поколдовали, утонул корабль – опять же магия виновата, очень удобно! Заодно и простые люди, глядишь, трижды подумают, прежде чем связываться с ними... А доказана связь между бедами и магическими заклинаниями? Нет. Да и зачем доказывать, когда можно просто кричать погромче – и все поверят. Да, я не пользуюсь магией, я не изучаю магию, потому что я не могу... рисковать. Рисковать не местом патронессы шестой королевской больни-

цы, а теми исследованиями, которые я провожу здесь, у себя дома... Исследованиями по возможности соединения магии и науки. Какие открываются перспективы, граф! Сейчас я прочитаю кое-что из моих...

Она попыталась соскочить с дивана, но Сварог схватил ее за руку. Меньше всего в этот момент его волновали научно-волшебные изыскания.

Недолгое сопротивление, и два полыхающих костра желаний вновь слились в одно беснующееся пламя. Пламя жило недолго, но когда бушевавший в жилах огонь вырвался наружу, им показалось, что они оторвались от грешной земли и летят...

ГЕРОИ ТЕМНЫХ ПОДВОРОТЕН

Сварог вышел на крыльцо трактира «Битый туз», где только что отобедал, а еще раньше снял комнату. Неторопливо закурил короткую трубку немодного фасона, но из дорогого дерева, похлопал себя по сытому брюху, проводил взглядом смазливую барышню, пробежавшую по двору. Поковырял в ухе, сплюнул и степенно сошел с крыльца.

Возле ворот остановился, повернул голову в одну сторону, повернул в другую. Затем, выбрав направление, расслабленной походкой двинулся по улице. Те, кто за ним наблюдали, должны были убедиться, что он ушел и в ближайшее время возвращаться не намерен. А что за ним наблюдают, в этом Сварог не сомневался. К тому, чтобы наблюдали, он и сам приложил руку, засветив туго набитый кошелек. В их глазах он – вполне обеспеченный провинциал, приехавший в Вардрон по своим торговым делам, кои успешно закончил, и теперь имеет полное право отдохнуть, вкусить столичных удовольствий, чтобы потом у себя в глуши за кружечкой мутного местного пива вполголоса рассказывать жадно внимающим приятелям о всяких неведомых провинции пикантностях. В поисках этих пикантностей господин провинциал, плотно откушав, и отправился сейчас в город.

За строем невысоких, главным образом, двухэтажных домов, шумел порт – доносились гудки, звон, грохот, лязг. С улицы можно было видеть похожие на огромные висе-

лицы краны, без устали поворачивающиеся туда-сюда, без устали перемещающие тюки и контейнеры.

Провинциал брел по улице не спеша. Вот он становился перед витриной какого-то магазина и, склонив голову набок, что-то долго там рассматривал. Также долго тащился взглядом за полнотелой гражданкой с корзиной в руке. И только после того, как дамочка скрылась в одном из домов, гость столицы продолжил свой путь. Так и должен вести себя простой гость из какого-нибудь захолустья на прогулке по столице. Куда ему торопиться?

Личину мающегося бездельем провинциала Сварог сбросил, едва завернул за угол. Быстро дошел до ближайшего переуллка. В переулке еще ускорил шаг, почти побежал. Огибая тележки мелких торговцев, кучи мусора и груды строительного хлама, прошел грязную темную улочку почти до конца и там свернул во двор одного из домов. Игнорируя громкое возмущение какой-то тучной мадам, поднырнул под развешенным бельем, оказался возле невысокого сарая, подкатив бочку, лихо забрался с нее на крышу, оттуда перескочил на крышу точно такого же строения и спрыгнул на землю. Благодаря этому марш-броску с преодолением полосы препятствий, он оказался с обратной стороны трактира «Битый туз», как раз под своими окнами. До третьего этажа он добрался по водосточной трубе. Разумеется, окно он оставил открытым, так что ничего не помешало Сварогу вернуться к себе в комнату таким вот неординарным способом...

— Вот мы и дома, — пробормотал он, закрывая окно на щеколду.

А далее Сварог произнес нехитрое заклинание. Сел на стул, закинул ногу на ногу и приступил к ожиданию гостей.

Долго маяться не пришлось.

Для начала по ту сторону двери послышались приглушенные голоса. Потом голоса стихли, но донеслось легкое позвякивание, и вскоре в замочную скважину что-то вставили... Отмычку, что ж еще.

Замок долго не поддавался умельцам – то ли запор им попался незнакомый, то ли руки у кого-то дрожали. Но, в конце концов, они добились своего. Замок молодецки щелкнул, дверь открылась.

В комнату уверенно, как к себе, нисколько не опасаясь наткнуться на постояльца, вошли трое. Ага, вся компания заявила в полном составе! Во главе процессии шествовал, разумеется, их предводитель с каким-то прямо-таки индейским именем Босой Медведь, за ним выступал невысокий колобок с сизым носом, в потрепанном коричневом плаще-рясе по кличке Монах, а замыкала шествие крайне невыразительная особа женского полу, закутанная в плащ, в которой-могли бы закутаться аж три таких же худышки. И ее прозвище Сварогу тоже было известно – Щепка... И вообще Сварогу много было известно про эту компанию. В противном случае он бы не затевал весь сыр-бор.

Босой Медведь выглядел весьма неважно. Измученным он выглядел. Невооруженным взглядом было заметно, что недужит он головой, что болен он тяжелой и мрачной болезнью под названием похмелье. Сварог вполне ясно представлял себе – еще бы не представить! – те муки, которые тому приходится сейчас выносить: живот бур-

лит котлом, а голова, словно чушка под топором. И не помогут ни травы, ни заговоры, поможет только единственный способ: лечение подобного подобным. Босому Медведю сейчас бы чарочку вина, эля или яля – местной семидесятипятиградусной водки. Но за эти чудодейственные напитки просят денег, а их-то, вишь ты, как раз и нет, за ними-то как раз и появился Босой Медведь в гости к Сварогу...

Троица застыла посреди комнаты, ошарашенно озираясь.

– И где его вещи? – прорычал Монах.

Естественно, они надеялись обнаружить в номере постояльца походную сумку, набитую одеждой и всяческими бытовыми мелочами, а на дне сумки должен был, просто обязан был, лежать толстенький кошель. Не станет провинциал таскать все свои сбережения по страшному столичному городу, в котором проживает столько всякого разбойного народа. А тут ни тебе сумки, ни кошель, ни одежды... Лишь на столе лежит какая-то непонятная черная фигня. Но разве это добыча?

Поэтому не к столу они кинулись, а к кровати. Откинули матрас, переверостили простыни, прощупали подушку. И, ясное дело, ничего не нашли. Однако надежды их еще не иссякли.

Обыск комнаты много времени не занял – шкаф, ящик для обуви, пыльное царство под кроватью – везде пусто. Прогулка гостей по небольшой комнате доставила немало хлопот Сварогу – ему пришлось уворачиваться от них, проявляя чудеса ловкости и изворотливости, повертелся он, что твой акробат на арене. Но задеть себя не дал.

И только после того, как стала очевидным тщетность дальнейших поисков, троица вернулась к столу.

— Он что, даже смены белья с собой не прихватил? — с едва сдерживаемой злобой процедил Босой Медведь. Он сжимал кулаки до белых костяшек, ему явно не терпелось на ком-то выместить горечь постигшей их шайку неудачи.

— Не нравится мне это, — сказал Монах, испуганно оглянувшись на дверь. — А вдруг это ловушка Каскада?! Бежим отсюда!

— погоди! — остановил его предводитель маленького преступного сообщества.

Босой Медведь взял в руки шаур. Передернул плечами, повертел незнакомую вещь и так и сяк, потряс, поднес ближе к глазам и вернул на стол. Его лицо исказила страдальческая гримаса. Бедолага, думать ему явно не могло. И пальцы, учинив сговор с головой, тоже не повиновались, дрожали, словно внутри них бегали мураши...

— Штука больно презанятная, — выдавил он не без труда. — Гляньте-ка, охломоны! Может, и не зря мы сюда прогулялись... О боже, как голова болит...

Теперь настала очередь вертеть-разглядывать шаур и двум другим преступничкам.

— Игрушка, — уверенно сказала Щепка. — Вроде пистолет, но нет ни разрядника, ни батареи... Игрушка.

— Иным, нечеловечьим умыслом отдает та вещь. Я чую! — убежденно зашипел бывший служитель культа по прозвищу Монах. — Колдовство, как есть оно — колдовство. Ты, Щепка, взглядишь внимательнее. Каждая деталька сделана с тщательностью, даже про нашлепки

рубчатые на рукояти не забыли, работа тонкая – кто ж такие дорогие игрушки делать станет! Да и не знаю я мастеров, кто бы смог изготовить подобное!

Босой Медведь поморщился. Видимо, нелегко, болезнному, в таком состоянии выслушивать пламенные проповеди Монаха.

– Если колдовство, так и надо поступить с этим свинопасом, как с колдуном, – хмуро бросил он. – Сообщить в Каскад, пусть там суетятся. Это по их части.

Но вот что любопытно – криминальная братия стояла посреди комнаты, куда проникла самым незаконным образом, и беседовала, можно сказать, на отвлеченные темы. Наводит, так сказать, на размышления. Вели б они себя так, когда бы боялись быть обнаруженными трактирной обслугой или внезапно вернувшимся постояльцем? Вряд ли. Значит, не должен постоялец вернуться внезапно, значит, предупредят о его приходе. М-да, трактирчик-то с душком... Впрочем, Сварог подменять собой полицию и выводить на чистую воду всех преступников этого квартала не собирался. Другие у него сегодня цели.

– Вчера, говорят, в полдень на Речной площади был узнан по приметам и пойман сам Аргес Перевертыш, – сказала, подергав себя за мочку уха, Щепка. – А он, как известно, первый сподвижник Ротеро.

– И что? – с недоумением спросил Босой Медведь.

– А то, что однажды называли мне верные люди приметы этого Ротеро. Росту примерно с Монаха, волосом лысоват, особый знак – родимое пятно в форме четверть-месяца под левым ухом. Приметы-то подходят нашему постояльцу. Раз слуга объявился в столице, почему бы не объявиться и его господину.

«Ай-ай-ай, — подумал Сварог, — кто бы мог подумать, что личина, которую я срисовал с невзрачного типчика в кабаке, принадлежит столь известному господину...»

— Ротеро вроде колдовством не балует, — покачал головой Босой Медведь. — Ему бы все больше кастетом да кинжалом...

— А ты почему знаешь, балует или нет?! — вскинулся Монах, воинственно выпятив вперед круглый живот и играя кустами бровей. — Он сам тебе говорил? Или ты тоже связан с темной силой Иных?!

Босой Медведь запустил руку под рубаху и рассеянно, даже задумчиво почесал грудь. Сварог ожидал, что вожак сейчас заедет в ухо непочтительному подчиненному. Но — не заехал. И никак по-другому не наказал. Проглотил вожак этот наскок. Видимо, в вопросах колдовства в их компании Монах был авторитетнее Босого Медведя.

— Так ведь Ротеро это или нет — кто ж разберет... — помолчав, пробурчал Босой Медведь. — Эхе-хе, щас бы вина кувшинчик. Или просто водицы. А даже воды этот прохиндей в комнате не держит.

— Ну, а если дождаться этого друга и потолковать с ним как следует? — напомнила о себе Щепка. — Допросим по правилам военного ремесла. Кто таков, зачем здесь, что за штуки подозрительные с собой носит. А сперва за ухом поглядим, есть ли там приметный родимчик.

— Ты что мелешь, Щепка? — сморщился Босой Медведь. — Зачем нам чужие сложности?

— К тому я клоню — а вдруг он не просто похож на Ротеро, а сам Ротеро и есть. Рост, волосы, родимчик на

шее, прочее – не отвертится. А вот находка эта? – Она кивнула узким подбородком на стол с шауром. – За одну эту находку мы можем его сдать в Каскад и получить вознаграждение. Вот пусть он нам и выплатит вознаграждение за наше молчание. У такого, как Ротеро, денег должно быть невпроворот...

Босой Медведь помотал головой – дескать, на крысятничество и стукачество он не пойдет – и уже открыл было рот, чтобы озвучить свой жест, но тут вдруг закричал Монах:

– Глядите! – и глаза у него аж разгорелись от возбуждения. – А это еще что?!

«В самом деле: что?..» – заинтересовался Сварог, которого уже начал утомлять этот спектакль и он готов был его прервать, но после слов Монаха решил пока повременить.

– Комната пуста, но если отыскивается вещь, то одна чуднее другой, – бывший служитель культа протянул руку к пустой тарелке на столе, отодвинул ее и поднял над головой сигарету Сварога. Которую тот сотворил сегодня по утру – уж очень, до нетерпежу захотелось сигаретного табачку – но не выкурил, отвлек один человек, посланный им на разведку местности. И забыл Сварог сигарету на столе, а та, бляха-муха, закатилась под тарелку.

Монах, осторожно держа двумя пальцами незнакомый ему предмет, поднес к лицу, рассмотрел со всех сторон, потом понюхал.

– Трубочка из бумаги скатанная, с одной стороны вроде заглушка, а внутри табак, ежели по запаху судить... Колдовство, как есть колдовство! – сплюнул через ле-

вое плечо и брезгливо бросил сигарету на стол. – Не в людских силах сделать трубочки из бумаги такой тоньшины!

«Станный у вас мир, – вздохнул про себя Сварог. – До электричества доперли, а сигареты не изобрели, притормозили. Хотя... если есть курительные трубки, то в сигаретах жестокой необходимости, пожалуй, нет».

– Я слышал, что на Гвидоре и не такие чудеса делать научились! – сказал Босой Медведь.

– А я говорю тебе, это черные колдовские забавы, для черных дел и сотворенные! И постоялец твой – Иной!

– Допросим его огнем, сам нам про все споет, Иной или не Иной, Ротеро или кто другой, – гнула свою линию Щепка.

Босой Медведь открыл глаза, кои закрывались у страдальца сами собой, и гаркнул хрипло:

– А как не Иной вдруг окажется, а человек из Каскада, занимающийся секретными делами?! – он махнул рукой перед носом Щепки. – А мы его – огнем?! Где мы потом спрячемся от черно-зеленых?!

– Бесовские удумки, колдовские! – грянул в комнате голос Монаха. – В огонь их – и весь сказ, пока порча какая не завелась от них! Пока беда на город не перекинулась!

Охваченный инквизиторским пылом, забывший о своей нынешней малопочтенной профессии, бывший служитель культа схватил со стола шаур... В какой уж там огонь он его намеревался бросить, так и осталось неясным. Потому что до огня дело не дошло. Монах случайно нажал на спуск и...

От Сварога зависело, выстрелит шаур или нет. Оружие было настроено на него и в чужих руках могло сработать только в том случае, если его хозяин этого отчего-то вдруг пожелает. Хозяин пожелал – и шаур выстрелил.

Нет, если бы шаур был нацелен на кого-то из людей, Сварог, конечно, не допустил бы членовредительства и потерь в рядах будущих помощников. А так... почему бы не обставить свое появление максимально эффектно.

Эффект вышел что надо. Серебряная звездочка блестящей молнией пронеслась через комнату и звонко вцепилась в стену. А поскольку ошалевший Монах палец со спуска не снимал, то звездочки вылетали одна за другой, рисуя на стене замысловатый серебряный узор. Видимо, у Монаха случился форменный столбняк. Впрочем, челюсти отвалились и у остальных горе-воров.

И тут, до кучи, Сварог снял заклинание отвода глаз. И перед братцами-разбойниками из ничего, из воздуха сооткался вдруг отсутствующий постоялец.

Монах выронил шаур, бухнулся на колени, полез под ряску, трясущимися руками выудил из-под нее какой-то амулет на веревке, вытянул его вперед и горячечно затараторил:

– Чур, чур тебя, изыди, пропади, пропади, изыди, чур, чур!

Босой Медведь рухнул на стул, обхватил голову руками, наклонился, словно надеясь на то, что когда он голову поднимет, наваждение исчезнет. К его и без того непростому похмельному состоянию добавились вдруг этикие переживания... можно и пожалеть беднягу.

Крепче и расторопнее других оказалась Щепка. Она, не тратя время на эмоции, кинулась на выход. Но доб-

ратся до двери Сварог ей не дал. Подсек под лодыжку, завалил на пол и, пресекая возможное сопротивление, слегка надавил на одну из болевых точек. После чего шипящую от нешуточной боли Щепку мастер Сварог толчком отправил к кровати.

«Пожалуй, с эффектным появлением слегка перестарались, граф, – подумал Сварог. – А ведь представление только начинается...»

Первым делом Сварог отобрал шаур, аккуратненько положил на стол. Потом заклинанием сотворил кувшин вина и буквально сунул его в руки предводителю шайки. Тот попытался было отбросить от себя колдовское зелье, но Сварог не дал, придержал кувшинчик. Далее притягательная сила винного запаха сделала все сама, утопила в аромате все страхи и сомнения Босого Медведя. Предводитель сперва шумно внюхал в себя благоухание из сосуда (Сварог угощал его по высшему разряду – вином, достойным королевских погребов), потом капнул винца на язык, а уж потом плотно присосался к кувшину – и не отрывался, пока не осушил его до дна...

А на лице Босого Медведя утренним солнцем всходило блаженство. С любопытством наблюдающий за ним Сварог прекрасно понимал воистину волшебные перемены в состоянии главаря. Если до этого во рту было сухо, как июльским полднем на крыже, то сейчас стало свежо и благодатно, как в лесу после грозы. Если до того громкие возгласы сотоварищей и прочие звуки этого мира ввинчивали ему в голову раскаленные пыточные щипцы, то сейчас голову ласкала изнутри теплая волна... Так, одного, считай, привели в чувство.

Щепка и без того рассудка и чувств не теряла. Хотя буравит взглядами из-под насупленных жиденьких бровей, но, будьте уверены, все понимает, все соображает – в частности, соображает, за кем теперь сила, и глупостей делать не станет. Остается Монах.

К бывшему служителю культа, все еще ползающему на коленях и заклинающему колдовского постояльца пропасть, исчезнуть, стинуть навсегда, Сварог применил женский способ – вклеил хор-рошую пощечину. И – вот чудо из чудес-то – помогло! Монах заскулил, прижимая руку к запыхавшей щеке, прошипел какое-то ругательство, но – уgomонился. Перебрался к окну, сел на пол и затих.

Что ж, теперь можно переходить к делу.

– Значица так, герои темных подворотен, – шумно выдохнув, начал Сварог с расстановкой. – В вашей жизни наступает пора перемен. Вляпались вы сегодня по самое не балуй... Я говорю вовсе не о том, что вы пытались ограбить честного человека, наивного провинциала, верноподданного налогоплательщика. Об этом я даже согласен забыть, закрыть на это глаза, заткнуть на это уши. Все для вас гораздо сложнее, мрачнее, страшнее и неотвратимее. Начнем вот с чего.

Сварог театральным жестом взял двумя пальцами шаур, несколько рисуясь сотворил шуршащий пакет. И опустил одно в другое, то есть шаур в пакет. (Кое-какие наблюдения, вынесенные из посещения Каскада, он не забыл – напротив, взял на вооружение.)

– Вот так. Как говорил один грамотный по вашей части специалист: «Значит, статью ты уже имеешь». Ваши пальчики отпечатались на этой нечеловечески

магической вещи так же отчетливо, как поцелуи на пыльном серванте. Вы ж, умники, все дотрагивались своими грязными ручонками до этого черно-колдовского, смертельно-Иного предмета. Но на этом ваше дело не заканчивается. На ша... этой штуке есть и мои пальчики, соображаете, что к чему? За мной такие дела тянутся – ой-ой-ой! Я, признаюсь вам как родным, не на одну смертную казнь уже наработал, никак не меньше, чем на десяток. Потому как старался я очень. Выходит, в любом разе мы с вами будем проходить по делу как одна банда, сечете? За все сообща отвечать теперь будем, бочок к бочку сидеть на скамье подсудимых. А там местные слугители закона начнут копать, и только держись – все ваши мелкие проказливые делишки всплывут, как дерьмо со дна бассейна. Потому как заниматься вами будет – уж мне ли объяснять столь прожженным людям! – Каскад, а вовсе не простые блюстители уличного порядка. Каскадовцы ничего не пропустят, ни одна навозная муха мимо них не пролетит. Ну что, трущобная гвардия, осознали свое положение?

Похоже, очень даже осознали. Сидели, как мыши под веником, только глазами свирепо зыркали.

– Чего надо? – прохрипел Босой Медведь, который пытался вытрясти из пустого кувшина еще хоть каплю. – Денег?

– Вот уж не надо, – Сварог махнул рукой. – У самих этого добра...

Точку в уголовных сомнениях поставил Монах. Он вдруг подскочил с пола, вытряхнул из рукава нож, короткий, с широким лезвием. И метнул его в Сварога. Другому бы клинок вошел в шею. Но на полете к лару

Сварогу кинжал внезапно круто отвернул и улетел куда-то в угол. И это было последней каплей. У Монаха подогнулись колени, монах бухнулся на пол и заскулил.

— Да, спасибо, что напомнили, — сказал Сварог, даже не пошевелившись ни до броска, ни после. — Убить меня не получится. Бессмертный я. Продал душу за бессмертие. Как умру, так душу и потеряю. Ну что, каторжная рота, будем еще шутки шутить и кинжалами швыряться?! Или делом наконец займемся?

Сварог обвел суровым взглядом притихшее преступное сообщество, взял со стола отринутую Монахом сигарету и прикурил — разумеется, от пальца.

— Зрю я, готовы заняться делом. Похвально. Объявляю приказ номер один по уголовно-магическому полку. Генералом... то есть этим, как его, беса, верх-победителем нового сводного полка пожизненно назначается господин Сварог. Неподчинение ему — смерть, недобросовестное исполнение его приказаний — двойная смерть. Обращаться к нему с надлежащим подобострастием, есть глазами начальство и всячески выслуживаться. Приказ номер два: вспомнить, что вы не какие-то честные горожане, которых ждут дома семьи и некормленные кошки, что вы — самые что ни на есть отбросы общества, решившие посвятить жизнь наживанию денег преступным путем. И избравшие для этих гнусных целей порт. И всем прощелыгам в порту вы известны как облупленные. И, в свою очередь, порт вам известен, как крысам подвалы хлебопекарни. Причем, по достоверным сведениям, вами обжит не только торговый порт, но и порт военный, со складов которого вы тоже

кой-чего подворовываете. Кстати, на военный манер выражаясь, дезертировать из нашего полка не советую. У магии длинные руки. Волшебный кристалл вас из-под земли сыщет, а джинны с хоттабычами доставят ко мне на расправу. Усвоили? Или, чтобы дошло до печенок, кого-нибудь из вас показательно разрезать на части, а потом склеить как получится? Я ведь и это умею... Показать?

– Не надо, – надтреснутым голосом проговорила Щепка. – Говорите, что нам делать.

Глава шестнадцатая

«ПРОНЗАЮЩИЙ»

Сварогу потом рассказали все с самого начала, и он с искренним уважением подивился тому, с какой скоростью преступным элементам удалось выстроить подготовительную операцию.

...Двое суток после двенадцатичасового дежурства юнк-лейтенант Игой-Кион привык проводить так, как и большинство военнослужащих мужеского пола – на Атолле Ста развлечений или на пляжах Йосагамойи. Глупо было бы проводить время как-то иначе – зачем тогда работать в столичном порту, а не, допустим, в одном из протекторатов, где соблазнов меньше, а заработки больше...

Игой-Кион, охранник четвертого причала военного порта, предпочитал выезжать на Атолл. Двенадцать часов дежурства, корабельных гудков, скрипа лебедек и грохота прибоя о причал вымотают кого угодно. Хотелось в тишину, а тишину в столице найти невозможно. Столица не умолкала даже по ночам. На песчаных пляжах, столь любимых другими офицерами, тоже нет покоя, потому как пляжи не пустовали ни ночью, ни днем. Вот на Ста развлечений – да, там было гораздо покойнее. Кроме того, Игой-Кион любил не только сухопутную «охоту» на женщин (главный офицерский вид спорта), но и подводное плавание (второстепенный вид спорта), а последнее было значительно интереснее на Атолле. Ну, а женщин, кстати, и Атолле хватало. Слишком много их

вообще обреталось в столице, чтобы кого-то постоянно не заносило и в океан – в поисках романтики, в поисках спасения от скуки.

В последнее время Игой из многих привлекательных местечек на Ста развлечениях предпочитал крохотный залив Ти. Даже несмотря на то, что сей райский уголок располагался по другую сторону Атолла и энергии катер расходовал немало, а с ней, стало быть, и денег, но затраты окупались роскошным плаванием под водой. Ти, вдоль береговой полосы оккупированный стандартным набором баров, номеров отдыха, проката, залов спорта и лечения, располагался рядышком с подводными горами, обозначенными на карте как Гряда Придуманного Счастья.

В этот день Игою-Киону повезло так, как не везло давно. Не очень-то он был красив, прямо скажем, буйным красноречием тоже не отличался, и вдобавок что-то в нем перемыкало при виде женщин *такой* красоты, как в оголенных проводах, на которые вылили ведро воды, отчего Игой впадал в почти столбнячное состояние. Может быть, он еще не достаточно проработал в столице – всего-то около года... Или причина крылась в его молодости, а то и в загадочных свойствах натуры, которую уже не переделаешь. Но, как бы то ни было, к красавицам в высшей фазе ослепительности он старался не подходить, благо хватало по его душу девушек с внешностью и поскромнее. Но *эта* подошла сама. И преступлением против мужской натуры было бы не использовать представившийся шанс.

Шанс выпал ему, когда Игой пришвартовал свой катер и ступил на причал.

– Вы не поможете мне?..

Перед ним стояла женщина. Женщина без изъянов. Женщина с заглавной буквы. Словно сбежавшая с обложек модных журналов. Словно чудесным образом из светских салонов сюда перенеслась одна из тех очаровательных пташек, которые провозглашались на этот сезон идеалом женской красоты: невысокая, плотная, с крепкими, округлыми бедрами и икрами, как у Рибе-Толле, звезды «Затерянных во мраке», с пухлыми губами, будто одолженными ей певицей Оти-Маро. А еще у нее были длинные волосы цвета утреннего пляжа, некоторые пряди которых заплетены в маленькие косички, пронзительно голубые глаза и родинка на левой щеке.

Она, кажется, просит его о помощи? Наконец Игой заставил себя выйти из транса и понять, что ей надо. Ах, ей никак не управится с застежкой ремней на этих противных баллонах. Что вы, что вы, нет ничего проще...

Когда Игой-Кион фиксировал застежку на ее ремнях, фиксировал под грудью, обтянутой лаоновым купальником телесного цвета, опять вошедшего в моду... Нет, чуть позже. Когда она поблагодарила его: «Чтоб я без вас делала!» – одарив ласковым взглядом синих глаз, и сказала, что неопытна в подводном плавании, на Атолле она впервые, а потом спросила, не собирается ли он случайно поплавать в океане... вот именно тогда на его разум пал розовый туман блаженства. И все дальнейшее совершалось в розовой дымке, заслонившей реальные цвета. Из-за нее, из-за проклятой дымки, Игой плохо помнил подробности их совместного плавания: он рядом с ней возле кораллового грота, он рядом с ней в зарослях морского папоротника. Он рядом с ней над «крабовым кладбищем». Под ними колышутся заросли тонких, как спи-

цы, водорослей. Вокруг раздуваются-сдуваются темные глыбы ложных камней. Мимо проскакивают стайки беспокойных рыб. Игой-Кион как бы случайно пропускал случайную знакомую вперед, чтобы любоваться ее фигурой, движением ее ножек. Он показал ей грот, что мерцает внутри разными цветами.

И ему, Игою-Киону, смерть как хотелось, чтобы какая-нибудь из кровожадных тварей, населяющих этот океан, прорвалась сквозь защитную сетку, окружающую акваторию вокруг Ти (чего не случилось уже несколько десятилетий), и подарила бы возможность вспороть ей брюхо длинным острым ножом. Этим он спас бы жизнь прелестницы по имени Ак-Кина. Впрочем, если б ее звали как-нибудь по-другому, имя понравилось бы ему не меньше. Любое имя подходило ей. А что *не* подходило? Даже любой грех будет ей к лицу.

Розовая дымка блаженства не рассеялась, пожалуй, даже сгустилась, когда Игой-Кион вез новую подругу в своем катере. (Строго говоря, катер был не его – взял напрокат на весь год.) Катер несся, шлепая брюхом по океанской лазури. И тогда Игой-Кион набрался смелости и предложил Ак-Кине встретиться завтра вечером. И случилось ужасное: выяснилось, что Ак-Кина ничего не имеет против их встречи, но, вот несчастье, завтра утренним аэропилотом она улетает домой, в их распоряжении только остаток сегодняшнего дня – который она, вот счастье, согласна разделить с ним... Однако Игой через два часа должен вновь заступать на дежурство и подмениться нет никакой возможности! Об этом он честно сообщил подруге, пытаясь не выдать охватившего его горя. Наверное, все-таки выдал – дрогнувшими голосом и ру-

ками. А где он работает, спросила она. В порту, ответил он. Ой, какое романтическое место, сказала она. И Игой решился, словно за этот день стал кем-то другим, готовым проявлять несвойственную ему в общении с красотками смелость. Не желает ли она, выдал он из себя, провести романтический вечер в романтическом месте, в п-порту, где корабли со всех обитаемых земель стоят в ожидании команды на отплытие, где звучат диалекты всех колоний, и ты чувствуешь... э-э... проклятье, что же ты чувствуешь... Да, ответила она, и это «да» прозвучало для него грохотом праздничного салюта. Они договорились встретиться у входа в порт через полтора часа.

Они встретились через полтора часа у входа в порт. Ак-Кина переделалась в темно-синее трико с коротким бардовым плащом, волнительно повторяющее изгибы ее фигуры. Игой-Кион за это время успел не только вымыться, надушиться, переодеться, купить вина (ей), безалкогольной прохладительной воды (себе), деликатесов (ей и себе), но и договориться с напарником Сатло о том, что тот поработает сегодня немного дольше и не будет без приглашения заходить в комнату отдыха. Собственно, не договорился даже, а поставил в известность, потому как женщина на посту в их дежурство не могла считаться гостем редким. Подобным образом нарушали инструкции оба напарника. «Но такую красавицу, – с гордостью подумал Кион, – даже Сатло никогда не приводил».

Их маленькие служебные прегрешения были возможны благодаря удаленности поста от административных зданий. Тихий пост номер четыре служил проходной, через которую приходил-уходил экипаж одного-единствен-

ного скоростника. Поскольку скоростник покидал порт крайне редко, то на борту постоянно находился лишь так называемый сокращенный боевой расчет, а людей-то в расчете – всего ничего. Посторонние на посту не появлялись, охранников не тревожили. Одним словом синекура, а не служба, чего уж там...

Когда они, Игой-Кион и Ак-Кина, шли к его рабочему месту, чаровница смогла убедиться, что подходы к причалу номер четыре охраняются надежно. Серая каменная стена, устремленная ввысь на три человеческих роста, тянулась и тянулась, как унылая песня. Наверху блестели копейные острия, опутанные колючей проволокой под током, а еще, как сказал Кион, там насыпано битое стекло. Наконец они дошли до железных ворот, равной со стеной высоты.

– Не прошибет и бронемобиль, – остановившись и постучав костяшками пальцев по воротам, не без гордости сказал Кион. – Делали по специальному заказу.

Игой вдавил кнопку звонка. Секунд через десять в воротах распахнулось окошко, и за прикрывающей его металлической сеткой появилось лицо. Глаза побегали туда-сюда, потом загудел электромотор и воротные створы чуть разъехались – ровно на столько, чтобы в образовавшуюся щель смог протиснуться один человек.

По ту сторону ворот, на охраняемой территории их встретил высокий худой человек, одетый в такую же форму, что и Кион. Оглядев пришедших, задержав взгляд на Ак-Кине (от чего его лицо удивленно вытянулось), напарник Игоя нажал кнопку на карманном пульте. За спиной вошедших раздался лязг вновь сошедшихся воротных створ.

– Его зовут Сатло, – сообщил девушке Кион.

Человек по имени Сатло смотрел исключительно на девушку и восхищения скрыть не пытался.

– Прошу прощения, прекрасная незнакомка, – наконец пробормотал он, – но – правила есть правила...

И прошелся по ее одежде щупом металлоискателя. Игой-Кион, будто какой-нибудь Иной, запросто мог читать его мысли: напарничек сейчас на чем свет стоит клял изобретателя треклятого прибора для выявления спрятанного оружия – куда как удобнее было бы обыскивать гостью *вручную*. И Игой с трудом сдержал довольную ухмылку. Его-то ждет не просто поверхностный осмотр. Его ждет вдумчивое, подробное, *глубокое* проникновение. И, даст бог, не однократное...

По дороге к посту, что находился слева от ворот, Ак-Кина спиной чувствовала провожающий ее завистливый взгляд второго охранника. Пост номер четыре представлял собой домик, чья внутренняя, служебная часть была ярко освещена и благодаря прозрачным стенам вполне доступна для обозрения извне: стол, аппарат связи, пульта с разноцветными лампами, несколько стульев по углам...

Войдя внутрь, Кион немедля потащил милашку в другое помещение, которое не имело ни прозрачных стен, ни даже окон, ни отношения к службе. Было там лишь фальш-окно с каким-то подводным пейзажем. Комната сия, где Игой запретил появляться своему напарнику, словно и создавалась под лирические развлечения. Отчасти так оно и было: только одна смена, состоявшая из охранников пенсионного возраста, не путала службу с невинными развлечениями, остальные же смены путали

охотно и с удовольствием – и потому, соответственно, обустроивали комнату отдыха, изгоняли казенный дух, делали ее уютнее, обставляли всем необходимым, в общем – заботились, как о родном доме. Кион сразу включил подсветку бара, фальш-окна и аквариума, включил музыкальный вал – зазвучала музыка, моменту подходящая более чем, а по драпировке стен покатались медленные волны – на дорогое оборудование скидывались всеми сменами (за исключением, разумеется, пенсионной), но оно того стоило, ибо опытным путем было установлено, что движение складок бардовой ткани, словно их шевелит ветерок, действовало на женские души и тела *размягчающе*.

Когда Кион выкладывал из пакета купленное им на вечер, когда его неожиданно обняли за плечи, развернули.

– Не стоит терять времени, – сказал самый прекрасный в мире голос. А его губы почувствовали влажное, нежное прикосновение. А его взгляд утонул в голубизне ее прелестных глаз. А сам он тонул в прекраснейшем из омутов. Мягкие руки гладили его шею, и это было так мило, так возбуждающе.

Он не обратил внимания на то, что ее пальцы словно нащупывают что-то на коже, словно примеряются к чему-то. А зря. Потому что миг спустя Игой перестал вообще обращать внимание на что бы то ни было. Вдруг его перестало волновать вообще все на свете...

Ак-Кина, оставив Киона на полу посреди комнаты отдыха, вышла в соседнее помещение. Сатло, согнувшись вопросительным знаком над столом и листая журнал, состоящий из одних картинок, быстро обернулся к ней, одновременно накрывая журнал служебными бланками.

– Я настояла, чтобы вы присоединились к нам, – она ослепительно улыбалась. – Вы, надеюсь, не будете против? – И прелестница заговорщицки понизила голос: – Честно сказать, вы мне нравитесь гораздо больше.

– Да, понимаю, я... – самодовольно ухмыльнулся Сатло.

И получил сокрушающий удар тонким наманикюренным пальцем под ухо. Его голова ткнулась в ворох служебных бланков.

– А вот таким ты мне еще больше нравишься, – сказала Ак-Кина, забирая со стола ключ от пульта управления воротами.

Кнопки пульта закрывались крышечкой, и на эту крышечку дополнительно навешивался маленький замок. Да уж, много сложностей нагородили те, кто разрабатывал систему охраны поста номер четыре, однако ключ теперь был у Ак-Кины, она управилась и с замочком, и с кнопками пульта, и с включением мотора ворот.

– Эй, порядок! – негромко сказала она в темноту.

В ворота один за другим, молча скользнули четверо – двое в форме высших офицеров морского флота, некто в гражданском и некто в черно-зеленом плаще Каскада. Черно-зеленый ободрающе подмигнул Ак-Кине:

– Отлично справилась, девочка. Не забудь закрыть ворота, потом присоединяйся.

И поспешил следом за остальными к домику охранного поста. По случаю праздника «Захват скоростника» Сварог вновь облачился в форму каскадовца – на сей раз, правда, другую, добытую лично Босым Медведем.

– Медведь, – сказал Сварог, осмотревшись внутри караулки, – свяжи этого героя, да покрепче. Монах, тащи сюда второго стражника. Щепка, марш наружу, и поглядывай по сторонам: мало ли кого с корабля принесет. Я смотрю, – он повернулся к Ак-Кине, – ты неплохо освоила «коготь ястреба».

– Я бы предпочла не твой «коготь», а утюг или молоток. Он слишком нахально пялился на меня.

– Ох как я его понимаю...

Да-а, ничего не скажешь, исполнительницу на роль подсадки Щепка привела отличную. В шайке Босого Медведя было всего три человека, но время от времени они привлекали к *делам* и других людей. В том числе и Ак-Кину – главным образом для того, чтобы заманивать доверчивых сластолюбивых пентюхов в укромное местечко, где те попадали в умелые ручки Медведя и Монаха.

– Живее, братцы-разбойники, живее, – поторапливал Сварог свою уголовную гвардию, – вдруг какой-нибудь мающийся бессонницей дежурный по порту заявится с проверкой. Монах, скоренько приводи нашего нового друга в чувство...

Первое, что почувствовал Игой-Кион, очнувшись, была вода, обильно стекающая ему за воротник. Он с трудом разлепил веки, сфокусировал зрение... и вместо прекрасной гостьи, вместо напарника узрел парящую над ним незнакомую рожу.

– Проспался? – недобро спросила рожа. – Или еще водичкой полить? Не надо? Ну тогда подымайся, родимый...

А потом Игой увидел и бездвижное тело Сатло.

...По сонной ночной пристани быстрым, уверенным шагом двигались шестеро – и любой увидевший их непременно бы насторожился. Ну и нехай – Сварог скрываться был не намерен.⁴ Более того: он самолично убедил перепуганного охранника Игоя-Киона передать на борт сообщение: дескать, на территорию причала прибыли четверо донельзя официальных лиц – трое представителей внутренней службы флота и один каскадoveц, а с ними два гражданских лица женского пола. Более того: официальные лица вооружены всеми необходимыми для прохода на территорию бумагами с подписями и ордерами с печатями и требуют немедленной встречи с командиром расчета. Более того: охранный пост уже связался с Адмиралтейством и получил подтверждение – действительно, все означенные лица имеют полное право подняться на борт. По весьма важному и щепетильному делу.

Расчет должен был всполошиться. Расчет должен был запаниковать и начать готовиться к внеплановой голово-мойке... Но вот заподозрить что-либо должен не был – потому что никакому нормальному злоумышленнику в голову не придет столь наглým образом проникать на борт корабля, принадлежащего лично верх-адмиралу флота. Это все равно, что под прикрытием какой-нибудь там ревизионной комиссии подняться на «Аврору», скрутить экипаж и угнать революционный крейсер на увеселительную прогулку по Ладоге... Так что план Сварога, откровенно говоря, был за пределами безумным и архинаглým... И именно поэтому Сварог имел все основания надеяться на успех. А что еще прикажете делать? Через причал аркой перекинута металлические дуги, и он прекрасно

знал, для чего – Босой Медведь просветил. Это ни что иное, как стационарный прибор «Боро-6», самая последняя разработка пытливого каскадовской мысли. Аппаратура улавливает любое магическое присутствие в радиусе... в общем, неважно в каком там радиусе, главное, что колдовским манером, в том числе и под чужой личиной, к скоростнику не подберешься.

Корабль у причала был всего один, серый, мрачный, близнец покойной «Черной молнии» – не ошибешься. А свет прожекторов давал возможность прочитать название – «Пронзающий». Так что точно не ошибешься... А вот перекинутый на «стенку» трап вовсе не означал, что даже столь ответственным товарищам можно запросто взойти на борт. Вход на палубу перекрывала защитная диафрагма. Но шестерка уверенно поднялась по трапу, и Сварог вдавил кнопку звонка.

Охранника Игой-Киона вытолкали вперед, поставили рядом со Сварогом в авангарде. Игой послушно приготовил личную карточку охранника порта, и когда диафрагма разошлась, образовав отверстие в руку диаметром, Игой просунул карточку вахтенному. Диафрагма вновь сошлась. Документ изучали секунд десять, после чего тем же способом вернули владельцу.

– И что нужно? – раздался из отверстия диафрагмы напряженный голос.

– Паршивая ситуация, – раздраженно сказал Сварог. Таким тоном разговаривают мелкие чиновники, которые в гробу видели все эти ночные поездки к черту на куличики, но что поделать – служба. – Проводится внутреннее расследование, пока в неофициальном порядке. Я говорю – *пока*. Потому что... Видите за моей спиной этих...

женщин? Они утверждают, будто подверглись сексуальному насилию от членов вашего экипажа. Кроме того, они утверждают, что для принуждения к вступлению в связь была использована магия. Понимаете всю серьезность происшедшего? Пострадавшие уверены, что узнают насильников. Так что нам незамедлительно нужно видеть членов экипажа. — Помолчал и с нескрываемой надеждой на отрицательный ответ спросил: — Пустите на борт? — Мол, лучше не надо, лучше утречком другие приедут, так сказать — *повысокопоставленное* нас, а мы, люди маленькие, лучше домой вернемся...

С той стороны донеслось невнятное ругательство, а потом и тяжкий вздох:

— Ждите, доложу.

Ждали молча. Это был самый ответственный момент операции. Если они свяжутся с берегом в обход поста охраны — а такая возможность у корабельного расчета имела, по дну от скоростника был проложен кабель, — потребуют подтверждения в Адмиралтействе, в Каскаде, то... Ну, понятно. План Сварога сотоварищи строился именно на щекотливости вопроса. И если б не эта щекотливость, то морячки доложили бы, как пить дать. А так... Допустим, девки никого не узнают, гости извинятся и уйдут, дело замнется само собой — а расчет уже поторопился доложить. Ведь потом начальство всю плешь выест: «Забыли где служите, мерзавцы, подразделение позорите, своих командиров позорите, в дальние колонии захотели!» А с начальства станется — может заслать и в колонии, и на Ханну. Особенно ежели это самое начальство хочет пристроить кого-то из своих протеже на теплое место и ждет не дождется, когда появится повод местечко то освободить.

Запачкаться легко — отмываться долго приходится. Ну а если шлюшки и вправду кого-то узнают, то так и так клин. Да и охрана причала уже вроде бы уже получила добро на вход от Адмиралтейства...

Ждать пришлось недолго. Минуты через три диафрагма переборки раздвинулась, открывая доступ на корабль, и первыми внутрь зашли Сварог и Ак-Кина. Заспанный смуглолицый морячок в плаще йорг-капрала, наброшенном на голое тело, хмуро взглянул на тех, кто в иных мирах хуже татарина, и открыл было рот, чтобы, не иначе, пробурчать нечто вроде приветствия. Но не успел. Распрямяющейся пружиной вылетела вперед рука Сварога и согнутые пальцы ударили сержанта под подбородок. Тот вцепился в стену и сполз на пол.

Монах тут же подхватил нокаутированного сержанта под мышки и поволок к открытым дверям лифта. Уложил заботливо в кабине и вернулся к трапу — до того, как все закончится, ему предстояло нести ответственную вахту корабельного дежурного.

В лифте вахтенному и Игою-Киону связали руки-ноги, воткнули кляпы. Юнк-лейтенант свою миссию выполнил, применять к нему какие-то особые средства убеждения не потребовалось — молодой, не нюхавший пороку охранник сломался от одного грозного вида обступивших его людей и от первого же щекочущего прикосновения ножа. Сварог и Босой Медведь, пока кабина перемещалась на верхний из трех корабельных палуб, приготовили оружие: первый — шаур, второй — стилет. Вот и нужная палуба.

Щепка и Ак-Кина остались в лифте, Сварог с Медведем вышли и уверенно направились по коридору. Уве-

ренность в перемещениях по наисекретнейшему скоростнику строилась на немалых деньгах. Босой Медведь, который знал в порту все и всех, знал, за кем и какие водились грешки и слабости, указал нужного человека. Последний же, недавно крупно проигравшийся в местный аналог рулетки, с радостью, прямо-таки с неземным счастьем в глазах дал глянуть благодетелям, избавлявшим его от долговой тюрьмы, в чертежи скоростника.

Они остановились у приоткрытой двери рубки, откуда доносилась тихая музыка. Сварог распахнул люк и первым бесшумно скользнул внутрь. В рубке находился всего один человек – стоял навывтяжку перед единственным креслом и с верноподданническим взглядом ждал гостей. Взгляд его, впрочем, быстро потускнел, когда в висок уперся ствол шаура.

– Не шевелиться! – шепотом рявкнул Сварог и без лишних заморочек обвил локтем его шею. – Вахтенный офицер?

– Т-так точно... А вы...

– Ма-алчать, – беззлобно перебил Сварог и усилил захват. – У тебя, голуба, есть выбор: или ты идешь нам навстречу со всем военно-морским пылом и все, кто есть на борту, остаются в живых, или ты никуда не идешь и тогда погибают все, кроме тебя. А ты, единственный, кто уцелеет, будешь потом рассказывать начальству, как мог спасти ребят, но не захотел. Что выбираешь?

– Вы что, не понимаете...

– Ясненько, выбор ты сделал, – перебил Сварог.

Вахтенный офицер забился в захвате, чувствуя подступающее удушье. Попытался было оторвать от себя руку

Сварога. Начиная задышаться, побагровел лицом и закатил глаза. В последний момент Сварог разжал хват.

— Не надо! — тут же прохрипел офицер, глотая ртом воздух, как рыба на песке. — Я... я согласен на ваши условия.

— Соврешь — твоих людей буду убивать лично я. Тебя приведут посмотреть на их трупы, после чего ты навсегда забудешь сладкое слово «сон». Я тебе обещаю, — решил внести свою лепту в *обработку* пленника Босой Медведь. Видимо, опыт в подобной обработке у него имелся презрядный: он произнес свою угрозу столь елейным тоном, что даже Сварога пробрало.

— Сколько человек на борту? — спросил Сварог.

— Семеро, включая меня и того, кто вас пустил. Что... что с ним?

— Жив. Пока. Где остальные?

— В долгосрочной увольнительной. Мы — дежурная смена. Сокращенный боевой расчет.

— Я имею в виду — остальные пятеро, — раздраженно повысил голос допросчик. — В каких каютах, отсеках, помещениях?

— Двое — седьмой блок, третий отсек, каюта два. Это на...

— Знаю. Дальше!

— Трое по одному в следующих каютах: номера три, четыре, пять. Все спят.... Должны спать.

— Ясно. Хвалю за службу. Медведь!

Босой Медведь, ожидая этого приказа, уже сжимал в ладони некий предмет размером с карманный фонарик. На жаргоне эта штука именовалась «мотылек» и представляла собой до крайности упрощенный аналог того ору-

жия, с которым бегали каскадовцы. Заряда каскадовских «ранцев» хватало на множество *воздействий*, а «мотылек» был одноразовым. Зато, судя по описаниям уголовных друзей, парализовал качественно. Недаром за ношение и хранение «мотылька» полагался неслабый срок.

Медведь приставил к шее пленника заостренные контакты и нажал на кнопку. Треснуло, вспыхнуло, вахтенный офицер содрогнулся всем телом, охнул и затих.

– Надеюсь, не соврал, – сказал Сварог. Чертовски хотелось включить детектор лжи – но ведь взвоют все эти «Боро» один, два, шесть и далее по списку. – Вроде проникся до донышка. В рубке на всякий случай оставим Щепку с парочкой «мотыльков», внизу она нам все равно ничем не поможет... Бери его и пошли!

Медведь, взвалив на плечо обездвиженного моряка, вышел из рубки следом за Сварогом. Лифт, постепенно превращающийся в камеру предварительного заключения, доставил их на вторую палубу. Предстояла заключительная фаза операции.

Сварог взял на себя троих, Босому Медведю поручил двух оставшихся. Подходя к каюте, в которой, по утверждению вахтенного офицера, должны были мирно дрыхнуть двое членов экипажа «Пронзающего», Сварог достал два из трех припасенных им «мотылька». Толкнул люк, тот отъехал в сторону. Было бы странно, если б моряки запирались изнутри. Двусмысленно получилось бы как-то. Сварог скользнул в каюту, освещенную тусклым светом ночника под потолком. На двух койках, верхней и нижней, бугрились под простынями тела.

Все прошло донельзя легко и просто, «мотыльки» сработали преотлично. «Четыре – ноль, – констатиру-

вал Сварог, бросая опустошенные шокеры на крохотный столик, – но матч должен закончиться со счетом семь – ноль».

Проблемы возникли, так сказать, на последнем моряке. Либо тот не спал, либо сон его отличался кошачьей чуткостью, но матросик встречал Сварога сидючи на койке и глядячи на дверь. И едва эта дверь начала открываться, тут же взвился с койки в прыжке, распрямляя ногу в ударе, направленном в переносицу незваного гостя...

Рефлексы не подвели Сварога и на этот раз – спасибо боевой выучке, одна ты у мсня осталась... Рефлексы, уводя от удара, отбросили его назад в коридор.

Сварог отшвырнул «мотылек» подальше, но шаур из-за пояса выхватить не успел – противник уже стоял перед ним, уже наносил удар рукой...

И завертелась кадриль в коридоре второй палубы скоростника «Пронзающий». Удары, выпады, блоки, уклоны... То Сварог теснит моряка, то Сварога теснят. Стиль противника был весьма необычен, к нему трудно было приноровиться. Но и стиль Сварога незнаком моряку, и, будем надеяться, так же неудобен. Не попробовать ли «лапу ягуара»? Не вышло. А теперь «жернова». Ушел, гад! А вот это попробуем, а вот это... Ага, а если мы тебя на ложном финте мотанем? Не купился! Ну а секретные приемчики советской десантуры ты знаешь?..

А вот этого противник не знал. Сварог провел комбинацию под названием «полет кондора», более известную среди понимающих людей под другим, менее благозвучным наименованием. Но дело ведь не в том, как назвать, а в том, как исполнить. Сварог уж постарался исполнить как надо, постарался не осрамить десант. И морячок, всем

телом впечатавшись в стену коридора, так и остался лежать. Может быть, даже со сломанной ключицей.

От победы над спящими остается неприятный осадок, как от совершенной подлости, но эта незапланированная стычка утолила жажду честной борьбы, примирила с вынужденными бесчестными методами. Сварог склонился над поверженным моряком. Тем более, соперник выпал достойный. Действует не рассуждая, отменная реакция, завидная пластика, неплохая школа – ему бы маленько везенья. Сварог взвалил побежденного на плечо.

Босой Медведь справился с вверенными ему двумя моряками без всяких осложнений. Экипаж «Пронзающего» и вынужденно примкнувшего к захватчикам юнк-лейтенанта Игой-Киона доставили лифтом на первую палубу, перенесли на корабельную гауптвахту (на *ихнем* скоростнике, ты подумай, было предусмотрено и такое помещение), где и заперли, не развязав. Сами как-нибудь развяжутся.

После чего Сварог, Ак-Кина и Босой Медведь вернулись в рубку. Утопающая в капитанском кресле Щепка радостно прокричала:

– Проверка моторов завершена, искра есть, прогрев начат!

– Ого! – искренне восхитился Сварог. – Откуда такие познания?

– Она у нас умная, – с затаенной гордостью сказал Босой Медведь, будто это именно он и развил ее умственные способности.

Сварог впервые внимательно взглянул на невзрачную худышку. До этого он воспринимал ее лишь как боевую

единицу, и не более того, с поручениями справляется – и то хорошо, чего же боле?.. А вот интересно, сколько ей лет? Определенно и не скажешь. Может быть, может, и пятнадцать, может, и сорок. Да и *за* сорок, может. Есть ли морщины, нет ли – не разглядишь за слоем грязи на лице... И еще одна неуставная мысль посетила Сварога: что получится, если ее отмыть, расчесать, приодеть, на-красить? Занимательный, должно быть, экспериментик...

– А еще я позвонила на вахту Монаху, велела убрать лестницу, отвязать эти толстые веревки, которыми крепятся к берегу, и подниматься сюда.

Сварог поморщился. Надо же все так испортить, только стоило восхититься ее умственными способностями...

– За такую самостоятельность отправить бы тебя на «губу» к нашим связанным друзьям... Команды здесь отдаю я. И только я. И на суше, и, тем паче, на море. И по поводу моторов приказа не было. А если...

– В наказание дадено плавающее железо и приведет нас к гибели! – это возник в дверях обещанный Монах. – Ибо сказано в откровениях Многоуста: «Вода не есть твердь, а есть жижа ненадежна».

– Его из церкви погнали как раз за Многоуста, – поведал Босой Медведь. – За пристрастие к ереси и вину.

– Сам ты еретик и пьешь много больше! – прогрохотал Монах. – И гореть те...

– А-атставить разговорчики в строю! – гаркнул Сварог, прекрасно понимая: победа понизила дисциплину в подразделении. Расслабились, черти, вольности позволяют. Впрочем... – Слушай сюда, уголовная рота! Приказ по полку третий, предположительно последний. Полк поставленную задачу выполнил, и в награду объявляю о

его расформировании... Короче, берите плащи, идите домой. Жить разрешаю спокойно, ни о чем не беспокоюсь. Я, по крайней мере, больше о вас не вспомню.

– Зато Каскад вспомнит, – пробухтел Монах.

– Где уж нам тут оставаться, после такого-то, – Босой Медведь сделал обводящий жест рукой. – Теперь только в бега, скрыться где-нибудь в колониях... Высадите нас где-нибудь по дороге.

– Колоний по дороге не будет, – сказал Сварог.

– Все равно что-то будет, – пожал плечами Босой Медведь. – Здесь нам оставаться никак нельзя.

«А ведь можно сделать небольшой крючок, пройти мимо какого-нибудь занюханного протектората – время пока позволяет», – мельком подумал Сварог.

– У меня все готово, – подала голос Щепка. – К отплытию готовы.

– И ты в колонии хочешь?

– А куда ж я без этих двух обормотов...

– Правду глаголит, – подтвердил Монах, – пропадет она без нас в этом гнезде порока. И Каскад, опять же...

– Ведь работать заставлю, – пригрозил Сварог.

– А я уже работаю, – ответила Щепка.

– Как угодно, ваше дело, – зачем, спрашивается, настаивать? У любой лоханки должен быть экипаж... – Проводим Ак-Кину – и вперед.

– А я тоже в море хочу, – заявила Ак-Кина. – Надоело мне здесь. Хотя от Каскада, в отличие, от остальных, я отбдаюсь, уж поверьте, не впервой. Вот если в больницу попаду – придется сложно... А контор, где работают исключительно мужчины, мне опасаться нечего.

– Так плывешь или прыгаешь на берег? – прикрикнул Медведь.

– Я же сказала. И силой вам меня высадить не удастся.

– Все, – подвел итог дискуссиям Сварог. – Некогда уговаривать и высаживать... Но если кто потом будет выть-скулить: «Ах, что же я наделал»... На плот – и в открытое море. Ясно? Никто не передумал? Щепка, освобождай место командира. Поехали отсюда.

И ЭТА ЛЕДЯНАЯ СИНЕВА...

Сварог искренне радовался, что необходимость его постоянного присутствия в рубке отпала сама собой – надоела ему стихия морская до самых что ни есть печенок, до чертиков и до белого с красным отливом каления, глаза б не видели эти величественные, чтоб им пусто было, просторы со всеми этими чайками за кормой, тихим шелестом волн безбрежных и опостылевших, со всякими там бодрыми «и тогда вода нам как земля»... Сыт по горло он был и плавсредствами всех видов, размеров, назначений, водоизмещений, названий, способов передвижения и тэдэ, и тэпэ, и пнем об сову, и совой об пень, и в бога душу мать... Нет, честное слово, не в мостах его проклятье, а в бесконечном возвращении на море-акиян.

Правда, нет худа без добра. Зато он насобачился управлять любым надводным судном, наловчился с ходу определять – и без всякой магии, заметьте! – какой прибор какое назначение имеет и за что надо дернуть, чтобы сдвинуть какую ни попадись лоханку с места. Тем более, когда на лоханке – как обстояло дело со скоростником «Пронзающий» – все было устроено до предела просто, понятно и удобно. И вообще Сварог мог бы, наверное, сдать без магических подсказок и волшебных шпаргалок экзамен на капитана первого ранга в любой морской академии чуть ли не любого мира. Так что, если выгонят из королей, он всегда сможет податься в морские офицеры.

Некоторые трудности возникли разве что с отплытием: пока руки привыкли к штурвалу, пока он разобрался, что к чему, пока сверялся по карте насчет фарватера... Но вот отплытие состоялось и прошло без сучка без задоринки, так что авторитет Сварог среди членов его новой команды, и без того немалый, вырос прямо-таки до небес — это читалось по глазам сподвижников.

Когда огни порта уже таяли вдалеке, они увидели идущий им наперехват сторожевик. Свет его носового прожектора ритмично мигал — им приказывали немедленно остановиться, и чтоб это понять, не требовалось постигать азбуку местных мореходных сигналов, элементарной сообразительности было за глаза достаточно.

Вот тут-то Сварог и убедился, насколько «Пронзающий» превосходит в скорости тоже, по определению, не самый тихоходный сторожевой корабль, призванный в два счета нагонять контрабандистов и прочих нарушителей территориальных вод. Сварог перевел соответствующую рукоять на «полный ход», и бывшая собственность верх-адмирала рванула вперед, как хорошенько прищипренная лошадка. Сторожевик тут же начал уменьшаться в размерах, да столь стремительно, что Сварогу даже стало немного жаль его командира — ох и скрипит он сейчас зубами от бессилия, рвет и мечет, а поделывать ничего не может.

Да, наверное, сторожевик мог бы пальнуть вдогонку, запросто мог бы и попасть, но... Но лупить без команды по кораблю самого верх-адмирала, по кораблю, которых в Короне наличествует всего три (пardon, уже два) экземпляра, лупить только за то, что тот совершил несанкционированный отход и не подчиняется приказу остано-

виться, лупить по собственной инициативе, без команды с самого верха – ну какой рядовой капитан, скажите на милость, отважится на такое? А вдруг это расшалился сам верх-адмирал, перебрамши лишнего на дворцовом приеме и подцепимши смазливую ветреную красотку, коя стала его подзуживать: «А слабо, гроза морей, ты моя бесстрашная, прокатить меня на твоём знаменитом пароходё»? И тут – по верх-адмиралу снарядами...

Посудина, захваченная уголовно-магическим десантом под предводительством Сварога, оказалась не только быстрой и послушной рулю, но и элементарнейшей в управлении. Собственно катером можно было управлять и в одиночку, если тебе не требуется вести торпедные и прочие стрельбы или производить во время плавания ремонтные работы. Не нужно подбрасывать уголь в топку, поднимать и менять паруса. Экипаж посудины должен лишь следить за безукоризненной работой электрических механизмов и вмешиваться в случае неполадок. Но поскольку верх-адмиральский катер содержался в образцовейшем порядке – а как иначе-то! – то оснований надеяться, что за двухдневное плавание до острова Навиль ничего из строя не выйдет, имелось предостаточно.

Едва вышли в открытое море, Сварог вспомнил о молодом охраннике Игой-Кионе, которого в горячке запихали в корабельную тюрьму вместе со всеми, чего делать никак не следовало. Когда моряки «Пронзающего» распутают веревочные узлы, то сорвут злобу именно на нем. «Значит, это ты у нас охранник, ты должен был нас охранять?! Это ты должен не пускать посторонних на территорию порта и не подпускать их к кораблю? А ты помогал им из последних сил! На, н-на!» Да, могут отде-

лать парня будь здоров, до пожизненной инвалидности. Сварог распорядился – и Игоя-Киона освободили.

– Этот мальчик неплохо управлялся с катером, когда вез меня с Атолла на берег, – задумчиво сказала Ак-Кина. – Значит, в чем-то разбирается. Да я думаю, все эти корабли похожи друг на друга... К тому же, он совершенно безобиден, да и запуган так, что думать побоится обо всяких глупостях.

Поразмыслив, Сварог пришел к выводу, что Ак-Кина права. Какими бы порывами она не руководствовалась – не исключено, что ей просто приглянулся молодой юнк-лейтенант, вполне допустимо, что именно из-за него она и пожелала остаться на борту, – лишняя вахтенная единица никак не помешает. Вряд ли стоит ожидать подвоха от такого размазни. Ко всему прочему, можно составить вахты так, чтобы за ним все время приглядывал или Монах, или Босой Медведь – уж эти-то не допустят никаких выходов. А в отдыхающую смену заперать его отдельно от всех... И Сварог милостиво повелевать соизволил доставить юнк-лейтенанта в рубку.

Кстати, один энтузиаст мореплавательского фронта у Сварога уже наметился. Щепка осваивала корабельные приборы с потрясающей быстротой, проявляя прямо-таки чудеса сообразительности. Похоже, и в самом деле толковая девчонка... Или не девчонка, а женщина? Ладно, после разбираться будем. Со всем управившись, составив вахты, всех проинструктировав, напоследок все проверив, капитан Сварог покинул рубку. И наказал до утра его не беспокоить.

Он зашел в ближайшую от рубки каюту, запер дверь (вот уж не нужно, чтобы кто-то тайком сюда пробрал-

ся – пусть стучат-колотят, когда понадобится). По сторонам – где оказался, что по стенам, а что это у нас на столе и под столом? – не глазел. Нисколько не любопытно. Койка есть? Есть. Другого ничего не трэба. И он рухнул на койку.

...Сварог вытолкал маленькое судно на место поглубже, затем подтянулся на руках и перебросил тело через борт. Большими, резкими гребками погнал кораблик в открытое море.

И вот – позади узкие ворота бухты, две забравшиеся в море скалы, далеко позади, уже едва различима кромка берега. Впереди – неизвестность, а под ним – пучина, неведомо что в себе таящая.

Немногим позже Сварог убрал весла: парус наполнил ветер.

Откуда-то он знал, что ветер северо-восточный, попутный. А еще он знал, что ему во что бы то ни стало необходимо достичь другого берега. Вот только что там, на том берегу, он не ведал. Как не имел представления и о том, как долго предстоит добираться. А пока все складывалось наилучшим образом: дул желанный ветер, водную гладь нарушала лишь легкая рябь, солнце украшало чистое, не предвещающее штормовых бед небо. Оставалось только наслаждаться морской прогулкой.

А потом все враз переменилось.

Потом море перестало быть морем, а небеса – небесами.

Солнце сперва превратилось в узкую оранжевую полосу, потом и вовсе пропало. Казалось, лодка рассекает черную бурлящую смолу, а со всех сторон надви-

гается само пространство. Горизонт сжимался, опускался небесный свод, воздух напоминал переливающуюся всеми цветами радуги прозрачную поверхность кристалла. Раз – и лодка очутилась внутри него. Размытая линия горизонта и вовсе исчезла. Вокруг буйствовало режущее глаза многоцветное сияние, черное смоляное бурление под лодкой уступило место чему-то, напоминающему лед, по которому суденышко скользило столь же ровно и быстро, как и по воде.

Сварог почувствовал, что приближается к *рубежу*. За которым ждет либо окончательная победа, либо смерть. Третьего не дано.

Окружающий мир вновь преобразился. Сейчас лодка двигалась по узкому круглому тоннелю, стены которого были сотворены будто из мерцающего внутренним светом мрамора, а киль рассекал рубинового цвета жидкость, похожую на кровь. Потом лодку и гребца окутала беспросветная мгла.

И вот стало разгораться свечение, рассеивающее тень. Лодка покачивалась на спокойной воде. У самой кормы проступали очертания железной решетки, закрывающей вход в просматривающийся за ней тоннель. Нос лодки почти касался обширного каменного причала – его ограждали каменные стены, плавно переходящие в высокий свод. Сами стены, казалось, излучали свечение, позволяющее разглядеть все вокруг. Причал был пуст.

Звук, напоминающий сильный удар в стену, сотряс воздух. За ним тут же последовал еще один удар. Часть стены напротив лодки задрожала и рухнула, образовав огромную, с неровными краями дыру, внутри бреши что-то зашевелилось... и стало выползать наружу.

Что-то огромное, темное, как и сами стены, выбралось из отверстия и шагнуло на освещенную синеватым светом площадку. Отовсюду вдруг потянуло невыносимым, *нездейним* холодом...

Сварог проснулся от холода. Рывком поднялся с постели. Затряс головой, выгоняя из сознания остатки дурацкого сна, протер глаза, выдохнул... Из рта вырвалось облачко пара. Своим пробуждением он был обязан отнюдь не сновидению, в каюте взаправду стоял зверский холод... Но этого же никак не может быть! Мы ж должны плыть по теплым водам!

Кстати, они никуда не плыли, на это Сварог обратил внимание только сейчас. Не слышно гула электромоторов, не ощущалось покачивания, даже самого слабого.

Сварог метнулся к иллюминатору. Здравствуйте, девочки – иллюминатор затянут коркой изморози.

Он выскочил в коридор, заполошно огляделся. Настенные лампы на затейливых бронзовых ножках горели в треть накала. В коридоре стола такая же стынь, как и в каюте. Металлические предметы уже подернула тонкая пленка инея. Блин, откуда на современном корабле минусовая температура! Или я еще сплю?

Из каюты напротив донесся храп. Это сугубо прозаическое проявление естественной жизни несказанно обрадовало Сварога. Потому что на миг закралось донельзя неприятное ощущение, что он на корабле один.

Сварог отодвинул дверь каюты напротив и обнаружил Монаха – тот лежал на нижней койке, по-детски сунув под голову кулак. И вот что неприятно: здесь, как

и на всем корабле, было невыносимо холодно, но это, похоже, Монаха ничуть не беспокоило.

– Эй, высокопреосвященство, подъем! – Сварог потряс любителя Многоуста за плечо. – Да вставай ты!..

Сварог уже тряс Монаха всерьез. Того мотало, как куклу, в руках Сварога, но уголовный элемент просыпаться не желал. Ноль, никакой реакции, все та же блаженная улыбка на физиономии, и не менее громкий храп из глотки. Ну, раз так...

Сварог применил болевой прием, от которого и мертвый должен был, взыв, подскочить и запрыгать от боли по каюте. Мертвый, может быть, и вскочил бы, Монах же – нет.

Но он же жив! Сварог приложил руку к его голове. Температура вроде бы нормальная. Так, необходимо срочно определить, где мы находимся, что за бортом...

Чуть ли не бегом Сварог бросился в рубку.

В рубке картина была не радостнее. В капитанском кресле, забравшись на него с ногами, спала Щепка. («Осталась после окончания своей вахты, хотя я настрого приказал отдыхать в свободное время», – мимоходом отметил Сварог). Босой Медведь спал в штурманском кресле, уронив подбородок на грудь. Ак-Кина и юнк-лейтенант Игой-Кион сидели, держась за руки, на диване под картой Гаранда и, разумеется, спали. А окна рубки были плотно затянуты коркой льда. Изнутри ни черта не разглядишь, значит, надо выбираться наружу...

Дверь на мостик Сварог открыл не без труда – ее крепко приморозило к косяку. Пришлось отбивать ногой, пока та не поддалась. Внутрь корабля, как припозднившиеся гости в Новый год, ворвалось морозное облако. Сквозь

него Сварог выбрался на гулкий металл мостика. И наконец-то увидел...

Повсюду, насколько хватало глаз, неприступные, покрытые снегом горные кручи возносили свои вершины в сереющее вечернее небо. Со всех сторон... Как великая снежная стена... А их корабль находился в центре огромной котловины – не иначе, горного озера. «Пронзающий» вмерз в лед. Причем совершенно невозможно было даже предположить, как он здесь оказался, поскольку никакого прохода, пусть и замерзшего, в округе не наблюдалось. Прошел, что ли, подземным туннелем? Как в его, Сварога, сне?..

Было время заката. Пурпурный свет умирающего светила окрасил снег кровью, горные склоны, изрезанные трещинами и уступами, отливали медью. Игра света и тени завораживала. Если б сейчас можно было предаваться созерцательным восторгам – цэны бы такому пейзажу не было...

Сварог включил «третий глаз».

Мама родная!

Реальность вокруг отсутствовала напрочь. Вернее сказать, то, что он принимал за реальность, глядя нормальным зрением, – оказалось сплошным порождением магии. И все, что окружало несчастный корабль, было чьей-то колдовской фантазией.

Горы были не белые от снега, а синие, втыкающиеся в небо (хоть небо-то настоящее) фиолетовыми верхушками. Ближе к подножию горы становились бирюзовыми, а сковавший скоростник лед в магическом зрении имел сапфировый цвет. И посреди всего этого калейдоскопа выделялся иссиня-черный, пульсирующий, как сер-

дце, зыбких, колеблющихся очертаний, сгусток. Или пятно, как хотите. И к нему отовсюду, словно кровеносные артерии к сердцу, тянулись жилы небесно-голубого оттенка.

Ну и что там такое, если посмотреть обычным глазом? Сварог отключил магическое зрение.

Изломленные тени причудливо тянулись через глубокую, начинающуюся в пятах уардах расселину, противоположный конец которой терялся в дымке. У ближнего края расселины на белом снежном фоне отчетливо выделялось все то же темное пятно...

Хижина – вот что это такое. Небольшой кривобокий домик, сколоченный, похоже, кое-как и из всякого хлама. Сварогу даже удалось разглядеть над хибарой тоненькую струйку дыма.

Какие отсюда выводы, господа? А такие: кто бы или что бы не скрывалось в хижине, оно имеет прямое... прямейшее, а то и главнейшее отношение к происходящему. И если где-то и можно найти ответ, а с ним и выправить ситуацию, то только там – в этой лачуге.

Простояв на мостике минут пять, Сварог вконец околел. Он заскочил в рубку, закрыл за собой дверь. Потопал ногами, обняв себя за плечи. Потом несколько раз присел, помахал руками, сделал десяток отжиманий. Может, холод – тоже всего лишь чье-то там порождение, но пробирает качественно.

Хорошо бы, конечно, сотворить чашечку кофейку с коньячком... Но очень не хотелось терять время на пустяки. Некогда. Также некогда, а главное, бесполезно бить спящих по щекам, трясти их и проводить на них болевые приемы. Очевидно и несомненно, что и их сон – ягод-

ки с того же магического огорода. А вот отчего да почему самого Сварога не тронули? Уж не за тем ли, чтобы таким своеобразным образом позвать в гости? Что ж, раз приглашают, надо идти.

Сварог снял со стены сабельку – висела, видите ли, в рубке на ковре небольшая такая коллекция холодного антикварного оружия. Кто-то из корабельных баловался – может, капитан, а может, и сам верх-адмирал. Молодцы, спасибо. Шаур, конечно, вещь хорошая, но не на все случаи жизни вещь. Так-то оно будет понадежней. Сварог вытащил саблю из ножен, пальцем проверил заточку. Ого! Видимо, хозяин коллекции нагружал своих денщиков работенкой, дабы те не скучали в походах и на рейде. Сабелька заточена, что у твоего казака.

Вызывать лифт Сварог и пробовать не стал, посмотрев на горящие в треть накала лампы, – сбежал вниз по узким трапам. Диафрагму выхода пришлось разводить вручную, вертя какую-то ручку, электромотору напряжения не хватало. Ну все, можно покинуть «Пронзающий».

Снежная волна налетела на Сварога, едва он вышел наружу. Точно огненный вихрь, ледяная пыль, несомая шквальным ветром, обожгла лицо и руки. Вот так здрасьте! Если учесть, что до этого стоял штиль полнейший... Выходит, нас так встречают. Под порывом ледяного ветра в лицо версия о приглашении в гости несколько потеряла в правдоподобии. Но в гости мы так и так зайдем, ждите.

И Сварог двинулся сквозь пургу. Стихия неистовствовала, ледяная пыль секла кожу, сбивала с ног, швыряла в лицо пригоршни ледяного крошева. Завывающая,

как голодная дикая кошка, пурга пыталась оттеснить, оглушить, запутать и навеки похоронить в снежном беспомыслии.

А Сварог шел вперед. Ничего не видя в снеговerti, оглушенный штормовыми ударами. Лишь иногда включал «третий глаз», сверялся с ориентиром – с тем, что было хижинкой в одном зрении и иссиня-черным сгустком в другом, видел беснующуюся вокруг него синюю круговерт, отключал «третий глаз» и шел, шел, шел. Воздух словно стал твердым – плотная стена ветра не пускала, лезла в гортань морозным кулаком, норовила сорвать одежды, опрокинуть, унести... Он падал, но поднимался, вытирал лицо рукавом и шел.

И вдруг все прекратилось. Разом. Как отрезало. Как рубильник отключили. Впрочем, может и отключили. Некий магический рубильник – ведь в этом мире, помнится, очень любят всяческие рубильники... Как бы то ни было, а воцарилась картина, которую Сварог наблюдал с мостика: штиль, закат, снег в красках заката, – короче, холодная сказка снежного безмолвия.

– Издеваешься, сука? – пробормотал Сварог, глядя на хижину и несколько не беспокоясь, что его могут слышать. – Эксперименты ставишь? Лады... И об этом тоже переговорим.

Сварог оглянулся. От корабля тянулась цепочка кажушихся синеватыми на белом фоне следов. Пройдена где-то одна пятая пути до хижины, впереди – четыре пятых снежной целины...

Он продолжил поход. Ровный уклон был небольшим, почти неощутимым, и Сварог продвигался вперед беспрепятственно, если не считать того, что ноги провали-

вались в снег по щиколотку. Но хоть не по колено, и на том спасибо...

При каждом выдохе изо рта вырывалось легкое облачко пара, белая пустошь слепила глаза, хрустел под шагами снежный наст. Ничего, до снежной слепоты не нагуляюсь, я тут у вас не собираюсь задержи...

Тренькнуло чувство опасности – не громко, так, словно напомнило о своем существовании. И тут же в пятидесяти шагах от него вдруг заходили ходуном, всколыхнулись сугробы, снеговой покров разошелся в стороны, словно его раздвинули руки великана, и из образовавшейся брешы с оглушительным чмоканьем вылетела исполинских размеров серо-зеленая, лоснящаяся тварь, уардов двадцать длиной, толщиной в два обхвата. Ни конечностей, ни головы, ни глаз, ни носа у твари не было – просто уродливая, изломанная в трех суставах колбаса, увенчанная круглой розовой склизкой пастью с тремя частотоколами мелких, но очень острых зубов. И пасть эта жадно открывалась и закрывалась.

Несомненно, это было зло. Не сказать, что смертельно опасное, однако ж то был и не простенький пустотный призрак – в магическом зрении Сварог отчетливо видел колыхание черных лоскутьев, простреливаемых навывлет темными извивающимися нитями. При большом желании можно было углядеть в этом клубке очертания, смутно напоминающие давешнего червя, но... Но желания такого не было, и Сварог вернулся в реальность. Чудовище сделало глубокий, явственно слышный вдох, а затем струя смрадного воздуха резко и сильно вырвалась из прожорливой пасти. Бестия покачивалась над Сварогом, словно раздумывала над великой проблемой, – есть

или не есть. Высунула доселе невидимый хрящеватый хвост с шипом на конце, повела им, изогнулась, готовясь к броску...

Сварог уже держал шаур поднятым. Вдавил курок, и над снегом понеслось сияющее серебро. Все круглые зазубренные пули ложились в цель: по такой мишени захочешь – не промажешь...

Тварь разинула пасть – да так и застыла. Из отверстия, сверкающими кинжалообразными зубами, повалил дым. Тварь издала звук, подобный писку щенка, которому сжали пальцами горло, но усиленный тысячекратно, задрожала, по ее телу пошли на глазах набухающие волдыри... Потом волдыри лопнули, образовав в спине бесстии огромную дыру, из которой ударил столб огня...

И все.

Была тварь, да кончилась. И разметало клочки по закоулочкам...

– Ну и зачем? – громко спросил Сварог у ледяного безмолвия. – Чего ты добиваешься, а, приятель? Для чего вся эта клоунада, в чем ее высший смысл? Ау, я кого спрашиваю?

Вопль души остался без ответа. «И что ты мне еще приготовил? – думал Сварог, продолжая утаптывать снег на пути к хижине. – Дешевым балаганом отдают твои затеи, мой незнакомый и очень навязчивый друг. Примитивно и даже, я б сказал, глупо...»

Он выдернул ногу из снега, приготовился сделать шаг и... не сделал его. На этот раз детектор опасности смолчал, но вот нога...

Нога была занесена над огромным черным колодцем, уходившим, казалось, в самое сердце земли. Колодец

возник из ниоткуда. Мгновение назад впереди лежал девственно нетронутый снежный покров – и вот... получите колодец. А что показывает «третий глаз»? Ничего. Магический визир демонстрировал, что никакой дыры перед ним нет. Так что? Идем вперед без страха и упрека?..

Сварог остороженько ногу опустил – в глубине колодца вдруг вспыхнул нереальный, ослепительно яркий бело-голубой свет, высветив каждую трещинку, каждую щербинку в стенах, и Сварог скорее ощутил, чем увидел или услышал, как из бездонного провала не спеша поднимается что-то огромное, безжалостное, смертоносное. В тишине, наполняющей горную долину, стали отчетливо слышны звуки – шуршание, скрежет, хруст, словно доносящиеся из ведра, доверху наполненного шевелящимися насекомыми, но усиленные десятикратно. И Сварог *увидел*. И зрелище это переполнило его таким невыразимым ужасом, что он напрочь забыл о магическом зрении – он смотрел и смотрел зрением обычным, не в силах оторваться. Черная громада неторопливо вздымалась над краем колодца, заслоняя голубой свет. В ней не было ничего от человека, ничего от зверя; вообще ничего от живой твари, когда-либо появившейся под солнцем. У нее не было определенной формы, она клубилась, как дым и переливалась, как отражение луны в беспокойной воде. У нее не было глаз, щупалец или пасти, однако сразу становилось понятно, что оно *живое* и наделено злым, нечеловеческим разумом; и именно это знание застлало мозг Сварога беспросветной пеленой ужаса. Не в силах оторвать взгляда от чужеродного создания, не в силах пошевелиться и даже закричать, он чувствовал, что серд-

це его работает в бешеном ритме, готовое вот-вот лопнуть, что сознание медленно покидает его, уступая место кроваво-красному безумию, что мышцы свело непроизвольной судорогой, превратив их в туго натянутые канаты...

Гигантское нечто поднималось и поднималось. По его бесформенной туше сновали тысячи, миллионы крошечных существ, описать которые человеческий язык не в состоянии – то ли они являлись частью этой твари, то ли были всего лишь насекомыми, паразитирующими на теле демона...

Бежать! Прочь от этого сводящего с ума кошмара. Дальше, дальше, как можно дальше! Чтобы не потерять разум. Иначе невозможно не потерять разум, не в силах человеку выстоять перед ужасом, собравшим в себя все страхи вселенной от дня творения до последнего дня. Бежать или потерять разум... Бежать или потерять разум.

Бля, вот чего от него добиваются!

И Сварог сделал шаг вперед. Шаг туда, в колодец...

И под ногой хрустнул тонкий наст. Нога, уже привычно, погрузилась в снег по щиколотку. Никакого колодца... Он не ухнул в звенящую бездну, не попал в объятия посланца из преисподней. Но каково...

– Ну, сучий потрох! – заорал Сварог. – Гнида ползучая, я ж тебя по льду размажу! Кишки на кулак наматаю!

Сварог еще что-то кричал, размахивал шауrom, стрелял в проклятый снег, потому что больше стрелять было не во что. И шел, шел, продирался вперед.

И успокоился, только когда до хижины оставались считанные уарды.

Хибара была возведена на скале. В радиусе трех шагов от лачуги отчего-то снега не было, и в закатных лучах отчетливо виднелась каждая трещинка в скале, ледяная корка на камнях блестела, точно бриллиантовая. Вблизи же развалюха производила еще более жалкое зрелище, нежели издали. Доски – сплошное гнилье, набиты кое-как, вкривь и вкось. Единственное окошко забрано слюдой, покрытой коричневой коркой вековой грязи. Крыша, казалось, с грохотом провалится от неосторожного хлопка дверью. Получше, что ли, времянку не мог себе оттрохать некий с-садовод-ледовод хренов?!

Сварог потянул на себя скрипучую дверь. Освободил саблю из плена ножен, вошел внутрь...

НЕКТО ВИЗАРИ

...и оказался в зале, освещенном тысячью светильников.

Зал был громаден, потолок и противоположная стена совершенно терялись в туманном желтом сиянии, струящемся, мерцающем, льющемся, заволаживающем. Окутанные этим светом, в воздухе медленно плыли призрачные фигуры всевозможных цветов и оттенков – кольца, звезды, конусы, спирали. В их мерном танце присутствовал некий трудно уловимый ритм; они кружились, подгоняемые невидимыми волнами, исходящими из неподвижного центра – находящегося в середине зала ступенчатого пьедестала, на котором ровным изумрудно-желтым светом сиял полупрозрачный кристалл размером с голову взрослого человека. А у подножья пьедестала, благоговейно воздев руки к небу, застыл на коленях силуэт человека, кажущийся черным в отблесках яркого волшебного света. На голове его сияла серебряная корона с четырьмя уродливыми рогами. Зловещий гул, напоминающий гудение потревоженного улья или рокот далекого морского прибоя, наполнял помещение, свербил в ушах, вызывал тупую, ноющую боль в зубах. На вершине каждой из высоких мраморных колонн, расположенных в строгом порядке, горел неяркий колеблющийся огонь. Человек в короне находился внутри неровного круга, начертанного на мозаичном полу чем-то красным, похожим на кровь. И центром этого круга являлся пьедестал.

Черная фигура медленно опустила руки, медленно повернулась и невидяще посмотрела на вошедшего – словно пребывая в трансе и не понимая, что происходит. Но постепенно взгляд человека в короне прояснился, и улыбка появилась на его исхудалом лице.

– А-а, – ласково проговорил он, покачав головой, но на ноги не поднимаясь, – пришел. *Ты* пришел. Что ж, так даже лучше. Рано или поздно... Не все ли равно с *кого* начинать. Начать – вот самое важное. «Начало» – вот самое главное слово во вселенной...

– А если изъясняться конкретнее? – Сварог раздражения не скрывал. Не хотелось ему скрывать, и все тут. – И стоит ли начинать с угроз, уважаемый?

Сварог шагнул вперед и... и словно бы увяз в чем-то липком, вязущем, не пускающем дальше. Включил «третий глаз». Точнее, попытался включить – потому что ничего не вышло. А, дьявол... Все его магические способности были мягко, ненавязчиво, но действительно блокированы.

Ага. Ну ладно. Обложил себя колдовской защитой, гад? Ну да мы не гордые, мы и без магии кое-что можем, приучены-с... И Сварог отступил. *Пока* отступил.

– С угроз? – незнакомец искренне удивился. – Ах, вот ты о чем! О невинных шалостях с холодным сном! Или ты говоришь о тех забавных фокусах, что я показал тебе на пути к моему скромному жилищу?.. Прости, я просто хотел посмотреть, на что ты способен. Маленькая такая проверка, результатами которой я остался вполне удовлетворен. Но теперь ты мой гость и я окажу тебе почести по чину.

– Тогда уж по королевскому чину, – сказал Сварог.

– Вот как? Покорнейше прошу простить меня за тыканье, – никакой издевки в словах «рогатого» Сварог не почувствовал, кажется, тот говорил на полном серьезе. Эх, определитель лжи бы сюда... – Уж не обессудьте, я не стану обращаться к вам «ваше величество». Во-первых, не люблю слишком длинных титулований, а, во-вторых, мы ровня. («Везет же мне на королей», – устало подумал Сварог, мигом припомнив владыку Хелльстада... И то, чем владыка кончил.) Я не спрашиваю вас, в какой части Гаранда находится ваше королевство и каковы его размеры. Да и какое, в сущности, это имеет значение! Мое же королевство... оно перед вами. Я устроил его по своему вкусу. Мне всегда нравилась зима в горах, эта холодная горделивая красота, заставляющая человека почувствовать свои ничтожество и мелочность. А вы сейчас находитесь в королевском дворце... Но не пора ли представиться? Не стану настаивать, чтобы первым представлялся гость. Тем более, что я чувствую некую вину перед вами за эти... невинные розыгрыши.

Человек в серебряной короне с четырьмя рогами поднялся с колен, согнул голову в легком поклоне. Сказал просто:

– Мое имя Визари. И я бог.

Ну-ну. Ни больше, ни меньше. Даже покойный Фаларен богом себя отнюдь не считал...

Не сказать, чтобы Сварог очень удивился произнесенному имени. Чего-то похожего он, признаться, и ожидал. К этому все и шло. Слишком уж много странностей накопилось – чувствовалось, что все они связаны одной нитью и эта нить, как нить путевого клубка, должна на-

конец-то куда-то привести. Вот и привела... Но чтобы к богу? Это, извините, не для нас, мы так высоко не замахиваемся...

– Не могу утверждать, что очень приятно познакомиться, – он позволил себе легкую улыбку, – однако ж, если настаиваете... Извольте: Сварог. Не бог, но король, – на ответный поклон он растрачиваться не стал. Пусть это и не по этикету, но король сам себе указ и этикет, не так ли?

Визари что-то прошептал, провел ладонью по лицу, словно смахивая паутину, и вслед за этим за спиной Сварога что-то громко стукнуло о пол. Оглянувшись, Сварог увидел кресло на гнутых ножках, с мягкой обивкой и высокой спинкой.

– Садитесь, король Сварог, я полагаю, разговор нам предстоит долгий.

Хотя Сварог придерживался иного мнения, но все же сел. Сам Визари по-простому, без церемоний опустился на ступень пьедестала.

– Прошу простить меня за то, что разговаривать нам придется на некотором удалении друг от друга, но я отвык от людей с их странными привычками, с их непредсказуемостью и непоследовательностью. Прошу не обижаться. Когда я смогу всецело вам доверять, меж нами не будет разделительного барьера... Впрочем, в этом зале замечательная акустика и даже если вы захотите перейти на шепот, я услышу. Как слышал я все, что вы говорили во время вашего недолгого, но насыщенного путешествия от корабля до моего дома и что меня, признаться, немало позабавило. Как вам мое скромное жилище, кстати?

– Вполне, – сказал Сварог, загоняя глубоко внутрь неприязнь. В конце концов, он пришел сюда по собственной воле, никто его не тянул. Да и выяснить кое-что не мешает – мирно... Хотя чувствовал он и легкое разочарование: как-то не так представлялась ему встреча с лидером Иных. Да и сам лидер выглядел несколько... несколько непрезентабельно, что ли. Впрочем, лидеры не всегда являются собой образец мужественности и красноречия – по-всякому бывает, знаете ли... – А вы, выходит, тот самый неуловимый, таинственный маг? О ком слагают легенды, ненавидят, боготворят, чье имя пишут даже на стенах домов?

– На стенах домов? Да что вы говорите! Про это я впервые слышу... Что ж да, я и есть тот самый Визари. Тот самый бог, который заставил заговорить мир о себе... Если бы вы знали, чего мне это стоило, каких титанических усилий потребовало!

– А дозволено мне будет спросить, король Визари, зачем вам потребовался я?

– Вы? – вырвалось у Визари. Словно он удивился вопросу. – Ну... Раз вы здесь, значит вы – Призванный. В этом я убедился, когда вы прошли все испытания. Недаром... Впрочем, это неважно. Важно, что вы здесь.

– Под испытанием вы подразумеваете все то, что происходило со мной, начиная с подводного корабля?

– Вот видите, как велико мое могущество, – сказал Визари с ноткой хвастовства.

Что-то не так. Как бы отталкивающе не выглядел лидер, в нем должна, просто обязана быть жилка, какая-то черта, особенность, которая и заставляет людей следовать за ним со знаменами да под танки. А такой черты,

сколько ни старался, Сварог в новоявленном боге углядеть не мог. Ладно, будущее покажет, что это за бог, лидер и маг в одном лице...

– В таком случае, удовлетворите мое отнюдь не праздное любопытство, ваша божественность. Имеете ли вы отношение к болезни, внезапно поразившей моего друга?

– Это все неважно, – скривившись, сказал Визари. – Вы начали говорить не о том. Не о том. Есть вещи, о которых мы *должны* говорить с вами сейчас, не размениваясь по мелочам.

– Хорошо, я слушаю вас, бог Визари, – покладисто сказал Сварог.

«Ему что-то жжет язык... Ну, пусть выговорится, глядишь, нервозность пройдет, тогда мы и вернемся к моим вопросам...»

– Слушайте меня внимательно, король Сварог, – голос Визари неожиданно изменился, стал торжественным. – Я сейчас открою вам глаза на многие вещи, которые для прочих людей надолго, если не навсегда, останутся тайнами за семью печатями. Здесь, в Зале, хранится самая большая драгоценность, что когда-либо попадала в руки человека. Ее нетленным светом пронизано все вокруг. Никто не знает, откуда на Гаранде появилась эта... драгоценность. В одном старинном свитке, случайно попавшем мне в руки, написано, что миллионы лет назад за право владеть нашим, тогда совсем юным, миром сражались Древние Боги, имена которых вместе с ними самими исчезли в бездне веков. Один из Богов, сражавшихся на стороне Добра, был ослеплен противниками, лишился глаза. Глаз этот упал на Землю – на крошечный безымянный остров... сюда. Частичка божест-

ва, он сохранил силу своего умершего обладателя, но некому было разбудить дремлющую в нем мощь... И я, я сумел отыскать этот предмет... э-э, назовем его Око. Я сумел восстановить его могущество. Око – это один из элементов вселенской структуры, поддерживающей равновесие в мироздании, частичка силы, стремящейся к упорядочиванию хаоса. Разработав и применив необходимые заклинания, я подчинил его мощь. И с его помощью заглянул в будущее. Сейчас я расскажу вам, первому человеку на свете, что открылось мне. Чего не знает никто, кроме меня.

Визари порывисто вскочил, принялся ходить перед пьедесталом, заложив руки за спину. Сварог наблюдал за его перемещениями, и с каждой секундой в нем все сильнее росло ощущение, что он присутствует на дешевом спектакле с отвратительными актерами и картонными декорациями. Даже пресловутый Фаларен – и тот был более... более правдоподобный. Вменяемый он был, несмотря на манию величия. Хотя сходство несомненное. Так что – опять дежа-вю? Опять отражения в зеркалах?..

– Грядут великие перемены, король Сварог! Хотя в это трудно поверить, но через шестьсот лет исчезнут материки и острова, исчезнет Корона и исчезнут все прочие мелкие государства. Миром будут править орды безжалостных дикарей, вышедшие из лесов Ханнры. Грядут кровопролитные битвы, жестокость которых и представить невозможно. Будут возведены и уничтожены в войнах новые города, будут возноситься к вершинам славы и рушиться в бездну забвения целые империи. Но войны – это еще не самое страшное. Ибо потом... Лик мира

изменяется, король Сварог, и спустя еще тысячу лет он станет совсем другим. Материк Корона будет затоплен океаном, исчезнет в пучине Гвидор, лишь вершины гор останутся над поверхностью вод. Родятся новые материки, появятся новые моря и океаны, пустыни превратятся в громадные горные цепи. И в поколениях не останется памяти о живущих ныне. Все, чем мы жили, чего достигли, исчезнет без следа. Новое человечество придет нам на смену, великое и прекрасное.

«Ага, вот и зазвучала тема конца света! Давно пора». Сварог закинул ногу за ногу, хотя больше всего ему хотелось встать и просто уйти из зрительного зала. Терпение, граф, терпение: Визари настолько увлекся риторикой, что несколько ослабил контроль над магическим щитом, заголосила уже не подавляемая сигнализация опасности, и Сварог очень аккуратно, искоса, мельком глянул на колдуна «третьим глазом». Глянул – и тут же «глаз» выключил, потому как сияние кристалла на пьедестале оказалось невыносимо ярким. Впрочем, и увиденного было достаточно. Что ж, судари мои, перед ним был несомненно человек – человек как человек, не без магических способностей, но и не супермаг. Так, серединка на половинку. И, что характерно, способности эти были не темные и не светлые, а какие-то... какие-то *никакие*. Блеклые и невзрачные. И это он вычислил появление Сварога в этом мире, организовал его спасение и череду последующих событий?! Быть того не может.

– И мы, мы создадим это человечество! – продолжал Визари, и голос его эхом отскакивал от стен. – Мы сэкономим, пронесем сквозь тысячелетия все то, чего достиг

наш мир, чтобы потомки смогли насладиться произведениями нашего искусства, чтобы не открывали заново те законы мироздания, которые уже открыли мы, чтобы не повторяли наших ошибок. Пользуясь силой магии, мы превратим этот остров в цветущий сад, возведем прекрасные здания. Мы отгородим этот остров от остального мира цепью преград и ловушек, сквозь которую мало кому удастся проникнуть. Мы станем искать по всей Земле людей, которые обогнали свое время, — тех, кто посвятил свою жизнь раскрытию тайн природы и изучению устройства всего сущего, тех, кто неустанно пытается заставить стихии служить человеку, художников, скульпторов, сочинителей музыки, по красоте превосходящей мелодии небесных сфер. Мы призовем их к себе. Долго придется объяснять, как это устроить, но поверьте мне, я знаю — как. И это произойдет — со всех уголков света сюда начнут стекаться самые светлые умы, самые мудрые личности, изобретатели и поэты, маги и исследователи. А лишние и бесполезные погибнут в ловушках, которые мы возведем на их пути к острову, потому что на поиски благословенной земли ринутся толпы разочарованных своей жизнью, уставших от каждодневной суеты, от необходимости добывать своим трудом хлеб насущный. Но острову — нам — они не нужны. Остров в конце концов не сможет вместить всех тех, кто ищет счастья и спокойствия лишь в существовании подобно скоту, которого кормит и о котором заботится трудолюбивый хозяин. И на дороге таких людей мы возведем непреодолимые стены — тем прочнее, чем ближе настырный путник находится к нашей стране. Если ты, не желая никого видеть, окружаешь свое собственное жилище высокой

стеной, глубоким рвом и сажаешь у дверей свирепого пса, а какой-то излишне любопытный пройдоха все же вознамерился забраться к тебе, и его растерзала твоя собака, — кого ты станешь винить в происшедшем? Конечно, вора и пройдоху. Нам не нужны здесь воры и пройдохи!

А править новым и воистину счастливым человечеством станем мы, основатели нового мира. Мы с вами, король Сварог, выберем себе женщин из тех, кого зовут Иными. Самых достойных, кто от природы наделен умением чувствовать магическую суть вещей. К нашим потомкам, согласно природе наследования, перейдут наши способности и они, как и мы, смогут успешно править созданной нами страной. И вот что я вам еще хочу сказать касаясь женщин. Вы удивитесь, когда услышите...

— Две королевские династии на одном троне не уживутся, — негромко произнес Сварог.

— Что? — спросил Визари.

«А говорил, что акустика в зале расчудесная, что он услышит даже мой шепот. Похоже, кроме себя, он никого не способен услышать».

— Я говорю — считайте, я согласен, — сказал Сварог устало. — Давайте зложим новую расу, расу избранных, вдобавок зложим расу в расе, избранных среди избранных — я на все согласен. Вы правы, мне нечего возразить... да и не хочется возражать. У меня есть к вам всего одна маленькая, крохотная просьба. Так сказать, в залог нашего будущего сотрудничества и полного доверия.

— Вы о чем? — голос Визари стал резким.

— О моем друге. Не знаю, как это выглядело со стороны, но на самом деле я направлялся не на увесели-

тельную прогулку, а за лекарством для моего товарища, он, понимаете ли, при смерти. И у меня очень мало времени. По сути, времени нет вовсе. Я бы рискнул просить вас не препятствовать нам и позволить немедленно продолжить путь. Я обещаю вам вернуться к этому разговору, как только я добуду лекарство и спасу моего товарища.

– Вы перебили меня. Все то время, что я распинался перед вами, говорил с вами о сокровенном, вы думали о своих пустяковых делах. Вы не способны возвыситься мыслью. Ха, и я еще хотел поделиться с вами дарованным мне могуществом! Я открыл вам величайшую из тайн! Тайну грядущего!

В голосе Визари дрожала нешуточная обида.

А Сварога так и подмывало сказать: «Для вождя народов у вас слишком мелкоуголовные замашки, любезный. Слишком плоский, понимаешь, образ мыслей». В общем, надо отсюда вырываться, и как можно скорее. Этот Визари – типичный псих. Драпать надо, нечего тут ловить. И ради Рошаля, и ради того, чтобы самому не свихнуться. И плевать на все ответы, на все вопросы.

– Вас устроит слово короля? – попробовал Сварог зайти с другой стороны. – Слово короля, что я незамедлительно вернусь, едва...

– Вы никуда отсюда не уйдете, – махнул ладошкой бог. – Узнавший тайну бога Визари, видевший в лицо бога Визари должен остаться с ним на острове. Или умереть.

«Даже если он вдруг пообещает мне, что незамедлительно, силой своего могущества сумеет избавить Рошаль от лихорадки, смогу ли я поверить *этому* человеку?

Бог, ха-ха-ха. Ясное дело, не могу. А стало быть, — и Сварог сделал неутешительный вывод, — будем уходить плохому».

— Я все-таки даю вам слово, что вернусь продолжить разговор, если вы выполните мою просьбу, — Сварог попытался подняться. И неожиданно был вновь вдавлен в кресло невидимой стеной. Следом за первым ударом последовал второй, но Сварог на его пути уже успел поставить магический блок.

— Ах так! — возопил Визари. — Ты думаешь, что тебя это спасет! Ну смотри же! Смотри, что я могу!

Откуда-то с потолка сорвалась ветвистая молния и с оглушительным шипением вонзилась в макушку колдуна. На миг все вокруг осветилось полуреальным голубым светом; когда же вспышка угасла, Визари, неврежимый, поднялся со ступени пьедестала. Теперь он казался — казался ли? — выше ростом и шире в плечах.

Сварог уже покинул кресло, вновь выдернув саблю из ножен. Магическое противостояние к успеху ни одну из сторон не приводило, две магии сейчас напоминали двух оленей, сцепившихся рогами, — сцепку не разорвать, но и одолеть один другого не может.

Сейчас все решало простое оружие.

Изо всех сил Сварог опустил сабельный клинок на невидимый «барьер», который не пускал к центру зала. С треском посыпались искры, по невидимой «стене» побежали вполне видимые радужные разводы, но она выдержала удар. Раз за разом Сварог обрушивал оружие на преграду, и вот, наконец, она начала поддаваться — места, куда попадало острое, как бритва, лезвие, начинали светиться багровым, разрывов в защите становилось все

больше, и лицо Визари исказилось. Но не только гневом: Сварог увидел, что подбородок колдуна вытянулся вниз, до самой груди, нос превратился в две зияющие неровные дыры, а выпученные фосфоресцирующие глаза переместились на виски. Он изменял свою внешность!

– Умри! – вырвался зловещий хрип из бочкообразной груди колдуна. Он поднял тощую руку с неожиданно удлинившимися пальцами, крайние фаланги ярко вспыхнули, и в сторону Сварога понесся комок фиолетового тумана.

Магический щит Сварога выдержал и эту атаку. С грохотом, на тысячи осколков разлетелась колонна, в которую, срикошетив от щита, угодил сгусток. Жуткий гул усилился до невыносимого воя. Сияние, излучаемое камнем на пьедестале, резало глаза, скрадывало очертания предметов, изменяло перспективу. Но в стене, воздвигнутой Визари, уже зияла очерченная пурпурной границей брешь – в нее-то и устремился Сварог. Когда он миновал невидимую границу, поднялся зловонный ветер – он заметил, что одежды колдуна, уже расползающиеся под напором изменяющейся плоти, затрепетали, подобно крыльям ворона. Визари взмахнул руками, и тут же рядом с ним появился его двойник – прежнего, человеческого облика.

– Ты настырен, человек, – холодно улыбнулся двойник. – Это хорошо. Так игра становится интересней. Это даже хорошо, что на тебя не подействовало заклятие холодного сна и ты вышел с корабля... хотя я и не понимаю, почему оно не подействовало. Давай же, попробуй совладать со мной! – И он угрожающе поднял руки, в которых неизвестно откуда появился сверкающий меч.

Сделав обманное движение клинком, Сварог выбросил вперед руку, и холодная сталь на целый локоть погрузилась в плоть колдуна. Однако тот даже не пытался защищаться — он с удивлением смотрел, как из раны в груди толчками хлынула черная кровь.

— Ловко! — похвалил он, словно ничего и не произошло. — Но ведь ты понимаешь, что с этим ножиком меня не победить. Тут требуется кое-что посерьезнее.

— Будет тебе и посерьезней, — процедил Сварог, вновь включая «третий глаз».

Тело Визари в магическом зрении вдруг пошло волнами, словно отражение в озере в ветреный день, но презрительная улыбка с лица не исчезла. Потом двойник колдуна заколебался, стал прозрачным, вспыхнул...

Тяжело дыша, Сварог повернулся к пьедесталу. Несущий смрад ветер крепчал.

Настоящий Визари нависал над пьедесталом, стоя на верхней ступеньке, и зеленовато-желтое сияние втекало в его пасть, наполняя обезображенную плоть силой и мощью. Ничего человеческого не оставалось в колдуне: тело его выросло втрое, шея совершенно исчезла, и теперь уродливая, шишковатая лысая голова росла прямоком из широченных плеч, корона каким-то чудом все еще держалась на ней; руки превратились в восемь суставчатых, беспрестанно извивающихся щупалец, ноги стали двумя бесформенными тумбами, снабженными кривыми грязными когтями; между ними змеился чешуйчатый хвост. Чудовище повернулось к надоедливому человеку с саблей, и мутная перепонка на мгновение прикрыла глаза с вертикальными, как у змеи, зрачками. Сварог осторожно приближался к нему.

— Ты утомил меня, человек, — с трудом, нечленораздельно прорычало *оно*, разинув слюнявую пасть, в которой сверкало три ряда кривых зубов. — Я раздумал сражаться с тобой здесь и сейчас. Я — хозяин всего, и я — хозяин времени. Поэтому я изгоняю тебя из этого *сейчас*. Отправляйся в Прошлое и до конца дней мучайся тем, что опоздал!

И будто рухнула сверху тонна песка, придавливая, ослепляя, хороня заживо...

...Сварог напрягся и медленно разомкнул веки. Возникло чувство, будто в глазах и вправду песок. Однако постепенно зрение возвращалось, и сквозь застилающий взор туман он рассмотрел склонившихся над ним Ак-Кину и Монаха.

— Он жив! — облегченно выдохнула девушка.

— Предводитель, скажите что-нибудь, — настойчиво попросил его другой голос, до боли знакомый. — Не молчите!

«Босой Медведь», — узнал Сварог. И заставил себя подняться.

Его встретили электрический свет, тихое, едва слышное монотонное гудение, спартанское убранство каюты — и лица его новых знакомых, во взглядах которых явственно проступало беспокойство.

— Что с вами произошло? — с тревогой спросила Ак-Кина, присев рядом на койку.

«Рассказать — ведь не поверят», — усмехнулся про себя новый капитан нового экипажа «Пронзающего», на борт которого он вернулся.

— А что такое? — как можно более беззаботно произнес он. — Спал вроде. Как все люди спят...

– Враг одолеть старался, проникнув через сон! – прогромыхал Монах. – Черные козни сплели, как паутину паук! Ибо сказано Многоустом: «Не дремлет зло, и ты не дремли».

– Да не ори ты, – поморщился Босой Медведь. – Перечитай лучше еще раз и со всем вниманием своего Многоуста, там наверняка что-то сказано про грех многоорания.

– А где Щепка? – спросил Сварог.

Они замешкались с ответом.

– Так она в рубке, – сказал Босой Медведь, отводя взгляд. – Надо же кому-то корабль вести по курсу.

И чувство опасности, которое вроде бы уж должно было уняться после возвращения из ледяного сна, продолжало подавать сигналы. Да еще как продолжало! Просто вопило во всю заложенную мощь...

– Сколько я спал?

– Всю ночь и весь следующий день, – сказала АкКина. – Слишком устали, наверное. Такое, я слышала, бывает.

Сварог глянул на иллюминатор. За иллюминатором чернела ночь.

– Бывает, – подтвердил Босой Медведь. – Помню, загребли как-то Рубана Драную Ноздрю в холодную и держали там трое суток. Кормили, поили, а спать не давали. Светом в глаза светили, тормошили, как только начинал отключаться, били, конечно. Хотели, чтобы он сознался в ограблении дамского магазина. Но Рубан продержался и – никуда не денешься – его отпустили... Так он, вернувшись в трактир «Битый туз», вообще продрых неделю без просыпу.

Чувство опасности не унималось, хоть тресни.

Сварог огляделся. Шаур на столике. Он протянул руку, взял.

– Что вы собираетесь делать? – спросила Ак-Кина.

А ничего Сварог не собирался. Просто привык, что шаур всегда при нем – или за поясом, или в кармане...

Он быстро повернул голову и пристально взглянул ей в глаза.

На одно короткое мгновение, словно в кошмарном сне, ее глаза разъехались в стороны, и в них вспыхнули змеиные, вертикальные зрачки... но уже в следующую секунду рядом со Сварогом вновь находилась симпатичная рыжеволосая девушка.

Ага, вот, значитца, как.

Вместо ответа на ее вопрос Сварог навел шаур на стену каюты, нажал на спуск... Серебряная звездочка пронеслась сквозь стену, точно сквозь утренний туман.

«Мираж, наваждение, иллюзия, можно и не включать магическое зрение», – понял он, ничуть не удивившись, и вместе с этим пониманием пелена упала с глаз. Фиолетовый туман вновь заволок все вокруг, застлал глаза, проник в мозг – и Сварог вернулся из страны забвения.

Он вновь оказался в зале, где горели тысячи светильников. За время его «отсутствия» – он понял это не разумом, а тем, что выше и древнее разума, – прошли считанные мгновения. Чудовище по-прежнему нависало над пьедесталом, и магическое сияние втекало в его разверстую пасть.

Вот почему этот монстр, о котором Сварог уже не думал как о человеке по имени Визари, не убил его во время «отсутствия» – чтобы убить, монстру самому потребовалось

бы переместиться в сконструированный им мир. А надеялось *оно*, что Сварогу не выбраться из иллюзорного бытия, в котором он проживет всю жизнь, но так и не поймет, не узнает, что в мире реальном минуло лишь несколько мгновений. Хитро закрутил, с-сука! Ну, держись...

Монстр с невероятным для такого веса проворством отскочил в сторону, и сабельный клинок просвистел совсем рядом с его головой. Чудовище издало яростный рев, щупальца щелкнули, как бич, и, если б Сварог не пригнулся, снесли бы человеку голову. Но человек упал, перекатился влево и вновь вскочил на ноги, выставил перед собой клинок. И вовремя: на то место, где он только что стоял, обрушился могучий удар хвостом.

На мгновение человек и монстр замерли, буравя друг друга взглядами. Из пасти того, кто был Визари, вырывалось хриплое дыхание. Сварог молчал.

И вот чудовище, неуловимым движением скользнув вперед на, казалось бы, неуклюжих лапах, взмахнуло щупальцами и опутало лезвие сабли, точно арканом. Могучий рывок едва не вырвал оружие из рук Сварога, но невероятным усилием он удержал его, резко дернул вниз. Острый как бритва клинок с легкостью вспорол склизкие щупальца, и их обрубки посыпались на пол. Монстр взвыл от боли и отшатнулся, но только на миг. Вновь просвистели щупальца, уцелевшие с другой стороны тулова, и стегнули Сварога, точно плетью. Удар бросил его на колонну. Очередная волна фиолетового тумана накрыла его с головой.

Сварог оказался на морском дне. В вечной тьме, среди колышущихся зеленоватых водорослей скользили светящиеся голубоватым холодным светом слепые рыбы. Не-

померное давление сдавило грудь, соленый ледяной поток хлынул в легкие, вытесняя последний глоток воздуха, толща воды сковывала любое движение... Но он уже знал, что это всего лишь обман, и знал, как с ним бороться...

Когда он вновь открыл глаза, прогнав наваждение, чудовище, опутав тело четырьмя оставшимися щупальцами и прижав к боку правую руку Сварога – руку, в которой он держал саблю, – нависло над ним, разинуло зловонную пасть, чтобы поглотить человека.

Извернувшись, Сварог свободной рукой сшиб с головы твари серебряную корону, и та со звоном покатилась по полу. Сияние, словно освободившись от притягивающего его магнита, взметнулось к самому потолку, рванулось из стороны в сторону и втянулось в потолок. Камень на пьедестале вспыхнул с новой силой.

Из зева монстра вырвался оглушительный рев, в котором смешались нечеловеческие ярость и страх. Он отпустил Сварога и, отвернувшись, потянулся к упавшей драгоценности. И в то же мгновение Сварог перехватил саблю, развернув ее лезвием к себе, поднял высоко над головой и по самую рукоять вонзил в спину Визари.

Чудовище взвыло с новой силой и ничком шумно рухнуло на мозаику, украшавшую пол. Сварог выдернул лезвие – из раны хлынула густая фосфоресцирующая жидкость – и вновь погрузил его в конвульсивно содрогающееся тело.

Захрипев, монстр перевернулся на спину и уставился на человека помутневшими глазами.

«Как?.. – прозвучал вдруг в мозгу Сварога тихий голос Визари. – Как тебе удалось?.. Ты, жалкий челове-
чишка...»

– Так уж получилось, – ответил Сварог спокойно, хотя от усталости грудь его разрывалась и ныл каждый мускул. – Это судьба, так что не обессудь...

И он в третий, последний, раз поднял саблю. Свистнуло лезвие, рассекая плоть чудовища, некогда бывшее человеком. Тут же стихло злое жужжание. Уродливая голова, разбрызгивая светящуюся жидкость, покати-лась в сторону и замерла рядом с упавшей короной, у подножья пьедестала.

Сварог опустил на пол и едва слышно рассмеялся. Герой мира Гаранд оказался дешевым фигляром. Высокомерным выскочкой и любителем дешевых эффектов. Но надписи со стен домов никуда не исчезнут, а равно будут множиться легенды о великом и мудром Визари...

– Какое неприятное место, – раздался голос от порога. – Сразу видно, что здесь обитал безумец.

Сварог оглянулся. На пороге зала («Интересно, а что сейчас снаружи?» – подумал Сварог) стояла Щепка.

– Безумец, вообразивший и считавший себя Визари. Самозванец, одним словом.

– Да это я уже и сам понял, – вздохнул Сварог. – А вот ты откуда знаешь?

– Просто я знаю *настоящего* Визари. Вот и все, – сказала Щепка.

Конец первой книги

Красноярск, 2003

ГЛОССАРИЙ

Воинские звания Короны

Старший командный состав:

верх-победитель

ваффен-победитель

резерв-победитель

Средний командный состав:

штабен-йор

ваффен-йор

роттен-йор

Младший командный состав:

юнк-лейтенант

юнк

Сержантский и рядовой состав:

йорг-капрал

рядовой

СТРУКТУРА КАСКАДА

Глава Каскада

Церемониальное наименование должности: Держатель Меча правосудия. Соответствующее должности звание: верх-победитель.

Процедура назначения на должность: выбирается Советом Семи из числа предложенных *уходящим* главой Каскада преемников. На случай внезапной смерти главы Каскада в его личном сейфе хранится пакет с именами возможных преемников. Кандидатур, чтобы исключить пристрастие со стороны главы Каскада, должно быть не меньше трех и, чтобы упростить процедуру согласования в Совете Семи, не больше семи. Причины, по которым глава Каскада может оставить должность: смерть, состояние здоровья, недоверие Совета Семи. Основанием для отстранения Главы Каскада от должности может служить только единогласное решение Совета Семи.

Последние пятьдесят лет службу возглавляет верх-победитель маркиз Арт-Гвидо.

Центральный регистр

Глава центрального регистра (сейчас – ваффен-победитель граф Брокко-Гант). В его ведении: общее руководство, взаимодействие с отделениями Каскада-1 в провинциях и колониях.

Прим-адъютант (сейчас – рот-майор виконт Оммо-Пасс). В его ведении: личные дела сотрудников Каскада, представление к наградам и иным видам поощрений, секретное делопроизводство, разработка и доведение приказов по Каскаду.

Подрегистр «Картотека Каскада»

Секретный допуск: личные дела сотрудников Каскада, отчеты об операциях, ежедневные отчеты, донесения агентуры за последние сто одиннадцать лет, отчетная документация по использованию Каскадом финансовых средств.

Сверхсекретный допуск: донесения и прочие документы, касающиеся персон первого эшелона, материалы по генеалогии и техническая литература.

Сотрудники «Картотеки Каскада» отвечают за проверку принимаемых на работу в Каскад.

Подрегистр «Соседи-1»

Официальное взаимодействие Каскада с командованием армии, флота и Унии Авиаторов. Заведение и ведение личных дел на офицеров армии, флота и Унии Авиаторов. Негласный присмотр за отдельными представителями армии, флота и Унии Авиаторов. Апосредованное и непосредственное влияние на отдельных представителей армии, флота и Унии Авиаторов.

Подрегистр «Соседи-2»

Присмотр за лицами, занятыми на государственной службе (таможенная, пограничная, служба сбора податей, служба врачевания и так далее). Заведение личных дел. Выявление ключевых фигур. Вопросы влияния на ключевые фигуры.

Подрегистр «Генеалогический»

Выявление родственных связей жителей Короны, колоний, протекторатов и пр. Составление генеалогичес-

ких древ не только для дворянских семей, но также для купечества и простолюдинов. Разработка рекомендаций по использованию полученных знаний.

Подрегистр «Женский»

Подбор и обучение агентесс. Создание, поддержание и расширение сети женщин-осведомителей. Техническое и финансовое обеспечение сети. Работа с женами персон первого эшелона.

Регистр «Связь»

Сейчас возглавляет штабен-йор Нейтос-Шорг.

Первый отдел: курьерская служба.

Второй отдел: служба сбора донесений.

Третий отдел: голубиная почта.

Четвертый отдел: связь посредством аппаратуры.

Регистр печати

Сейчас возглавляет ваффен-йор Феони-Рап.

Первый отдел: изъятие корреспонденции у Королевского почтового ведомства, сортировка и возврат корреспонденции.

Второй отдел: проверка корреспонденции с помощью химических реактивов и на аппаратах профессора Карго.

Третий отдел: перлюстрация частной переписки.

Четвертый отдел: перлюстрация деловой переписки.

Пятый отдел: перлюстрация полевой почты.

Шестой отдел: обзор открытых источников печати (книги, газеты, уличные объявления), анализ открытых и закрытых научных публикаций.

Седьмой отдел: проверка вызвавших подозрение корреспондентов, составление картотеки на всех подозрительных лиц.

Иностранный регистр

Первый сектор: морская разведка (осуществляется силами Каскада и военного флота).

Второй сектор: авиаразведка (осуществляется силами Каскада и Унии Авиаторов).

Третий сектор: сухопутная разведка, создание агентурных сетей в других странах.

Четвертый сектор: общие вопросы секретного сбора и доставки донесений.

Регистр «Противодействие»

Сейчас возглавляет резерв-победитель маркиз Гальв-Риглар.

Фаланга «Отпор»: профилактика предательства в армии, на флоте и в Унии Авиаторов, а равно среди чиновников всех эшелонов. Профилактика разглашения тайн. Анализ причин умышленного и вынужденного предательства. Контроль за перемещениями жителей внутри Короны и колоний. Работа с полицией, анализ полицейских сводок. Работа со старостами деревень, со служителями культа, со старшими торговых артелей. Контроль за въездом-выездом иностранцев. Контроль за поездками жителей Короны за границу.

Фаланга «Охрана»: охрана персон первого эшелона. Охрана объектов повышенной важности. Разработка пропусков, удостоверений, отличительных знаков, паролей, виз, печатей, штампов. Защита финансовой системы,

борьба с фальшивомонетчиками (в сотрудничестве с собственной охраной Министерства финансов). Охрана служебных помещений Каскада, служебный надзор за сотрудниками Каскада.

Фаланга «Охват»: расширение и поддержка сети осведомителей на всей территории метрополии (совместно с подрегистром «Женский», с подрегистрами «Соседи-1» и «Соседи-2», с фалангой «Отпор»). Проверка подозрительных лиц. Работа с криминальной средой.

Регистр спецопераций

Фаланга «Слово»:

1. Кураторство над университетами и работающими на дому учеными, получение и доставка опытных образцов.
2. Собственные лаборатории.
3. Научно-техническая подготовка сотрудников Каскада.
4. Планирование операций.

Фаланга «Дело»:

1. Батальон «Шпага» (набирается из числа тех, кто проходил службу в армии, на флота или в Унии Авиаторов), место дислокации – протекторат Андина.
2. Батальон «Секира» (выходцы из колоний), место дислокации – протекторат Лавтмар.
3. Батальон «Стилет» (состоит из горцев), место дислокации – протекторат Дарх (предгорья Накаррона).
4. Батальон «Боевой топор» (состоит исключительно из собственных воспитанников Каскада), место дислокации – четвертый пригород столицы.

ПАМЯТКА ВЕРБОВЩИКА

Гриф: «СТРОГАЯ СЕКРЕТНОСТЬ»

Приемы, позволяющие склонить к сотрудничеству с Каскадом.

– Обещание денег.

Вербовщик всем своим видом и поведением должен показывать свою денежную состоятельность. На первых порах разработки рекомендуется подкармливать вербуемого денежными наградами, но ни в коем случае не переплачивать. Вербовщик должен постоянно подчеркивать, что, если работой агента будут довольны, его жалование станет неуклонно увеличиваться.

Человек, сотрудничающий из одних только меркантильных побуждений, должен стремиться к какой-то большой цели. Поэтому вербовщик должен показать объекту разработки эту цель – возможность заработать очень много денег в случае успешного выполнения задания.

– Обещание риска.

Разработка людей, склонных к авантурным поступкам. Эти люди дают подписку о сотрудничестве не из меркантильных побуждений, из-за «романтики шпионской жизни».

– Игра на патриотических струнках: «только вы можете спасти наш мир», «в ваших руках будущее Короны», «от вас зависит счастье наших детей» и так далее.

– Обещание помощи (для вербовки жителей протекторатов, провинций и пр.).

Вербовка в кругу людей так называемой «внутренней эмиграции», враждебно настроенных по отношению к правящему режиму.

NB: Если некий человек сам ищет выход на сотрудников Каскада, то вербовщику предписывается в таком случае ничего не предпринимать самостоятельно, а немедленно доложить обо всем в регистр «Противодействие». Означенный регистр подвергнет этого человека всеобъемлющей проверке и только после этого даст или не даст разрешение на вербовку.

СТЕНОГРАММА ДОПРОСА

(допрос вел сотрудник фаланги «Охват» регистра «Противодействие», юнк-лейтенант виконт Гальвиг-Тарэ, записал фиксатор с допуском средней секретности йорг-капрал Лахто-Эрт).

Пометка: кающийся перед допросом прошел процедуру подготовки к раскаянию, к нему была применена интенсивность третьей степени.

– Назовите себя, кающийся.

– По имени Лекс из семьи Чевлог.

– Место вашего рождения?

– Город Кост провинции Мидон.

– Род занятий?

– Учеба. Получение знаний. Готовлюсь войти в семейное дело.

– Назовите ваше семейное дело.

– Изготовление и ремонт трансмиссии для аэропилов.

Основатель – мой отец, маркиз Стан-Руг.

– Что побудило вас, кающийся, примкнуть к заговорщикам, называющих себя Иными?

– Праздность и лень. В нашей семье мужчин допускают к семейному делу лишь по достижению ими тридцати лет.

– Кто приобщил вас к идеям альтернативного прогресса? Как и когда это произошло?

– Это произошло во время моего обучения в столичном королевском университете. Я был студентом факультета Основ Движения. На втором курсе я стал членом тайного кружка, целью которого было изучение идей паранауки.

– Расскажите об этом кружке подробнее. Кто входил в него? Сколько он просуществовал? Где и как часто вы собирались?

– В кружок входило три человека, все трое – студенты университета. Двое, включая меня, с факультета Основ Движения. Третий, он был у нас старшим, так называемым Покровителем, учился на факультете Постижения Вечности.

– Его имя?

– Фог-Апол.

– Имя третьего члена кружка?

– Калв-Ватил.

– Чем вы занимались?

– Читали запрещенные книги. Проводили магические экзерсисы первой ступени Восхождения.

– Назовите некоторые из книг.

– «Вокабулы» Стронса-младшего, «Гумилиат» Лесного Ахера, «Цзинту-Цам» Ямвлиха-с-восточных-земель...

– Ясно. Откуда вы брали эти книги?

– Их приносил Фог-Апол... Кстати говоря, именно он и вовлек меня в противозаконный кружок. Сперва он дал мне «Манифест Иных». Верно говорят, ненадкусанное яблоко всегда слаще надкусанного...

– Не отвлекайтесь, кающийся. Отвечайте только на мои вопросы. Сколько продолжалось ваше членство в кружке?

– Три года.

– Что было дальше?

– Я прошел процедуру «второго рождения».

– Расскажите, как это было.

– Незадолго до окончания обучения в университете, на последних студенческих каникулах Покровитель пригласил меня и Второго Неофита вместе отдохнуть у его дядюшки, который якобы живет затворником в горах Сиреновой Гряды, по ту сторону перевала. Ночь застала нас в пути. Покровитель сказал, что до дома дядюшки осталось совсем немного, и предложил нам передохнуть и выпить хорошего вина для подкрепления сил. Последнее, что я помню – как поднялся на ноги. Потом все поплыло в глазах. Очнулся я в какой-то пещере...

– Припомните, кающийся, вам не показалось, что вино слегка отдает бергамотом?

– Да... Кажется, да.

– *А вы могли бы указать место вашего привала?*

– Да, конечно. Только позволю себе заметить, что это вам мало чем поможет. У меня создалось впечатление, что дальнейшие события происходили не там, не в горах Сиреновой гряды...

– Поясните свою мысль.

– Как бы сказать... Я чувствую высоту как таковую. Знаете, некий фон ощущений... Этот фон изменился. Он ощущался мною как равнинный.

– Вы хотите сказать, что вас в бесчувственном состоянии перевезли с гор на равнину?

– Думаю, не перевезли, а переправили с помощью магических заклинаний. В одной из книг я читал о подобном. Это называется Заклинанием Дороги, им владеют лишь маги высшей ступени. Для того чтобы выстроить такую Дорогу, требуется участие двух сильных магов. Они одновременно произносят заклинания, которые требуют огромного телесного и умственного напряжения, и меж-

ду ними образуется коридор, не знающий расстояний. Они могут поддерживать Дорогу от одной до десяти минут. Полагаю, меня пронесли как раз по такой Дороге.

– Вы предполагаете, что одним из магов был Фог-Апол?

– Не исключено. Хотя ни до этого, ни после Фог-Апол не демонстрировал при мне магических умений высшей ступени. А сам он говорил, что достиг всего лишь начал второй ступени.

– Оставим это. Что происходило с вами дальше?

– Со мной и с Калв-Ватиллом дальше происходило следующее. Очнувшись, мы увидели, что находимся в просторной пещере, освещенной множеством факелов. Мы сидели в креслах, вырезанных из дубовых комлей, в десяти шагах перед нами из неширокого каменного колодца вырывалось зеленое пламя. Кроме нас в пещере находились еще двое. Оба были облачены в ритуальные малиновые одежды магов, их лица скрывали опущенные капюшоны. Нас спросили, согласны ли мы принять «второе рождение». И я, и Калв-Ватил ответили согласием. После этого нам сказали подойти к колодцу и заглянуть в него. Мы подошли и заглянули.

– И что вы там увидели?

– Я не помню, клянусь честью. Я даже не уверен, что увидел что-то. Я помню лишь охватившие меня тогда ощущения. Это похоже... знаете... Мало кто из студентов хоть однажды не попробовал настой корня руты. Ощущение, испытанное мною в пещере у колодца, было сродни тому, что вызывает корень руты. Состояние величайшего восторга, когда кажется, что все тебе по плечу, нет для тебя ничего невозможного...

– Мы поняли, кающийся. Продолжайте по существу.

– А потом нам сказали, что отныне мы части Целого, отныне мы приобщены к делу Визари и нет для нас отныне другого лидера, вождя и духовного пастыря, кроме Визари. Потом нас провели в дальний угол пещеры. Там, на небольшом каменном пьедестале стоял предмет, накрытый шелковым покрывалом с вышитым на нем письменами. Один из людей в ритуальной одежде откинул покрывало, и мы увидели Кристалл Единения. В Час Призыва мы должны настроить наши эманации на этот Кристалл.

– Как вы должны были узнать о наступлении Часа Призыва?

– Нам сказали только, что мы узнаем как о его приближении, так и о его наступлении.

– Вам объяснили, для чего это необходимо – настраивать ваши эманации на Кристалл?

– Во имя достижения торжества идей Визари во всех землях мира.

– А вы сами догадываетесь, для чего заговорщикам необходимы ваши эманации?

– Во имя достижения торжества...

– Нам понятно. Вы не имеете представления о том, что для государственных преступников, замышляющих свержение справедливого мироустройства, дабы ввергнуть мир в хаос, вы должны были стать добровольным поставщиком энергии. Так вода питает цветок, так кровь питает комаров. Без этой подпитки заговорщики бессильны, их собственных силенок недостаточно для серьезного дела. Поэтому они и рыщут в поисках новых жертв, смущают умы лживыми идеями. И находятся балбесы вроде вас,

которые ради острых ощущений предают родину, преда-
ют Корону. Вы осознаете свою вину, кающийся?

– Да, осознаю.

Приговор суда по делу Лекс-Чевлога, вынесенный в
судебном зале Каскада в городе Некушд:

«...на основании вышеизложенных фактов, именем ко-
роля мы приговариваем Лекс-Чевлога, жителя города
Кост провинции Мидон к смертной казни через раство-
рение. Учитывая полное и чистосердечное раскаяние,
смертный приговор через растворение заменяется на
смертный приговор через отрубание головы, что не вле-
чет никаких последствий для чести семьи приговорен-
ного и преследований членов семьи Чевлог».

ИЗ АРХИВА КАСКАДА

*Материалы из архивного сектора «Отложенное
и непроверенное».*

Приложение к допросу №7894-А.

Я расскажу вам все, что знаю об этом человеке. Я слышал о нем от своего товарища по имени Апри-Онгой. Имя героя этой истории стерлось в моей памяти. Впрочем, я не помню даже, называли ли мне его.

Он появился на свет в небольшой деревушке на севере Короны в семье землепашцев. Ему была уготована обычная, бесхитростная деревенская судьба: работа в поле от рассвета до заката, забота об урожае, женитьба на простой девушке, полный дом детей, игра в «камни» по вечерам за кружкой темного пива, беззубая, немощная старость в чулане рядом с кухней, кладбище на окраине деревни, у леса. Вряд ли что-нибудь изменилось бы в заведенном порядке наследования судеб, не случись с ним, когда от роду ему было всего восемь лет, страшная беда. На него упало дерево. Оно размолотило неосмотрительному ребенку бедренные и тазовые кости. Он выжил чудом, так как никто не прикладывал особых усилий к его спасению. Для того и плодили детей как можно больше, чтобы отдавать требуемую дань болезням и несчастным случаям, но после того оставалось бы кому продолжать род. Да и произошло это несчастье в пору сбора урожая – всем было не до обреченного, как думали, мальчика.

Он выжил, но не раз пожалел об этом. Он стал отставать от сверстников в росте, на всю жизнь охромел, рос

слабосильным и болезненным. Проку от такого семье было немного: не помощник в мужской работе, с женской и без него было кому справляться в доме, просто лишний рот. Мальчик чувствовал отношение к себе, как к обузе, и очень страдал от этого. Братья и сестры перестали брать его в свои игры, дразнили и мучали. Соседские дети – тем более.

Единственное, что ему поручали – пасти коз. Он любил свое уединение на лугах, вдали от людей. Однажды к нему, сидящему в грустной задумчивости под деревом, вокруг которого выщипывали траву поднадзорные животные, подошел старик из их деревни, по имени Ессиннгорд (его имя почему-то мне запомнилось), живущий бобылем, немного знахарствующий, немного, поговаривали шепотом люди, колдующий. В те недалекие времена почти в каждой деревне встречались такие, в большей или меньшей мере приобщенные к колдовству, вы же знаете? Вскоре, после усиления борьбы с чернокнижниками, они перевелись.

Ессиннгорд, собиравший в окрестностях травы, заговорил с мальчиком, и очень скоро, как-то незаметно для себя, пастушок признался старику во всех своих детских горестях и печалях. Старик выслушал его очень внимательно, не принялся охать и соболезновать, а сказал:

– У тебя есть только одна возможность закрепиться в этой жизни и заставить других считаться с собой – магия. Я покажу тебе путь в нее.

С тех пор мальчик и старик виделись каждый день. Ессиннгорд рассказывал – ребенок слушал. Он стал бывать и у знахаря дома. Другого бы отец не отпустил бы из дому неизвестно зачем, да еще к человеку, по слухам,

знающемуся с черными силами. Но на калеку давно все махнули рукой и не интересовались, где он, с кем, что делает.

Задатками ребенка боги не обидели, помноженные на усердие они приносили плоды. Он быстро выучился читать и писать и теперь проглатывал одну за другой книги Ессиннгорда, на лету схватывал то, чему учил его старик. Вскоре мальчик начал уже самостоятельно врачевать занедуживших членов семьи, домашний скот. В семье отношение к нему стало меняться к лучшему. Правда, если б в семье узнали, что может он творить помимо врачевания — его бы непременно посадили навсегда под замок.

Когда ему исполнилось четырнадцать, Ессиннгорд сказал:

— Ты знаешь столько, сколько и я. Даже больше, потому что я уже начинаю кое-что забывать. В деревне ты останешься тем, кем есть. В деревню ты всегда сможешь вернуться. Уходи отсюда. Ты можешь стать очень сильным магом. Попробуй стать им. Я назову тебе несколько имен тех, кому ты назовешь мое имя и тебе помогут. Ты еще ни разу не слышал от меня про Иных. Так слушай.

Оказалось, Ессиннгорд — один из членов тайного сообщества магов и помогающих им людей под названием Иные. Когда-то он сознательно прекратил дальнейшее свое погружение в магию. Ессиннгорд предпочел отказаться от большего знания и могущества и уединиться в глуши, дабы дожить оставшееся в тишине и спокойствии. Но он считал, что для этого увечного подростка лучшей участью будет попробовать себя в Большой магии, попробовать овладеть могуществом, только так он сможет перестать ощущать себя никчемным калекой.

Подросток ушел из деревни на следующий день. Начались его странствия.

Прежде, чем он добрался до первого человека, к которому направил его Ессиннгорд, прошло несколько месяцев. Он немало претерпел и испытал. Какое-то время провел среди бродяг, нищенствовал и попрошайничал. Именно тогда он влюбился в женщину, она ответила ему взаимностью. И случилась беда. Ему открылось еще одно ужасное последствие того увечья в раннем детстве. Быть может, самое ужасающее, самое непереносимое. Он не мог любить женщину плотью. Для него мир окрасился в черное. Ему было настолько невыносимо, что оставалось либо спиться, либо покончить с собой. Что-нибудь из этого и случилось бы, не довелось ему так много узнать о магии, о ее возможностях, не имеющих границ. Он понял, его спасение в магии, только она, опять она, она одна в силах вернуть смысл жизни.

Его одержимость не нравилась тем, к кому он обращался от имени Ессиннгорда, она вызывала у них подозрение и они старались поскорее избавиться от чересчур рьяного неопита. Хватая по крупницам у тех-других, юноша странствовал от мага к магу. Наконец, он очутился в одной тайной обители и там нашел огромное количество старинных книг, хранивших древнюю мудрость, и получил возможность их спокойного изучения. Два года хождения мысли по истлевшим страницам, два года с тремя часами сна в день, два года Постижения подарили ему нужное Знание.

Человеческой плотью, человеческой душой, вождением, влечением, страстью, симпатией, любовью

можно управлять так же, как и всем остальным в этом мире. Надо только знать – как. Он узнал многое, очень многое.

И он один из немногих, может быть, единственный из всех, кто поверил в подлинность древней легенды о битве Древних Богов. И он вознамерился отыскать упомянутый в легенде предмет, который дает его владельцу невиданное могущество над стихиями и силами, пронзающими этот мир. Рассказавший мне эту историю Апри Онгой сам не знал, что это за предмет. Знал разве, что тот является одним из элементов вселенской структуры, поддерживающей Равновесие в Мироздании.

Вот и все, что я знаю об этой истории. Нашел ли тот пытливый юноша свой древний артефакт? Ничего не могу сказать. Да уж наверное и в живых его нет, сколько лет прошло...

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
НАВСТРЕЧУ СУДЬБЕ	5
<i>Глава первая</i>	
ГОЛЫЙ ЧЕЛОВЕК НА ДЕВЯТОМ ЭТАЖЕ	6
<i>Глава вторая</i>	
ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ КАБЕЛОТОВ ПОД ВОДОЙ	18
<i>Глава третья</i>	
ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ	39
<i>Глава четвертая</i>	
ЕЩЕ БОЛЬШЕ ВОПРОСОВ И ОТВЕТОВ	50
<i>Глава пятая</i>	
НЕСЕТ МЕНЯ МОЙ ДЕЛЬТАПЛАН... ..	76
<i>Глава шестая</i>	
ЭКИПАЖ ЖЕЛАЕТ ВАМ ПРИЯТНОЙ ПОСАДКИ	92
<i>Глава седьмая</i>	
УЛИЦЫ И ЗДАНИЯ	102
<i>Глава восьмая</i>	
ЗДАНИЯ И КРЫШИ	117
<i>Глава девятая</i>	
ХЛЕБ И ЗРЕЛИЩА	132
<i>Глава десятая</i>	
ИГРА С МЫШКОЙ	143
<i>Глава одиннадцатая</i>	
КОРИДОРЫ ЗАСТЕНКОВ	155
<i>Глава двенадцатая</i>	
БЕГ ЗАЙЦА ЧЕРЕЗ ПОЛЯ	168

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
НАПЕРЕКОР СУДЬБЕ 183

Глава тринадцатая
ЛЮДИ В ЯНТАРНЫХ ХАЛАТАХ 184

Глава четырнадцатая
ПАТРОНЕССА И ГРАФ 194

Глава пятнадцатая
ГЕРОИ ТЕМНЫХ ПОДВОРОТЕН 215

Глава шестнадцатая
«ПРОНЗАЮЩИЙ» 230

Глава семнадцатая
И ЭТА ЛЕДЯНАЯ СИНЕВА... 252

Глава восемнадцатая
НЕКТО ВИЗАРИ 269

ГЛОССАРИЙ 289

Структура Каскада 290

Памятка вербовщика 295

Стенограмма допроса 297

Из архива Каскада 303

Бушков Александр Александрович

Серия «Специальный русский проект»

**СВАРОГ.
ПЛЕННИК КОРОНЫ**

Роман

Ответственный за выпуск

Е. Г. Измайлова

Корректоры *Т. В. Звертановская, Л. С. Самойлова*

Художник *С. А. Григорьев*

Оформление обложки *И. И. Кучмы*

Верстка *А. Б. Ирашина*

Подписано в печать 25.12.03

Формат 84х108¹/₃₂ Гарнитура «Таймс»

Печать офсетная. Бумага газетная

Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 10,2

Тираж 50 000. экз. Изд. № 04-0178-СП

Заказ № 475

Издательский Дом «Нева»

199155, Санкт-Петербург, ул. Одоевского, 29

Отпечатано с готовых диапозитивов

в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»

127473, Москва, Краснопролетарская, 16